

Евгений Одинцов

Именно в
Дарониной

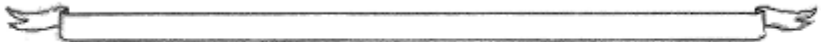
Евгений Одинцов

Именно о Дорониной

В. В. - моей несбывшейся мечте

Москва
- 1998 – 2024 -

ИМЕННО О ДОРОНИНОЙ

«Подарил её зарною кикой»

Божественный Клюев

В последнее месяцы века и эры, приветствуя абсолютно всех женщин страны (и в дни, когда так шумно выбирают разных «королев»: кто страны, кто сердца) - я хочу выбрать сразу, без конкурса - и королеву и женщину своего сердца - Татьяну Васильевну Доронину.

Трудно на сегодняшний день - в разноголосице событий, изменчивости новостей, сумятице понятий - сказать вот так безоглядно о творчестве кого-либо. Творец в наши дни живет в еще более сложных измерениях жизни, чем жизнь любого гражданина в нашей стране этих дней. И тем не менее, сказать о творце и хочется и необходимо - чтобы не потерялась сущность в переливчивой странности и разноречивости нашей жизни. И слово моё будет об одной из интереснейших, самобытнейших и очень ярких наших актрис.

Татьяна Доронина... Современная актриса разделённого МХАТа (делить который - это всё равно что поделить Кремль, где бы на одной половине жил Горбачев с женой, а на другой турки-месхетинцы), знаменитая актриса этого некогда знаменитого театра, его же главный режиссер, она же директор, и она же - всё равно! - слабозащищённая советская женщина-гражданка. Но почему хочется именно о ней сказать - потому что здесь совершенно выдающиеся, очень отличительные черты её - как особи, как актрисы: я имею ввиду недюжинную душевную силу, настойчивость, упрямство и, наконец, умение её, как бесспорно сильного и талантливого человека - вобрать в себя, сколотить вокруг себя коллектив, - то есть предприимчивость, работоспособность и, в конце-то концов, ЖАЖДА ВИДЕНИЯ тех больших задач, которые стояли и стоять будут перед русским-советским театром, и которые она сама ставит перед собою. Другими словами, я хочу сказать о незаурядной решительности этого человека, этой актрисы. Ведь Доронина, прежде всего - актриса. И после всего - останется актрисой, НЕЗАМЕНИМОЙ (это лучше всего характеризуют записки Евг.Лебедева: что уход Дорониной с роли Монаховой в «Варварах» - сломал устои всей постановки Товстоногова). Или (уже на моей памяти, недавно), когда в холодном надуманном спектакле о королевах, где она ОДНА - обжигает и пронзительно! - играла будто сразу и за Тарасову и за Степанову ОДНОВРЕМЕННО. И грандиозно. А теперь в том спектакле аж четыре актрисы надрываются (помню, Бабанова презрительно называла их «кислым молоком», - Доронина ей нравилась...).

Совершенно другой вопрос - как все это сейчас получается: очень ли талантливо, или же все-таки с какими-то огрехами? Вот об этом я как раз и не буду говорить, а повторю еще раз об актрисе, отличающейся на сегодняшний день самыми выдающимися актерскими чертами из всех своих современниц, оставаясь очень женственной и, при видимой силе - по-женски слабой, по-человечески - высокоблагородной, внешне - очень красивой, ярковыразительной, сценически - мудрой, пластичной и наверняка уж очень запоминающейся! Те, кто видит Доронину на сцене последних дней, не могут не унести её образ, так резко и выразительно вклинивающийся в память - среди, в общем-то, тусклости нашего сегодняшнего общетеатрального окружения (а то, скажем - и в откровенной завистливости, которая в наше время является просто рефреном каждого талантливого мгновения!). Есть один восхитительный и безжалостный закон, открытый самым знаменитым французским художником: в живописи важно только то что рядом. Но ведь оно так и в театре тоже. Доронина живет не в безвоздушном пространстве, не на необитаемом острове и не в Ледовитом океане: кто-то рядом с нею, но и она всегда «рядом». Это очень надо уразуметь. Чурсина - та умеет молчать драматически, одними глазами (а это важно понимать) - и создаёт тревогу. Не мимическое лицо как у Греты Гарбо: подняла бровь - значит расхохоталась, а Чурсина - нутром, лучом достигает эффекта. Но она одинока, её с удовольствием загубили: не от хорошей жизни люди доходят играть «Даму с камелиями» в красноармейском театре (хоть в Москву, но вниз, «17 ступенек вниз», из Александринки с квадригой!). Как она немногословна своим лицом!! А её славу в кино, добытую честным трудом, разменяли на пятаки в театре, где она просто не может пошевелиться своим немногословным лицом с очень сдержанной мимикой (это не Румянцева Надя, у которой рот никогда не закрывался: то три х. сразу, то ни одного!). Да Чурсина и вообще не театральная актриса, а «киношная». Есть Марецкая и Доронина - счастливые сочетания-исключения: блистательные и в театре и в кино. Они одни, пожалуй. Единственные на этом звездопаде-звездолёте. Орлова тоже потерялась в театре: ни Константин Симонов, ни Поль Сартр - ничего не вписали, в театре её не подняли. А Тарасова... - я не представляю себе «Петра1» без Симонова, нее и Жарова: эта троица сделала фильм классическим, как и «Чапаева» Бабочкин с Кмитом, - это была классика блистательная, сверкательная! (В «Петре1» еще и Зарубина, моя любимица, незабываемая: «Не хочу ананасов, хочу огурца солёного, в деревню, девки поют!»)... Видел Кмита незадолго до смерти, в Доме кино: лысый, глаза китайские голубые растянутые, а Бабочкина последний раз - на лентуловском вечере памяти, в Академии художеств: как он размашисто и

мощно прочитал пушкинский стих, с особым мучительным значением бросив в зал: «И не оспаривай глупца»...

«В театре важно только то что рядом».

Доронина-то всегда рядом, но кто сейчас «рядом» с нею?! Какой может быть сейчас театр, если в комнате сраной, в трамвае - объяснение в любви, на скамейке около дома!? Шекспиру помогают тучи, море, гул, и везде это у него обязательно: Ромео и Джульетта, балкон, ночь, звёзды (балкон должен быть большой, не как у нас). Горе должно быть всегда в ёлках, объяснение - с жасмином, слёзы - с грозой. Гроза - это всегда трагедия, вселяет страх, в трагедию всегда вводится гроза. Островский это знал, правильно в «Грозе» сделал. Неспроста у него обрыв - это символ: он работает не как природа, не как образ природы, а как символ драмы, как образ трагедии. В «Бесприданнице» Лариса - она не бросилась с обрыва, а была застрелена около обрыва (это не арбузовская Таня: на кухне полюбили, на кухне и расстались, и ребёнка родила в коридоре, около ванны совмещённой)...

Я всегда говорю, что Арбузов погубил романтическое дарование Бабановой.

Нельзя в МХАТе ставить фельетон, а «Скамейка» - это, все-таки, фельетонная вещь, это могли делать и Миронова с Менакером на эстраде, но МХАТ должен служить чему-то другому... Доронина очень точно ведёт рисунок, она абсолютно ювелирно точна невероятно, но эта пьеса для нее проигрыш, а роль, хотя она и адски трудная, можно было отдать какой-нибудь актрисе Пиздюшкиной, окончившей театральную школу где-нибудь в Крыжополе. Чем режиссер думал удержать публику? Этим однообразным диалогом без единого ритмического перебива?? На Дорониной цветастое платье - тоже напрасно: такие разноцветные кисели - это отвлекает и раздражает публику, да чулочница и не могла так одеться, надо при той же стройнящей черной кофточке что-то одноцветное, а не эти левенталевские менструальные пятнушки (они у него везде: и в балетной «Анне Карениной», и здесь). Доронина-то очень точно ведёт рисунок роли - и вызывает бурное негодование зрительниц (эту вещь надо в Орехово-Зуево везти, ткачихам, они бы там все обрелись), но это её любимая роль, её тема: жарких, потных, чистых русских баб, борющихся за своё счастье - миллиметровое - и Доронина по-прежнему для всех (и для меня!) остаётся любовью и славой, и доставляет большое удовольствие, хотя это и не для МХАТа, это не МХАТ, который всегда определял и ставил всегда многоплановое, многослойное, многолюдное, а «Зойкина квартира» - это для вахтанговской студии, и «Скамейку» можно было и на Арбате сыграть, в подворотне. Эту глухую как пень Сухаревскую, когда они с Тениным пытались солировать - выводили и из Бронной, и из Маяковки – спектакль

на двоих нигде не нужен. Ну, Доронина - своя рука владыка - сняла целый МХАТ для себя двоих, играет!.. Но нет драматургии, безрежиссёрье, безактёрье! И МХАТ - это такая пустыня!! Бедная Доронина мечется, забрасывает публику своими сердечными щедротами, но она - тоже! - одна. Так что же тогда есть на сегодняшний день?? Первоклассный театр (плевать на труппу), самого высокого класса актриса с непочатым краем возможностей, у которой есть огромный талант и у которой нет репертуара, но есть непререкаемые возможности, потенциальная слава академии театра, все степени славы, обласканности и известности самой Дорониной! Значит, чего не хватает? Не хватает режиссера. Поэтому - не искать режиссера по всем театральным задворкам всей страны, а в училищах найти молодого, наверняка имеющего налицо талант, не одного так двух (для МХАТа хватит). Для начала им надо объяснить, что она не пытается создавать их экспериментально-бредово-эротико-пластично-глухо-немо-пантомимомодернистско-упадочно-бессмысленно-перспективные студии, а сразу ориентировать на высокую русскую, европейскую классику - драму и трагедию. Лучше - трагедию. Что-то в духе Алисы Коонен (для начала). Не может не быть в трех московских студиях, среди ближайших двух лет выпусков, талантливого режиссера! Только для этого нужно сначала внедриться шпионски в студию, собрать сведения: кто самый-самый, а потом вызвать его и поговорить, сказать: «Учись хорошенько, набирайся ума-разума, потому что ТЫ мой режиссер - вместо Станиславского и Немировича-Данченко» (скромненько).

Потому что МХАТ - это значит через год трехкомнатная квартира у мальчика, и всё прочее.

Что может быть более и выше в мире театра, чем «режиссер МХАТа»!! Никто не говорит что МХАТа-второго или третьего, они просто родились и разделились на Горького и Чехова, но всё равно «чайка» висит и там и тут. Станиславский на Чехове открыл возможности не Чехова, а театра, открыл возможности драматургии. В каждой фразе огромный смысл, огромный намёк - «Мы будем работать». Это все мы работаем. Нет, это они «будут работать». Там была классика. Недаром, законно, потом пришли куда более сильные вещи Горького, Булгакова, но никак не Гельмана - это не тема для Художественного театра. Это кто поставил «Скамейку»? Худрук, сам, он, а ля Станиславский!?! Эту рыночную площадную пьеску, чем тащить в МХАТ - тащили бы лучше в Зелёный театр в Малаховке. Только ущербность ефремовская могла протащить Гельмана. Актеру нужен режиссер, режиссеру нужен сценарист - это связь прямая. Репертуар актриса должна выбрать сама - сообразно своим физическим, физиологическим, умственным, культурным, женским возможностям. Дорониной нужны только свежие, ничего еще не делавшие талантливые люди. И чтобы не она

их учила, а они ей позволили себя учить, что-то сказать, что-то от себя. Нужно все-таки развести тот маленький шпионаж, если она хочет быть на сцене еще 10 лет. ОНА ДОЛЖНА СДЕЛАТЬ СПЕКТАКЛЬ. Прекрасный спектакль всегда должен делаться не театром - так было всегда со времён Сары Бернар, Дузе, Комиссаржевской, Коонен: есть актриса, одна актриса, есть её режиссер, должен быть один сценарист. Если всё органично построено и играет друг на друга - спектакль не может не быть прекрасным. Но тут подстерегает вторая опасность: вкус. Очень с большим вкусом, с абсолютной схожестью - на всех троих должна быть выбрана пьеса! Право в выборе первой принадлежит актрисе (всегда хуже, когда находит режиссер и ищет актрису). Поэтому, актриса - это №1, сценарист - это №2, режиссер - это №3, 4, 5, 6, 7... до бесконечности. Легко найти талантливого парня-сценариста (она же не театром заведует в Суздале!). Найти их в Доме литераторов, они не могут не быть (но - или очень бездарные, или же очень невысоки были их рыбки, которыми выражают свои протуберанцы гениальности - и тут же гибнут, потому что были незамечены, или в то время - не ко времени). А блестящая актриса - всегда еще и сама режиссер, так что... Взять с небольшим количеством участников «Нору»: затянута в малиновое бархатное платье, с белым воротником (но только не в кружевных вологодских кружевах по кличке «брюссельские!»), такая фру... - Доронина физически создана для этого образа, а внутренне у нее есть всё, чтобы это сделать, «Мадам Бовари» (пусть поизучают режиссеры!); «Катерину Измайлову» (или этот вариант, или вариант «Леди Макбет Мценского уезда»); неплохо - один кусок какой-то из «Воскресения» (например последнюю часть, тюремную - встреча с Нехлюдовым), совсем неплохо - «Даму с камелиями» (сейчас это такой материал для Дорониной с её внешностью!) - немного выше и тоньше, чем в театре Советской Армии (не обижая при этом слове Чурсину, которую я тоже беззаветно люблю)... Словом, главные слова: Доронина должна быть великой трагической русской актрисой - потому что весь материал, видимый в ней, кричит об этом, но никто не слышит и не видит. А она легко может дать фору достославной нашумевшей Алисе Коонен 30-х годов. Вот и всё. Главное - бросить идею, хорошо прочитать материал. Самое же главное, мне кажется: выбранный материал, любом из всего перечисленного, надо увидеть применительно к образу Дорониной, к её манере, ко всему тому, что она сделала. Поэтому: вот так увидеть - хвататься за увиденное - и вытянуть по букровке - с начала до конца! Для начала, всё-таки, мне кажется - «Адриенна». Да! Я вижу очень хорошо Доронину - ничуть не хуже чем Алису Коонен, и не только ничуть не хуже, а значительно интереснее Алисы Коонен (но которая и придумала себе причину театра, режиссера, плевать было на всё! Она не считалась ни с театром, ни с режиссером, и

даже ни с материалом, она интуитивно вела себя в каждой роли, с большим вкусом, не ошибаясь). И Доронину надо поднять на уровень трагедии. Что может быть более великой пробы для артиста, нежели высокая классическая трагедия!!? На уровне Тарасовой, Коонен. Что значит «Леди Макбет», поставленная в 30-х годах?! (шостаковичевский «скрип кровати в музыке», - да я могу поставить скрип унитаза в музыке!). её надо поставить, трансформировать для нового зрителя сегодняшнего. Ее, а не «Зойкину квартиру». Если бы он был не Булгаков - я сказал бы, что это придумали в Иванова-Вознесенске пьесу. «Зойкина квартира» - совершенно слабое место у Булгакова, одна из его многочисленных ахиллесовых пят. Вот «Дни Турбиных» - это и было переписано пьесой, а «Зойкина квартира» - это заплесневелый рассказ-демонстрация. Зайка - бывшая порядочная девушка, а ныне проститутка, - что там рассматривать, что там за угол увеличения!!? Дорониной надо сыграть костюмную даму - большую, красивую, драматичную, с большим надрывом, как в своё время Монахову (и проститутку, и барыню, - проститутку с большим наивом), не обязательно русскую классику, взять переводную, сейчас их полным-полно. Если в начале века единственной трагической актрисой в Москве была Алиса Коонен, то в конце XX века вполне состояться может гений трагической актрисы Татьяны Дорониной. Вот и надо посмотреть, внимательно вдуматься в «Нору», «Бовари», «Лекуврёр» (но только не в трагедию поганую Вишневского, пусть играет её Володина, и только не в постановках Виктюка Романа. Ну и имя выбрали папа с мамой для сына! Это всё равно что дочь назвать Периколой - всю жизнь ей испортить!). Я желаю Дорониной большого Камерного театра - если она взялась за театр, за Островского, за Шекспира! Пусть создаст в МХАТе большой Камерный театр - это ей по плечу. Это так всё забыто, нет трагических актрис! Пусть Доронина сыграет Лекуврёр: она одна-единственная - и она оторвётся от всех в поднебесье (эти Гурченки и Гундаревы померкнут как свечки при большой хрустальной люстре включённой!). Пусть сыграет даже бабановскую роль во «Все кончено», где та легко забивала партнёршу, хотя у Степановой там и было много мхатовских отмычек, с которыми она играла еще Бетон Тверскую, а могла бы сыграть и доктора Ватсона (играла же ведь она где-то докторшу, руки рассматривала: «эти руки...»). Этими руками я вам буду делать операцию зуб). Я желаю Дорониной найти трагическую роль, найти амплу большой трагической актрисы. Она единственная в России с такими данными. Я желаю ей быть Лузе, Коонен. . , да и всё, больше у нас не было трагических актрис. Говорят, что в Ленинграде была еще трагическая Тиме, - но ведь она хоть и была с зычным невероятным голосом как у председателя колхоза, но могла играть только кухарок, которые падали с балкона под карету, и воображать что это

трагедия - то, что выпало из кареты. Это не трагедия, это несчастный случай в театре. А сейчас нас учат, что театр должен вести и помогать перестройке, а театр - это прежде всего труд для того, чтобы сыграть трагедию или комедию, это показ высокого чувства потрясения, которое происходит раз в сто лет с каким-нибудь человеком! МХАТ создавался для высокого, большого, глубокого человеческого чувства потрясения, воображения, крушения души, крушения сердца, а не для того чтобы там играть фельетон, да еще ни кого-нибудь, а Гельмана (даже Миронова бы отказалась от этой «Скамейки!»). Проникнуть в сердце другого человека - высшая задача литературы и театра. Именно русские гении всегда и отличались умением прожить сердцем, прожить жизнью другого - прожить эту жизнь с этим сердцем. Толстой, не любя баб, показал Анну Каренину такой сволочью (вернее, стервой) - каким он иногда бывает сам и когда ему не нравилось быть таким, и призывает жалость только в силу своей сильной интеллигентности и ума, но все-таки губит ее! Из Пушкина трех слов нельзя выбросить - потому что будешь рыдать всю жизнь. Не может быть дураком народ, у которого Толстой и Достоевский! Горько жалею, что уже не приведется Дорониной сыграть Анну - румяную, толстую, цветущую, роскошную, русскую, счастливую, правдивую, мечтательную... Русские гордятся, что их Анна не будет униженно вымалывать как Эмма: «Я всё отдам за одну твою улыбку, за один твой нежный взгляд!». Нет, наша Анна сказала только: «Я убью себя и накажу тебя этим», но до последнего мгновения не знала что она над собою сделает и мечтала о жизни (они и все-то у нас мечтательницы: и Анна, и Пульхерия Ивановна, и Настасья Филипповна, и Катюша, и Лариса, и Катерина, и Душечка, и Фро, и Проня, и Аксинья с Натальей!). Это и была высокая степень, так напоила писателей всего мира, с Достоевского и Толстого стали внимательно следить за нашей литературой, и начиная с них - стали все писателями мира! И уж после Чехова народились Моэмы, Моруа и Франсы, все с него танцуют, на национальной основе шьют по чеховской канве, как будто Чехов придумал мешочек для слепых, сами же - придумать смогли только Фицджеральда и Фолкнера с Джойсом, а это не писатели, а описатели, никакие они не гении. Не писатели, а какие-то дьяки местечковые! И Фейхтвангер тоже, - симпатичный писатель, только малодаровитый. А нам - гениев ничьих не надо, у нас своих пьяниц-полугениев полно! А Станиславский обобщил всё это в своей «системе» и решил вот эту задачу - ту, которую сейчас решает и Доронина, именно она одна: не входит в роль, а БЕРЕТ СЕБЕ то прожитое ими инфарктное сердце того человека... А другие сейчас - все очень любят рассусоливать о духовности и о личности, ни бельмеса в этом не смысла. Да Толстой палец протягивал и он у него светился свечением святости - вот что такое духовность! И Доронина - актриса и именно та самая ЛИЧНОСТЬ

-надрывает себя чужой болью, чужой жизнью. Подорвать себя чужими задачами - нравственное призвание и обязанность русского актера. Только место актрисы всегда заполняется другой актрисой, место же личности всегда остаётся пустым (это на будущее - чтобы не думали увольнять). А люди, при повальной-то зависти в знаменателе, любят поговорить о плохом характере..., - потому что плохой характер всегда куется очень нередко в прямой борьбе, которая в человеке вырабатывает так называемые «бойцовые качества». Очень легко выглядеть хорошо - ни с чем не борясь и ничего не отстаивая. А попробуйте постоять на своем - и тогда вы услышите очень много о своем «плохом характере». Значит, борцы часто грешат плохим характером. Доронина - борец, и причём - борец в облике ИЗУМИТЕЛЬНО красивой женщины (и вот уж тогда недостатки вам припишут в таком количестве и с такой быстротой, с какой не сносит лавина снега с самых высоких гор!). Беспрецедентный случай в истории театра вообще: ОДНА - за Немировича, Станиславского и Мейерхольда вместе взятых, - то есть она заявила о себе как прежде всего реформатор театра, захотела самого трудного, а это даром не проходит никому (но пусть Лавров проглотит свою соплю «крупного деятеля театра»). ДОРОНИНА ЕСТЬ ЭВОЛЮЦИЯ НАШЕГО ТЕАТРА - потому что только она идёт и уже приходит к пониманию, что театр - это зеркальное отражение зрительного зала (и если другие этого не поняли и не понимают - то ох как плохо придется: театр будет весёленьким, а в зале будут сидеть покойники с лиловыми лицами!). Непостижимая Доронина: у нее одной, из всех актрис мира - НЕ ОНА САМА, А СЛОВА РЫДАЮТ, и так намертво, как стальные квадраты у Мухиной - привариваются - к потрясённому, очарованному, влюблённому, благодарному коллективному сердцу любой публики народной...

Да уж если третья-перетертая актриса Пыжова была потрясена народностью Дорониной - то что говорить о нас, грешных! (Прочтите эти строки в последней книжке Ольги Ивановны - они тоже потрясают).

Доронина идёт от эмоции, часто наивной, но в этой наивности у неё много напора образности, и никогда нет приёма, а он всегда ею подчиняется сложности обстановки - и театральной и образной, а эти возможности обнажают её основную театральную наблюдательность (и остроумие), - и нет «Станиславского для всех»...

Недавно слушал в записи тех «Варваров» - она навсегда лучшая Монахова: дурашливая такая, с её идиотскими интонациями: я не дура, я даже умная...

Все героини немножко дурашливые у Дорониной. Это то что нужно. Она славная.

Жуткая работоспособность этой подвижницы (она, наверное, головы не подымает, ложась в пять утра), этой мученицы в её упрямом стремлении к правильности, порядочности, таланту, но все это - те же черты, отличающие эту очень молодую еще, в задоре, в борьбе - чудную пленительную женщину!

«Красота - это страшная сила!», - сидела и проповедовала Раневская-Мачеха в «золушке», разглядывая свою образину в зеркале, - то есть я к тому клоню, что нам нравятся только те на сцене и экране, кого и с кем нам близко хочется - и никуда от этого не деться, и нечего это скрывать, хотя бы от самих себя. Это особая тема, её надо особо «размазать», поподробнее, на одиозных примерах. Старые театралы с удовольствием вспоминают, что когда выходила на сцену дивная Клава Еланская - то все мужики в зале думали: и почему она не моя жена!? Мне никогда не хотелось ни Гурченку - этот вокзал на сто человек, ни Жана Марэ - этого французского Крючкова (ни самого Крючкова - советского Жана Марэ), ни Неёлову с её губами как вырезка, 2 кг, ни Высоцкого - эту подворотню, захотеть их - это всё равно что захотеть полковника милиции, на допросе. Полвека назад - также никому не хотелось ни Файта, который всегда играл туркестанских шпионов, ни Кузьмину - «мимическую школу» (не тем местом разгрызала грецкие орехи). «Актриса я ведь необыкновенная!». Ну конечно же необыкновенная: если ни один глаз положить презерватив - другой всё равно видеть будет!.. Такое всевидящее око. Всё это было просто неинтересно: и Ромм с лицом старьевщика, и Кузьмина со сведённым злобой ртом. А в их же время - в театре и в кино еще дорожили внешностью, красоту ценили, за красотой охотились (на машинах, наверное, разъезжали по Москве, отлавливали - и на Мосфильм!). Все эти Целиковские, Окуневские, Серовы - актрисы были ерундовские, но зато красотки отъявленные! (Зоя Фёдорова все-таки не из этой компании: её иногда можно было с книжкой увидеть, да и вообще актрисой она была самой лучшей в предвоенном кино). Это уж потом пошли уродцы - Вицин, Никулин, Райкин, и такой интенсивной красоты как Басов с длинными редкими зубами, или Леонов, у которого шея переходит прямо в жопу, - на них стали любоваться. Красота стала не нужна. А вот Евгений Самойлов - он и до сих пор хорош: тебе 80, но тебя еще можно захотеть, сдуру: глаза искрящиеся, с манкам, «иди сюда», 84 года, но от него еще можно забеременеть. Брюки широкие, ножки короткие, ухватом, - огурчик, поцеловать хочется! Не то что дочь (не от него, у него чуть ли ни две Фрумы было): сидит, ноги синие, в мурашках, и тапочки в торгсиновских дырочках...

«Красота - это страшная сила».

А как раз на красоте Барыня из «Грозы» и помешалась.

И Толстой помешался.

И Анджапаридзе тоже помешалась.

Она так и отвечала на вопрос: что вы больше всего любите в жизни?
- «Больше всего я люблю красивых людей». И все примолкали.

И у Толстого, старика уже, за столом кто-то из молодежи поинтересовался, что был ли он когда-нибудь влюблён - и Толстой тут же равнодушно ответил: «Да, в севастопольскую кампанию я был влюблен в поручика Г.». И все прибалдели, в замешательстве, а ничего не скажешь: кругом сидят 13 детей и его лучший друг дорогой, единственный, интимный - Софья Андреевна невероятная...

Мужиков все любят, только скрывают.

Красота - это страшная сила!

Говорят, раньше оперные дивы выходили в «Кармен» унизанные бриллиантами. А теперь, когда я в партии Кармен вижу только и всего что красивую солистку - то всегда думаю: э, милая, в Кармен главное не красота, а невысказанный пожар души!

Вот именно такой пожар - невысказанный пожар души - и привнесла Доронина в современный театр драматический, а Бог дал еще и обольстительную внешность нашей русской Кармен - Кармен русского театра! После Дорониной лица Гундаревой и не вспомнишь, на фоне Дорониной эти Гурченки и Гундаревы - мелочь, невявки, болонки (не выдерживают никакой критики!), хотя Гундарева ведь очень красивая, да и Гурченко не из уродок. Просто они из тех, кто всё читал, видел и знает, но нет работы души. Душа не работает. А если душа не работает, а только дышит воздухом и ест яблоки - то это не душа, а жопа. Личность даётся сразу и навсегда, а всё остальное - мазохизм, наполненный знаниями, тряпками и косметикой. Что значит «войти в роль», «создать образ»? А где эпоха, приближение, постижение, тип, характер? Как Вертинская въехала в «Чайку» со своим кошачьим голосом?? Эта роль скорее даже для дуры Соловей, для Комиссаржевской, которая там подвывала: «тараканы...», - вся такая Нина Заозёрная («Чайка» - это ведь, всё-таки, демодэ). Но потому и ходили на Комиссаржевскую по 30 раз, что театр (в отличие от кино) - это творчество. Он потому никогда и не умрет: 30 раз всё было по-другому, как потом и у Шмыги тоже - импровизационной, искромётной, с выдумками, с находками... Та же Раневская в «Деревья умирают стоя» - то, помню, выйдет с одной стороны, то с другой, а в последней сцене, где она перед смертью даёт рецепт пирога - то рыдает в шаль, то кутается в неё, всё каждый раз по-иному, а ты - сразу приходи домой, садись и пиши о возможностях, приемах, приспособлениях, арсенале актрисы.

Это театр.

(Её ждут из этой двери, а она вылезает из другой).

Это театр. В кино такого нельзя, не было, невозможно. Сёмина, Хитяева – им как говорят, так они и играют, а в театре Еланская могла себе позволить повертеть п. голоса: «А ЗАЧЕМ?», - господские интонации. Толстой, Немирович и Еланская – создали тот легендарный спектакль. «Вот вы е. меня вчера в чулане – где же был у вас Бог?». – По постановке неуловимых вопросов Толстому нет равных в мире.

«Анна Каренина» - не был легендарным спектаклем, а «Воскресение» - был именно легендарным.

Тарасова выбегала на сцену - как Аполлон на квадриге выезжал, это всегда было появление: раздутые ноздри розовые, дым и пламя валят, не знала куда голову положить - на плечо кому или сразу на плаху... Или Викланд - лучшая в мире Коринкина: «Женский ум, женский ум!», - её театр не стал удерживать, а такой актрисы вообще не будет больше никогда. Или Зеркалова, что с веером и хохотом на сцену вламывалась... Знали что такое выход, появление. Режиссура была. Со спектаклей Немировича публику в реанимацию увозили. «Свидетельница Бочкова...». «А вот как эта паскуда зашла в номер, так кольцо и пропало». - «Не брала я, - голосом сонной тёлки отвечала Еланская, - а кольцо он мне сам дал». (Чудная актриса, лучше Тарасовой!). У Немировича всегда были, это у Мейерхольда не было признаков построения большого спектакля. А сегодня и подавно: «Дама с камелиями» - в армейском театре, пыльном, тусклом и плохо освещённом. (Как ни увижу где Чурсину - всегда думаю с болью: и зачем эта девочка, молчаливая вся изнутри, полезла туда!). Никогда у нас не было таких коней цугом, таких карет. После Греты Гарбо и Вивьен Ли никому больше нельзя играть «Даму с камелиями». У нас никогда не могли так играть, никогда не было таких шикарных проституток (у нас могли еще играть фавориток, какую-нибудь Нелидову-идиотку, или барынь, которые не мылись по две недели из-за клопов). В опере - было другое: Лисициан угрюмый. Барсова с маленькими, гнилыми и подточенными зубами (такое впечатление, что их было не 32, а 89), рот от уха до затылка. Мультипликация, а не опера! А Козловский ножкой дрыгал для убедительности, что он француз, Альфред. В опере нужно другое, нужна доподлинность, а там и была подлинная музыка и подлинный голос. Ну кто еще Жермон, кроме Лисициана, кто тенор кроме Козловского и кто более великая чем Барсова!!

Или Михайлов, Дормидонт - был бас - колокола плавильсь! Лучше, чем у этого протодиакона Михайлова, баса не было: сила, чистота, культура!

(Вот кому перед Большим театром памятник поставить надо - как стоит перед Малым Островскому! А то Плисецкая всё мечтает, что её

поставят на Большом театре, вместо Аполлона, - из гипса, с задранной ногой).

Дормидонтов было не менее пятнадцати в Большом, а теперь двух еле найдёшь.

И в кино, и в театре, и везде!

Была Мурзаева - это мазок Ренуара, абсолютная личность. Она так лепила свой образ - как только Роден делает! Всего две минуты: у телефона и в брочке, а идёт номером один, запоминается ярче игры всех четырех. Никто давно не помнит ни фильмов тех, ни кто играл там, а её моментально все вспоминают. Мурзаева - она более великая чем Раневская: один палец выражает столько, чем Раневская - полуфильмом. Пять минут выражают больше, чем Раневская - пятью фильмами, и, вообще, какая там Раневская, если была Мурзаева - великолепная актриса, которая десятилетиями радовала публику в самых разных ролях: она знала что хотела и что ей нужно сказать!

Ломоносов пришёл из Холмогоров с валенками под мышкой, а Раневская из Таганрога со связкой честнока и лука на плече. «Что Вы, девочка, можете?» - «Я могу хохмить. С утра до вечера» - вот её и приняли.

Сейчас уже мало кто это помнит, что она после войны пыталась играть еще и в Малом театре - и быстренько выкатилась оттуда: у нее получалась не Улита, а какая-то Мойра Улитовна. Рыжова с Турчаниновой категорически запретили ей - и наглухо забаррикадировали все двери бюстами Островского. У Раневской и много позже ничего с ним не вышло: опять получалась не сердечноталантливая нянька, а такая еврейская бабушка Двойра Фелицатовна!..

Всё, что делает Юрский - это художественная самодеятельность.

И почему вообще эта Раневская - «Раневская», а почему тогда не «Лиза Калитина» - всегда юная и всегда печальная, с васильковым венчиком на голове!?

Я понимаю - Бабанова: маленькая, уютная, блондинка...

А эта - острила ногой.

Очень провинциальная актриса, - но она нравилась публике и с этим приходилось считаться.

Впрочем, иногда она была по-настоящему остроумна. её неоднократный партнёр К.К.Михайлов мне рассказывал, что когда Завадский перед самой смертью опубликовал маразматическую статью «Я коммунист» - Раневская тут же отпустила: «Это всё равно, как если бы он забрался на балкон пятого этажа и оттуда сказал: «Я космонавт».

Это был особенный театр: там все, пользуясь мягкостью Завадского, импровизировали (у него всё было кисельное и мягкое - и губы, и мозги тоже). Марецкая была вся на импровизации, она непонятно что

откуда вынимала (из подмышки, из под лисы!). Орлова импровизировала, Бирман, Шапошникова, Плятт. И даже Ия Саввина – эта большая красивая бельевая вша – тоже импровизировала (да так, что быстренько сравнялась в звании Народной СССР с самой Марецкой, рот не закрывался, Марецкая снимала трусы и запихивала их ей в рот). Раневская импровизировала всю – большая, добрая: «И я хочу, и я хочу», никто не понимал чего она хочет, а оказывается - она хотела Саввину, Ию (я это ещё тогда сразу понял!)...

Но и все равно - все это было НЕ ТО. Сазонова - ей только яблоками мочёными торговать, в Малаховке. А уж Анджапаридзе... - один этот её пряный роман с Раневской чего стоит! Да разве бы могла великая княгиня, или даже Нато Вачнадзе, полезть ей в туда?! А она полезла) - и все стало понятно. Дороже подруги не было. Прямо как и Цветаева, которая тут же забыла про Завадского (тем более что он был не комплимент) – и набросилась на эту Сонечку Голлидэй со сплюсненным лицом как у Жеймо. Мечтательница, придумщица, всех придумала, но Антокольский, Завадский - они были ниже и меньше её слов, а она была так высока душой, что могла терпеть около себя и их, и Пастернака, и изревновавшегося к нему Эфрона...

(Я никогда не любил Антокольского - этого арлекина).

Не то. Не то, не то. Да и у самой Цветаевой все-таки присутствовали железы из оттуда, а анализ должен быть из серого вещества.

Не то!

И Плятт в Цезаре был никаким не Цезарем, а Абрамовичем, и маленькая Дробышева никакая не Клеопатра, а юла, драматическая юла, и только Бирман здорово играла там какую-то Тити-Каку: на своих кривых ногах она не выбегала, а как-то выезжала из кулис. Но вместе с тем и страшна же была Сима всю жизнь - как два февраля подряд, как смертный грех: носом только червяков для рыбалки копать, после дождя!! Барсова тоже, говорю, еще та страшилища была: голова как у снеговика - посажена прямо на жопу. Зубы частоколом, на локон какую-то прищепку цепляла, а на плече стягивала лапками чернобурку, - решила, что такой и должна быть Виолетта... Но голос - волшебный, я за последние 200 лет не знаю пения слаще, чем её, да Обуховой! Недаром же на их спектакли публика целые оклады за билет спекулянтам отваливала - чтобы только один раз услышать и потом всю жизнь помнить, хотя Барсова и умирала стоя, как деревья у Кассоны, в Виолетте, лечь не могла (если грохнется - сцену проломит!). Рот - сантиметров 12, от уха до уха, как у лягушки. Большая певица, настоящая, но уж очень была страшна, хотя Сара Бернар тоже уродина, а звучит как великая актриса мировая. Барсова тоже держалась героически. Это уж потом она отступила, когда из-под её жопы вылезли Максакова,

Кругликова, Давыдова, но она их была больше. Сразу, как перестала петь, появились они. При ней - ссылала всех в лагерь. Такая жаба была, меццо-сопрано, колоратурила лучше всех, приземистая, жопастая! Она сначала была в 20-х годах нормальная, но потом так разжирела на государственных харчах, Сталин полюбил ее, дачу подарил (он и Бугримову любил: она была первая, кто клал львам свою голову глупую в пасть).

Бугримова - она и посейчас жива, а ей было уже 50 сразу после войны, она разезжала на львах, они её (скажем так - терли) терли и ели, тут же. Назаровых - тех вообще всех съели, все на кладбище лежат Новодевичьем обглоданные. И запашного тоже ели, тот хотел убежать за границу, убил жену (хотел льва, а зарубил жену)...

Мансурова с сопливым набалдашником.

Бабанову не люблю. Потому что у всех был голос, а у Бабановой не было. А для меня в актрисе главное голос, все должны быть Анджапаридзе, Коонен и Дорониной, а если нет – идите в продавщицы и торговли семечками, по 3 коп. за стакан. Но Таня – это Сёмина, Ларионова, Хитяева, Самойлова, а у Бабановой – её какой-то клёкот, душевный клёкот, - это всё и решило. У Борисовой всегда был хулиганский скрипучий голос, всю жизнь играла бандиток: заезаешься – тут же в карман залезет ... Марецкая – то ли дура была хорошая при умных, то ли умница при дурах, - ещё надо было долго разбираться.

Ещё одна страшилища была - Степанова оперная, на мопса похожая, но пела еще лучше Барсовой и Неждановой, вагнеровская певица, настоящая, самая непревзойдённая. Но и Нежданова сказочная была певица, и человек такой же, - куда там Барсовой! Все сейчас вспоминают с умилением, что она если вдруг снимет шляпку вместе с париком - то мило так засмеется: «Ой, вы мою лысину увидите!», или (и это молодежи-то!) - в переполненном фойе Консерватории: «Ой, осторожнее - вы мне весь живот сомнёте!»... Барсова тоже пузатая была, пела Джульетту - так Ромео холодным потом обливался, стоя под балконом: он под Барсовой ходуном ходил...

Обе у Мазетти учились, и у обеих были маленькие, но полётные голоса (неждановский Голованов, бывало, уж и оркестр остановит, нот нет, все ноты кончились, а её голос все летит).

Как-то, в интервью по случаю награждения её званием Героя Соц.труда (она, кстати, первой из певцов удостоилась) - чудная Гоар Гаспарян мудро и трогательно заметила, что любит маленькие, но настоящие голоса.

И недаром же, значит, покойный Огневцев говорил про одну ныне распрощавленную певицу, что «в Большой пришла очередная доярка».

Максакова-Кармен подходила к Хозе - держа розу в зубах, и роняла: захочешь - подымешь, захочешь - нет...

А теперь эта Образцова достает розу из откуда-то оттуда.

Не то.

А мой приятель один, старинный театрал, как-то встретил Шпиллер (тоже чудная была певица, с сияющими, льющими свет глазами!) и спросил ее: «Помню Максакову - Кармен, Вас - Микаэлу, а кто был Хозе?». - «Головин!», - с гордостью так и растроганно ответила Наталья Дмитриевна...

Ах, да о чём тогда тужить, коли такое поёт в душе у артиста!!

Они своего предела так и не знают никогда.

Все знают, а они нет.

А все остальные - знают этот свой предел. Все!

Гончаров лет уже сорок всё обещает поставить «Дядю Ваню» - и сам знает, что не поставит никогда. Не может. Он может только Уильямса, Болта и Бабелей.

«Художник верит в будущее, потому что живёт в нём». Мусоргский.

Вот так-то.

«Самобытное нравственное отношение автора» - и всё, а всё остальное - есть только пощипывание в промежности.

Васильевой Татьяне - Раневская не удалась. Такой стоит ор и крик! (У Чехова нет оснований для крика!). А тут - так орут, что даже такой разнообразный актёр как Евстигнеев – не смог сыграть Фирса, он был в ужасе около такой Раневской-Васильевой: понял, что ему тут никогда Фирса не сыграть...

Так что Васильевой, говорю я, Раневская не удалась. Не удалась Раневская Васильевой. Васильевой не удалась Раневская.

Евстигнеев был в таком ужасе – как котёнок в пригородной электричке! А котёнку оказаться в – электричке – это всё равно что меня в летающей тарелке запустить на Венеру, с инопланетянами! (Я бы так стал орать и материться – что они тут же достали все справочники, чтобы узнать что это такое!)...

На черта мне все эти Венеры, Сатурны и Луны, не хочу я туда ни за что на свете, мне и на Земле нравится, мне и на Земле хорошо! И в Раневской я лучше Доронину посмотрю, и для Фирса всегда в русском театре какой-нибудь Тарханов сыщется, - не надо мне Васильеву, не надо мне Евстигнеева!..

(Раневская подлинной-то Васильевой, Вере – не удалась напрочь, а поддельной Васильевой - и подавно!).

Шедевратина.

Вот и пытаются ею усыпить, укокаинить публику-дурочку.

Уже тогда фонтанировали секс, когда рядом вкуснее любого пирожного сам Есенин. Захотеть плоскожопого Ивнева или тухложопого

Эрлиха – это было всё равно, что захотеть лопату с черенком. Лечь в постель с лопатой

Да и реалистическая игра ни на что не нужна, если она не переходит в бабановский, ермоловский план. Это очень сложный путь.

Я помню, как дававшие приём в театре на Таганке французские актеры, представляя себя публике московской - выбегали и докладывали ей свои роли: чётко, с дикцией, «а», «б», «в», «г», «д», каждая буква отдельно.., а сидевшая рядом О. В. Всеволодская-Галушкевич вдруг наклонилась ко мне и прошептала: «Это МХАТ 30-х годов», т.е. что всё это нафталинное для сегодняшнего театра современного, отжитое..

Вообще, она непостижимая особа: блистательная, лёгкая, любезная, с её естественным демократизмом! (У Тарасовой он был показным).

Вот Доронина - просто сидит и счастливо смеётся жениху-Шалевичу, когда едут на тройке венчаться, в «Трёх тополях».

А её эти средства - не снились никому из её театральных современников!

За это её и ненавидят. За это, за красоту, за русскость. Как никто Доронина напоминает Тарасову - своею русской красотой, своею русскостью (не талией, - талички у обеих еще те!).

Как она квохчет над героем в «Скамейке»; как ухорашивает его расчёской; как дружески суёт ему таблетку сердечную, и машинально, не глядя, забрасывает еще и себе (а публика давится счастливым смешком благодарным); как терпеливо и сознательно-тщательно обмахивает его газеткой, чтоб ему полегчало.., - все это можно смотреть и пересматривать сотни раз!

Сейчас все гении, только смотреть их второй раз не хочется.

(Взять бы их под обстрел Толстого!..).

Мне рассказывала дочь того Розанова, старушка-монахиня (и двойная тёзка Дорониной, кстати), что когда отец умирал, он сказал ей: «Таня, сохрани себя в чистоте». - «И я не пошла замуж, ушла в монастырь».

«Сохрани себя в чистоте».

До этого далеко и высоко, - сохранить бы уж только свой дар в чистоте!

Одна Татьяна Васильевна - сохранила себя в чистоте, а другая Татьяна Васильевна - сохранила свой дар в чистоте.

Выше этого нет ничего в жизни!

Это выше даже любви. (Она тоже ни на что не нужна - если лицо некогда любимого тобою человека уже не самое для тебя дорогое...).

Да и как о ней рассказать!?

«Подивятся дальние потомки моему безбрежному ЛЮБЛЮ».
Клюев.

Толстой - он любил много, любил истину, а Мейерхольд считал её недоразумением.

Любовь по-всячески можно выразить. Я сам видел, лет 8-10 назад, как Анатолий Софронов в большом магазине подарочном, около Маяковки - купил своей молодой жене-красавице дорогие уже и тогда французские духи, равнодушно протянул флакон и нежно ей улыбнулся.

Ночью, умирая, Шолохов нащупал ручку Марии Петровны - и прижал её к губам...

И никогда не забыть мне, вовек - как однажды гуляли мы вечером с Бабановой, прогуливая её старую собаку-дворняжку любимую Белку толстую, и я помню даже место, где она мне это сказала вдруг (наверху Петровского бульвара), и как это сказала, обыденным тоном: «Женя, не обманите меня. Я дала себе клятву, что если обманушь в вас - я обманушь в последний раз в жизни. Я была открытой людям, верила им, но потом жизнь много раз провозила меня мордой по земле, меня много обманывали - и я разочаровалась в них, закрылась».

Вот.

(Такое и Доронина могла бы о себе сказать, я почти не сомневаюсь).

Зеркалова рассказывала мне, что когда в 42 году её театральный режиссер и приятельница Е.С.Телешева умирала (у нее была панцирная экзема) - Эйзенштейн был в Алма-Ате на съемках «Ивана Грозного», приехать не мог, - то он прислал жене телеграмму «целую пальцы твоих крыльев», Телешева успела прочитать её и на другой день умерла...

Всё это непередаваемо и неназываемо, на самом-то деле.

Любовь дороже свободы.

От слов «жестокое» городского романа «Как я хотел бы забыть свою волю, чтобы побыть в дорогом мне плену» - до самых-самых последних строк лучшего в мире романа (проверьте-ка, что там пишет старик!) - всё говорит об одном и том же. А мир все мусолит: «свобода», «свобода» - давно разоблаченное и ни на что людям не нужное...

Да и на что мне все эти Онегины, Печорины и Арбенины - если в это время был 28-летний красавец Толстой!

Сиятельный граф-Рюрикович, непревзойдённый гений, мыслитель и учёный, миллиардер и барин - а вот поди ж ты: в глухую зимнюю ночь, больным глубоким стариком, бросается вон из родного дома - чтобы окончательно смешаться с самым простым народом, затеряться в нём - и

весь мир содрогнулся, и весь мир вторично (т.е. после Христа) задумался в тревоге перед смыслом жизни.

Ильф и Петров - малодаровитые люди.

А любить Булгакова мешает мне Платонов.

Сергеев - переносчик балерин. «Так трудно!», - да, но ты и имел за это четырнадцать Сталинских премий.

Головкиной - ей бы молотобойцем быть, а не балериной.

И Колпакова - она больше бюрократ, чем балерина. (А вот Лепешинская - хорошая баба, русская, компанейская, трепачка. До сих пор работает, по заграницам, читает им там что-то, на разных языках).

У Улановой - все мужья умирали, а она всё живёт. Очаровывались её лауреатством, её джульетством. «А у нее есть дети?». - «Да кого, - говорю,- она может родить, кроме дохлой кошки!».

Семенова., - 20 лет дрыгать ногами (да и то раз: в месяц!), а потом 60 лет купаться в лучах славы, и в 80 удостоиться Звезды - это даже неприлично! Уланова все вовремя получала. И сразу. Три Звезды.

Я ничего не потерял, не видя балет (я больше получил даже от народной артистки Зыкиной, чем от балета!). Весь мир носится с Баланчиным (который Баланчивадзе!), а отними там русскую школу Петипа - и останется одна акробатика!

Не то.

Там никогда у них, у балетных, не было ума, там всегда были только ноги.

Не то.

У Баталова нижняя губа как у верблюда разделённая. Из одной нижней губы можно было сделать три нормальных рта.

Пилявская всю жизнь корчит из себя царицу Савскую.

В «Средстве Макропулоса» Корниенко играет не 300-летнюю, а как будто она 3000 лет прожила и забыла язык. И боится при партнёре встать: она будет его на две головы выше, его надо на тумбочку ставить.

В Марцевиче я никогда не видел ничего, кроме х. Охлопкова.

Какой-то еще и Поюровский, критик, над всеми Юровскими «по». Провинциальное междометие. Переходная стадия между мужиком и бабой.

И Менглету надо было быть не актером, а бухгалтером в нарукавниках. Всё время улыбается. Он даже во сне улыбается («на всякий случай»).

Менглет всё ждёт смерти Плучека, два раза посылал ему венок – «Дорогому Валентину, спи спокойно». – Плучек вздрогнул и послал ему крышку от гроба, к двери приставить.

Римма Быкова - вся какая-то перекошенная, как Кириенко после косы в «Тихом Доне».

(Сама-то Зинаида - яркая, даровитая, умница и добрый-предобрый человек).

Это Касаткина только - она из п. может и ракету выпустить!

Касаткина, конечно, большая актриса. А Сазонова - никогда. Сазонова - полковник. (Там все со званиями, там даже Львову-Анохину чуть было младшего лейтенанта ни присвоили!).

Я обожал «Учитель танцев», где Зельдин был никакой, а гениальной была Добржанская – играла какую-то блядь с мандолиной. Добржанская была похожа на эту актрису из Малого театра, которая в «Звезде пленительного счастья» с аквариумом гуляла. Они были двойники (по усатости).

Там была ослепительная Фетисова, а до неё – Добржанская, усатая, ей уступала по усатости только Панкова.

Чурсина - у нее очень странная внешность, ей некуда деться: у нее она - есть, а её - нет. А где вы наберете Арманов Дювалей!? Неужели Чеханкова?! Но у него нет того самого. Даже чахоточные дамы не умрут от такой псышки.

Там, конечно, актриса на все руки и на все ноги была Добржанская. А Сазонова - это, простите, бочка из-под пива, даже с таким духом каким-то... Да ей и вообще играть только директора овощного магазина или заведующую детской комнаты милиции, а она в испанки подалась, Бабушку в «Деревьях» играет (думала, как схватит веер - так сразу и испанка!).

Васильева, Катя: «Я выхожу на сцену как на панель». Слышал бы это Станиславский – он бы её зарубил топором. Сейчас она ушла в монастырь. В мужской. Там теперь продолжается её творчество.

Плисецкая и Саввина – «дамы с собачкой» - одна чёрная гнида, другая белая...

Смирнова переиграла всех буфетчиц: на пароходе, в доме отдыха, на турбазе. Как буфетчица - так «Лидка» Смирнова!..

А это чудо-юла из Ленкома! (На таких баб паранджи надевали, чтоб их никто не видел, а они еще в кинозвёзды лезут!).

Верблюд красивей её! Верблюд красивей её, если он захочет улыбнуться.

Чурикова... в помойке можно найти таких, в помойке находили таких «звёзд», где все выбросили, а он нашёл! Захаров в «Ленкоме» - как муха грязная на говне сидит! Такой перенасыщенный талант для блевотины! Сегодня в Москве, если хочешь слевать – вспомни Захарова и иди, два пальца...

Ленком. А почему тебе не назвать Абрамком, Захарком, Борком (Боровой)!?

А погляжу как на Шаталина-академика, или на эту бездарную актрису из «Современника», которая создана только на роль Грицацуевой: толстая, прелая, сопящая, - ну, думаю, мы с Дорониной еще розы!..

Поодиознее, поодиознее хочется выбрать из сегодняшних...

Крачковская рядом с Лебедем. Каков талант – таков и политик.

Хвалёная Андрейченко знает 4 языка, но когда сделала два ТАКИХ ударения в слове! – у меня открылся понос: нет, думаю, хохлушка есть хохлушка...

Вот какой-то сухоногий-сухожопый Тараторкин, - что это!?

Или сундукообразный Абрикосов, Гриша, похожий на пивной ларёк (ему играть бы только задумчивых шоферов, облокотившихся на колесо, а не сумасшедшего Фому Гордеева).

Всё, конечно, непросто: вот Кузнецова его - чудная, невероятная актриса была, спилась только совсем, и кто бы думал!.. (А её очень ценил Дикий, она в его самой последней постановке - по «экстра-классу» играла!). Искусство - выбор, а не перечисление.

А история не повторяется: Сталин - не Ричард Львиное Сердце, Киров - не Цицерон, и Фурцева - не Мария Стюарт.

Но Фурцева - та понимала, что «старики» - это культура, грозила мхатовским: я вам, такие-сякие-перезакие, будете все у меня работать! (а те и рады сидят).

Хотя это пошло еще и от «лучшего друга советских парашютистов»: это он, по своей четырехклассной серости, решил что актеры это культура - и Сталинские премии стали сначала давать не Вавилову и Павлову, а Орловой и Тарасовой.

А актеров недаром всегда сажали за один стол только с гувернантками!

Но и весь этот взлет на классический репертуар (он любил театр, питал его) - где культура, вся разработка этого материала была очень велика. Зато не было литературы (тиран есть тиран), не было поэзии, песенки Бернеса и Утесова - это не мысль, с Колмановским и Богословским (они были рады, что выжили!). Живая мысль была задавлена, современная...

И нигде, никто, никакие актеры другие - не были обеспечены так, как во МХАТе. После его смерти начался какой-то невероятный ренессанс культуры, которую он сберег! В кино, в театре, в музыке, в балете - всё вдруг подпрыгнуло и зацвело невероятным цветком!

Актеры всегда при нем беззаботно жили. Смешная Гельцер могла строчить с утра до вечера как швейная машинка. Всех подряд моряков, три цистерны. Вся Москва знала. Выписывала подлодку, принимала их как великая балерина, вела в баню, прямо в эполетах и кителе, но без кортика -

кортик оставался в предбаннике... Нет, тогда подлодок еще не было, корвет приходил, Крузенштерн и матросы стояли по стойке смирно.

Всласть пожила!!

Это только одна Пельтцер всю жизнь ходила в стоптанных чувиках - и решила, что это мамаша Кураж. (Брехт умер бы от этой находки!).

У Царева - глаза к переносице, а на тебя смотрели белки. Он был третьим яйцом у Мейерхольда - и вот это третье яйцо предало Мейерхольда. Партийное Царева в Москве не было никого: он был партийнее Сталина, Калинина и Брежнева.

Да и Мейерхольд - страшный путаник, любил находиться около Станиславского, но у меня такое чувство, что все это не от души, а от чего-то другого.

Комиссаржевский-то удрал и все бросил на узенькие плечи Мейерхольда - и тот стал делать «революционный Октябрь».

А воображаю, какой облезлой донной Анной была Гиацинтова, которая потом играла еще и роль матери Ленина, но была и в ней не Ульяновой, а какой-то Кларой Цеткин, с узлами, из Коминтерна. И в «Дон Гуано» - не донной Анной, а ковровской барыней. Да и стеснительная в жизни, с козявками, завидовала всем нахалкам - потому что сама и была ею. Ордена она стала получать потом, когда продала все три МХАТа, а тогда её - чуть было самую ни посадили...

Миронова - это всегда НИЧТО, кроме как только: «Куда ты меня привёл? Ты видел, как все на меня глядели?», такой вариант советской мадам Бовари, в советской склоке...

Недаром же её Бирман всю жизнь ненавидела и презирала. У Симы был снайперский глаз и роскошный язычок, им она и Быстрицкую припечатывала, Викланд мне это с удовольствием рассказывала: «Как где открытие новой бани – непременно присутствует Быстрицкая».

Забытая Орданская была предтечей Быстрицкой, а как появилась Быстрицкая – её сразу забыли. Играла тургеневских девушек, а их ей надо было бы в Израиле играть.

У нас – в театре, и в кино – всегда было некому играть героев, любовников и красавцев! Самойлов – это был костюмированный бал, а не офицеры! А Кторов – ему бы только комара -любовника играть, из «Мухицикотухи», лететь с фонарём! И не могу я представить себе Янковского на Вертинской, - это же прямой путь к импотенции!..

Жаров в «Анне на шее» с Ларионовой прыгал так, как будто у него между ног шесть яиц, куриных, стеклянных, в авоське подвешены! К этому времени он уже сыграл «Медведя» с Андровской – и решил, что может играть водевиль.

Уж какие были корявые и замшелые Москвин и Тарханов, плевка на них жалко, но какие гениальные для Макбетов и Гамлетов, им только и играть их каждый день. Слава Богу, что был Горький, который и писал своё говно, похожее на них, но Горький тоже гений.

А Быстрицкая – неузнаваемо скучная Кручинина. Её ещё Герасимов бил палкой, что в Аксинье она скучна и нечувствительна.

Кадочников тоже был жалкий, никакой. В «Подвиге разведчика» генерала выкрал, но ничто это мнение не исправило.

Вот Бучма там, Амвросий - это да!! Разве забыть его, как он в роли полиция-предателя приходит к обер-бургомистру и со щучьим прищуром Ильича подпихивает бумажку: «Имею честь предостеречь. Мысли, выводы, наблюдения. И дополнительный списочек на жидов и коммунистов»...

Евтушенко сейчас тоже в актеры полез, на съездах сидит весь в люрексе как Зюлейка-ханум. А Рязанов наоборот - полез в поэты, и советует в никаких стихах другу: «если не можешь - покончи с собой». Вот ты и покончи с собой, тем более что тебя ненавидит половина телезрителей Советского Союза!

Мордюкова вся извелась, что умрет и не сыграет хулиганку. Успела, сыграла - в «Родне», под Маньяни. Но только той не нужно было быть трижды народной, у нее было одно-единственное звание «Анна Маньяни» - и все. И подражать ей тоже нечего: Маньяни была актрисой очень однообразной, везде и всюду прямо такая аджика, а например с тортом аджику есть не будешь. А Мордюкова - всю жизнь была полузаикой. Нелепая особа смотрю, выступает недавно на каком-то киносмотре - так на ней такой «блужой», а на нём три платиновых квадратных пластины с огромными бриллиантами, на этой хавронье-Матрене! Вся мятая какая-то, как будто её в шахту бросили и вытащили...

Была еще такая Глизер, тоже из новаторш (как Бирман, Сухаревская, Плисецкая, Кузьмина, Демидова), в три раза меня выше и в восемь раз шире, похожа на «студебеккер», только еще руль приделать спереди и фары.

Шапошникова, та - усатая как Буденный на коне с шашкой наперевес.

Раневская таскалась по всем театрам, пока не застряла у Завадского. Там была супервеликая Марецкая – соразмерная, разнообразная, хитрая, вёрткая – и они не мешали друг другу, а в Малом и МХАТе рядом с Турчиновой и Рыжовой она быть не могла. В Островском арге – не купчиха, а, простите местечковая торговка. А всё остальное – ничто, начиная с Шапошниковой. И Орлова тоже, с великой славой слабая актриса, ни голоса, ни подъёма. Экран и сцена – это разное, на сцене она должна проживать, а в кино – Александров любовно слепит из кусочков...

Все нелепо было у Орловой, и неудачно: это её появление в театре Моссовета в «Русском вопросе», в Джесси (где не хорошая и не большая актриса Серова - была лучше неё, лучшей Джесси, - Симонов знал для кого писал). Эту роль все тогда поиграли, но Степановой не помогла даже её мхатовская оснащённость, Зеркалова была визгливая по Островскому, вахтанговская Вагина говорила басом, Орлова пленяла только пеньюарами немислимыми, а вот Серова - с хорошенькими ножками, в английском костюме.., - вся ритмика её была здесь той что нужно. А уж когда в «Моссовет» притащили Сартра.., - это был русский театр, и вдруг - все эти «благочестивые шлюхи» с Орловой, чтоб ей продемонстрировать свои пеньюары божественные: то розовый, то сиреневый, то капроновый, то нейлоновый, то клубится, то стелется, таким полукарэ, в пёрышках, как у Вивьен Ли в «Даме с камелиями»...

С Завадским тоже непросто: он топорно и тускло ставил плакатные партийные пьесы, а там где он был мастер - там он сверкал: ведь как он поставил «Забавный случай»!!

И с Царевым тоже непросто, - он был порядочный человек.

Человека, вообще - надо судить не по личным качествам, а по времени, в котором он жил. (Если говорим, например, о Стрепетовой - то надо знать о ней все: проезжала она мимо Елисеевского - ЧТО в нем в тот момент продавалось?!). Вот так.

Но во времечко оное - про Зощенко и Ахматову ЧТО писали: «подонок», «блудница», «между будуаром и молельной», - и ничего..., Ахматова ходила везде, по магазинам, в Елисеевский заходила...

(Сказали бы сейчас про Ахмадулину «блудница» - она бы, пардон, обосралась, а Ахматова - спокойно пережила). Мне всё хочется поодиознее, поодиознее примерчики выбрать - чтоб засветить широко и хорошо!

Касаткина была у старика Попова в таком фаворе, что когда его хоронили - она заявила вся в белом (кто-то ей сказал, что таков траур у царственных особ) - и Добржанская с Сазоновой от зависти по три юбки сжевали!

Представляю, как Лучко Клара тоже заявила - к Громыко, с двумя пистолетами наперевес: «Помните «Кубанских казаков»? - «Помню». - «Так это Я там играла. Давайте Народную СССР, а то я шутить не люблю». Он и дал. («Инке Макаровой дали, а я что...»).

Гундарева - та сама всё пробьёт: и локтями, и когтями, и прочим местом, - все пробьёт и придёт к Народной СССР, но - нет драматизации нутра как у Дорониной.

Гундареву надо бояться как Шульженку в гневе!

Это надо же быть только Дорониной - чтобы суметь такую муть на скамейке развести!

Табаков - чудесный актер, с тысячью приспособлений, но это не его роль: шоферюги-самца, который каждую ночь приходит в парк и нахлобучивает баб. Гатаев - вполне, но нет голоса. Табаков тонко ведёт образ, знает кто и кого он играет, делает это органично, всё это у него есть, но все-таки лучше ему играть какую-нибудь даму - с брошками, в перьях, в жатом ситце кружевном (он, наверное, прямо так и в студию свою приходит, там все грохаются).

Впрочем, Симонов тоже везде и во всем был бабой: Протасов - баба, Петр I - баба, Дикий капитан - баба, Очарованный странник - баба, Сальери - баба, да и в том фильме старом, не помню сейчас названия, где он в роли какого-то ксёндза грохается перед главным героем на колени и причитает: «Овод!..», - ну, думаю, ты и тетка!!

Прямо как и Смоктуновский: мужику за семьдесят, а у него пряди до плеч: одна сивая, другая пегая, а третья - он помнит, как в Шатуре летом 1972 года горел торф, так третья прядь видимо в память о пожаре - палёная...

Он вот Дерн в «Чайке» - то ли есть, то ли нет: проходная роль. Сидят с Саввиной и тихо матом переругиваются.

С радио просят: «Иннокентий Михайлович, не смогли бы Вы прочитать у нас «Идиота»?». - «Шестьдесят восемь тысяч». - «Ну что Вы, у нас Михаил Александрович Ульянов весь «Тихий Дон» прочитал за 500 рублей!». - «Да, но мне это очень трЮдно. Очень трЮдно». А на самом-то деле - он уже просто ничего не может, протезная челюсть разбилась, фарфоровая, заграничная, из саксонского фарфора, разбилась вдребезги, каждый зуб, ни один БФ не возьмет, - он больше не сможет читать, уже.

Да и свидетельство на творческую импотенцию - звание «Народного артиста Советского Союза» - ему давно выдано (его всегда дают только тогда, когда актер ничего уже не может делать на сцене).

Известно, что Станиславский однажды остановил репетицию «Талантов и поклонников» и задумчиво спросил Тарасову: «Зачем вы пришли в театр, у Вас ведь нет ни капли таланту», - и Тарасова рухнула замертво, Степанова и Андровская оттащили её в покойницкую. А, каково? Какой после этого Грозный, какие бомбардировки? Только один такой вопрос - и полное разрушение! А спросить бы сейчас задумчиво Степашина: «Зачем Вы пришли в театр, у вас ведь нет ни капли таланту?», или у Лифшица: «Где деньги?», - что бы они? И ухом не поведут!

Степанова и посеячас жива. Недавно, на её юбилее, Ия Саввина подтащила к ней всю перекошенную скрюченную Пилявскую - так Степанова ей прямо в лицо: «Я прожила хорошую жизнь, Сытую, спокойную, счастливую. И Вам желаю». - Пилявскую ещё больше скрючило, она поняла, что не доживёт даже до девяноста шести.

Степанова задумала умереть на столетнем юбилее МХАТа, прямо в президиуме, чтоб всё сорвать Ефремову напоследок. Да он и сам уже на костылях, и на бомжа похож...

Ефремов не доживёт до столетия МХАТа – и не надо ему доживать.

Губенко - бездарность, пустой и очень хитрый, с башмачками 35-го размера. Он не тянет даже до настоящего артиста, а не только до государственного деятеля. Ему бы только быть проформом в кинотеатре (а его Болотовой - кассиршей), где-нибудь в Ялтинской киностудии, в ангаре, в съёмочном павильоне №12. Хохол, дурак и любит «ташкентцев» - надо в министры культуры!..

А он не дорастил свои мозги даже до среднего лягушачьего ума. Не хочется его!

Актёра надо хотеть, актером надо любоваться - вот и все. А остальное - недоразумение. Чего это вытащили параджановского «Саят Неву»? Надо опять положить на полку, на 50 лет. Шесть мужиков голых - чтобы приманить, а уж потом Софико. Но всё равно НЕ ХОЧЕТСЯ (прежде всего самого Параджанова этого, похожего на пробочку!). Человек должен быть совершенен. В человеке все должно быть прекрасно: и душа, и жопа. Жопа только должна быть скромной. Красивой, но скромной. А я такую пробочку и врагу не стал бы запихивать!! Да и у той же Чиаурели - у нее мать была нутом велика, а так - уродина-уродиной: тонконогая... А дочка и вообще - может лишь изображать лисицу, загримированную под ворону (брови спрятали под шапочкой, а другие наклеили). А за то, что делал Параджанов с пятнадцатилетними - надо было не на пятнадцать лет сажать, а срезать ножницами с костей и скармливать акулам в Черном море (хотя там нет акул, ну тогда мидиям скармливать)...

Он был не явление.

Вон Ульянов, Михаил - серый, невежественный мужик (надо Салтыкова-Щедрина читать, а не «Огонек»), но ведь даже если он будет в луже валяться - все равно останется индивидуальностью! А другие - две замшевые безрукавки, четыре кожаных пиджака и три дубленки сверху - а неинтересны и скучны как отрыжка от газированной воды, как мычанье коровы, как манометры!!

Да и что мог придумать Параджанов, если он всю жизнь лизал себе яйца и потом придумал «гениальный фильм»? Грузинам всегда далеко было до русской культуры - недаром они так прижимались к России: их (скажем так - «грели») персы, потом турки. Блистательная Порта, её даже Екатерина боялась... Невероятный народ грузины: весь ярко выраженный, но никакого нутра. Они невероятно раскрашенные, глупые, но как-то утончённо глупы.

Марецкая наша - та по-другому была раскрашена, внешнее: буффон из золотой парчи, буффон из зелёной парчи, из разреза струится крепдешин... Платья были безвкусовые, шила где-то в Коломенском, какая-то портниха ей «пошивала», Кристиана Диора не было. Такое впечатление, что на нее из шкафа - повесили все! Боа, два ордена Ленина, медаль «Красная Звезда», бриллиантовая брошь, бусы, какие-то брошки на юбке... Никто ей ничего не мог сказать - все знали, что Верочка Марецкая на какой-то вечер едет. Обязательно - и боа, и лисица (одна на плече, другая в руке). Настоящие бабы боятся даже ткани разные смешивать, тяжёлая ткань требует тяжелой отделки. Марецкая - не поддавалась никаким законам: у нее бархат - с муслином, муслин - с парчой, парча - с тюлем, боа из пёрышек - с лисицей, ордена Ленина - с бриллиантовой брошью и бусами «яблонек» синего цвета стёклышки. Что если даже заглянуть под юбку - один чулок белого цвета, другой - синего. Но удивительно мягкое, какое-то назойливое, дамское кокетство - в ней оно было великолепно! Любую бабу за такое кривлянье можно было возненавидеть, но с Марецкой случилось чудо: её за все за это можно было до тона любить! Это чудо называлось - «Марецкая!». Удивительная была баба! Чудо какое-то было!

А из актеров - Гриценко, Коля - тоже, но тот был только капризный, как принцесса, не на горошине, а на горячем угольке!

Английская королева (не люблю ее: ханжа, пуританка) владеет одной лишь своей Англией - эгоистичной как курица: все только для одной себя, а великая народная актриса - сразу полумиром. Вот и подумай: кто есть кто. Да и у американцев - в мозгах и в сердце еще более пусто, чем у нас в магазинах! Личность начинается с умения думать, а они наедятся клубники в январе со сметаной - и не знают что дальше делать. Да и что это за страна, которая себе в Президенты могла взять голливудского актера!! Тогда давайте мы тоже - назначим себе Женьку Евтушенко или Мишку Ульянова! А чего!? Такие же умные и такие же бессовестные.

Рядом с Парфаньяк нельзя быть чистым лебедем.

Хитрость, Ульянов, должна быть вмеру, а когда она становится огромной - это противно.

(Пользуйся моей добротью!).

Эти Мордюковы и Ульяновы – они очень однопорядковые.

Личность - это всё. Чурсина - личность, это сразу ей дано, а эта страшилища Чурикова - никакая не личность. Только спяну можно назвать личностями Чурикову, Караченцева, Янковского, Абдулова, Захарова или Леонова. Я помню, как Янковский в магазине стоял впереди меня за сыром - и как он вертелся. Так личности себя не ведут, личность в это время матом ругается. Потому что личностью была Гиацинтова, личностью был их Соловьёв, Серова была личностью, Бирман, даже «Ванька» Берсенев

личностью был, а Леонова - будут помнить три дня, даже до девяти дней не дотянут, а в сорок будут спрашивать: «Леонов, актер? Это он «Русский лес» написал? Ах, не он - тогда мы не знаем!». До 1914 года всё кормится и поится культурой Толстого, Мусоргского, Чехова, Достоевского, Чайковского, МХАТа. Сейчас Шолохова уже нет, а все признали, что лучший роман XX века, минуя Горького, это «Тихий Дон». Он еще будет поить всех 20 лет!

А эти после спектакля - в ВТО сидели, пьяные, нюхали яйца друг у друга, барами развалившись сидели - и все. Всё! А Бабанова сонмище интеллектуалов собою кормила! Уланову назвали «легендой XX века», а Плисецкую не назвали. Уланова спокойно прожила в этом вонючем Большом театре, и как ни рвалась Плисецкая - все равно Уланова её оставила вторым номером (Плисецкая от досады себе всю ватрушку шпилькой поковыряла!), и как ни кричали одесситы что она великая балерина мира - мир назвал Уланову балериной века...

Помогает не только горячее, но иногда и холодное.

Крымова - умная, мерзкая, самолюбивая.

Прочитал статью её - и тут же поднялось «интеллектуальное» давление, как в паровозах, и чтобы спустить его - я должен ей очень хорошо ответить, по возможности вежливо, хотя очень надоело спускать злобу этой дамочки. Так вот, вернусь еще раз к словам о Дорониной, оброненным Крымовой: «Это яркая актриса», в чём я с ней абсолютно консолидируюсь, но насмерть буду биться (вплоть до убийства оной Крымовой!) по всем, не соответствующим с моими, пунктам. Крымовой, конечно, надо купить намордник - как очень злому, с черной пастью, бульдогу, и два ведра гравидана от ядовитой и вонючей слюны. Она не умеет ни о ком хорошо говорить. У нее очень много общих фраз, но она ни о ком хорошо не сказала, она хорошо проскользнула пируэтом по льду, ничего основного не касаясь, ничего не открывая и ничего не предлагая, беззубо никого не кусая, а самое главное: критикуя все ложно - и актерство, и театр, и культуру, и зрителя, и режиссуру - никуда не ведет, ничего не предлагает. Как сказал бы Горбачев - «нет альтернативы». У нее нет вообще ничего, и никакого большого взрыва, открытия. Она знает, как точь-в-точь отработать свой кусочек хлеба, чтобы это было и псевдоталантливо и псевдореалистично. Как критик - она должна щелкать зубами, но эти зубы у нее пластмассовые, клацают и никого не кусают, а самое главное - она ничего не предлагает никогда. Она критик, должна критиковать - вот и критикует без всякого удовольствия, но так банально-ординарно, так хорошо обрабатывает в своем духе, а никого не укусила. «Художественный театр культуры и отдыха». Это Крымовой остроумие одесская. А вот я скажу - больше, глубже, безжалостнее, и вообще: за 30 лет - ни одного фортепианного концерта, ни

одной симфонии, ни одной поэмы, из кино ушла драма (и тот же Ефремов развалил ни что-нибудь, а МХАТ... - это тоже была диверсия. Давно бы разобраться с ним за это и похоронить в ногах у Фурцевой, как коня).

Татьяна Васильевна, не огорчайтесь из-за этой Крымовой, она мне давно не нравится, она о многих судила неправильно. Знайте и не сомневайтесь, что публика нежно любит Вас, восхищается Вами и гордится Вашим подвигом в искусстве!

За подвиг тот - за великую преданность публике - Дорониной потом тоже, как Улановой, памятник бы в Ленинграде поставить, только вот заказать будет некому: скульпторов нет, а Аникушин устал от лирических заказов и решил, что Чехов не может опираться ни на что, прислонил его к калитке, а на бульваре нет стенок - так посадит его на сучок, наверное. Потому вот и памятника Победы нет до сих пор на Поклонной горе - что в стране нет скульпторов. Коненков, Мухина, Нисс-Гольдман и Голубкина умерли и все свои тайны скульптурные унесли с собой в могилу...

У нас никогда не умели делать ни памятников, ни даже надгробий.

Посмотреть на Новодевичьем: Огнивцев весь изнамекался, что он от Шаляпина (его мама сделала Шаляпину плезир, плюнула себе в п. - и зачала Огнивцева). Неинтересный памятник. А уж знаменитому хирургу Снегирёву, на Пироговке... - как девка на гинекологическом кресле развалился («раздвиньте ножки - ничего не видно»). Шаляпин - тоже, на Новодевичьем. Нет-нет, говорю, памятники у нас не умеют делать. И доски мемориальные тоже, ни одной нет в Москве интересной, все плохие, Михозэсу только лицо хорошо сделали: не польстили...

Сейчас всё так сознательно и бессознательно перепутали, а надо было бы всем уже разобраться и определить: кто есть кто и что есть что. «Лучший способ познания - это усвоение общеизвестных истин». Интеллигенция. Демократия. Парламент. Проститутки. Бляди. Мужчины. Женщины. Свобода. Счастье. Социализм. Любовь. Революция. Контрреволюция. Я ненавижу проституток - потому что это убийцы, а я терпеть не могу, когда убивают. Блядей деньги не интересуют, им лишь бы был шурум-бурум в п., а проститутка любого убьёт за трёшку. Ляжет с любым уродом за трёшку, но и убьёт за те же деньги. Бляди - это только повышено и излишне страстные женщины, а проститутки - это именно убийцы. Я не ханжа - я спал и с бабами, и с (всего ведь не скажешь!), но ни за что на свете я не мог бы свалиться с уродиной. Я не люблю людей с физическими недостатками (отсутствие ума - это тоже физический недостаток). Ногтя нет на пальце - это тоже уродство. Я как Екатерина: та тоже терпеть не могла уродов (а проститутки - запросто, лишь бы платили). Уж какой был Потёмкин с его сверхтолстым х., а Екатерина - ни в какую! «Барыня - матушка, там такой-ой!». - «Не могу,

глаза нет. Большой, говоришь?». - «Большой, большой – больше не бывает!». – «Не могу, Брюсочка. Крив. Вот всегда мне не везёт, несчастная я! Правда большой?». Глаза только не было у красавца, а как великая царица мучалась!! А разве проститутка будет мучиться из-за уродства клиента? – Потому что УБИЙЦА. А демократия, - говорил ещё Гераклит, по прозвищу Тёмный, - это власть худших над лучшими. И Россия выживет, - добавлял Ницше. – если не впадёт в идиотизм парламентских дебатов. А интеллигентность, - подхватываю уже я, - это всего лишь и только, что - идя по жизни, не расталкивать других локтями, не идти по трупам. И никаких других признаков и определений интеллигентности не существует! Никаких!! А эту свободу-хуёду – я терпеть не могу. Прежде, чем её требовать – свободу – её надо обеспечить, мадам Литва! А социализм (в русском понимании) – это равенство. Сёстры Лисициан одеты всегда шикарно (в армянском понимании), а есть социализм - в русском понимании. Вот так. Россия сделала революцию, одержала Победу, удержала завоевания, а «межрегиональщики» что делают?? Предлагают всё продавать и менять на колбасу поскорее. Вы куда приехали? Доскакались до 809 лет советской власти и спорят на своих сборищах: какой дурак умнее и главнее. «Кто лучше - Троцкий или Бухарин?». – Сталин: «Оба хуже».

Проститутки хороши в своём месте, а когда их пересаживают и воруги с ними рядом – то тут добра не жди...

Державу крупную превратили в проститутку. Думают, что Клинтон будет кормить всё это. А что же ему тогда его народ скажет? Любовь к большим деньгам скрыть нельзя. Прежде всего он придурок, а это скрыть нельзя.

Караулов с престарелым Виленкиным лепили телепублике фанеру, что Книппер-Чехова отказалась выразить публично печаль по смерти Сталина, заявив, что очень ей рада. А это не могло быть никогда по одной только причине, что Тарасова тут же бы заложила её, через пять минут. Ровно. (Был же ведь пункт – «за недоносительство»). Так что пусть Караулов не отбеливает, нас не проведёшь, мы всё помним...

Все всё врут и напридумывали. Пугачёва уверяет, что её свекровь «умерла от рака». – Какой «рак» может быть в 46 лет?! Здоровенная баба, работала конференсье в ансамбле Утёсова, - Роха отвалила от страха! Ещё

бы не испугаться: сын на бабке женился! Или – Вертинская: Ефремов научил её пить, курить, материться, лесбиянничать и играть Чайку, а она сейчас уверяет, что «была любимой ученицей Эфроса»...

Мама Киркорова была моложе Пугачёвой – и не выдержав этого противостояния умерла раком.

Пугачёва – каракатица, мультипликация – но как поёт, какая интонация филигранная, - русская Пиаф!

Рыба-пила. Я насчитал от трёх до двух горбов на носу у Пугачёвой.

...Вот пишу, а сам все думаю: и как Доронина отнесется к этому написанному о себе?? Отнесется ли как к должному (как, почему-то, относятся к писанному о себе все остальные актеры!), буркнет ли «понравилось» и захлопнет дверь, или же раскиснет?! Я бы - раскис, Мария Гавриловна раскисла бы, Грета, Верико, Алиса, Элеонора, Алла Константиновна, Еланская - тоже... Добры они все были как тысяча ангелов! Они ведь так и не смогли привыкнуть к тому, что они актрисы, что мечта их сбылась: у Тарасовой - играть в Художественном театре, у Греты - стать королевой полумира. Ни за что никогда не поверю, что Доронина не мечтала стать лучшим украшением русского театра, но ведь - стала, и я об этом громогласно оповещаю!

Сын Рыжовой вспоминал, что иногда заставлял мать уснувшей в кресле с закатым в руке каким-то особенным письмом одного её неведомого поклонника, и что мать очень гордилась этим письмом и часто его перечитывала. Как это трогательно! И как я мечтаю, что Доронина так и с моей книжонкой!

(А Савина бы - даже еще и расквасилась: она всегда была яростной сторонницей того, чтобы актер носился с любой, даже крошечной, строчечкой о себе. Мария Гавриловна - она мне сама родная и любимая в мире театра! «Далекая, но близкая»).

И открытое неким Ковровым в его соображениях об актрисе Ленниковой - это самое восхитительное, самое дорогое и потрясающее, что мне привелось вообще узнать и пережить о театре за свою жизнь!

От одной уже строчки его, что «сцены БОЛДУМАН-ЛЕННИКОВА нет у Чехова» - можно просто обрыдаться!

А за его определение давних-предавних кедровских «Мещан», что они были «о жизни, о смерти, о любви» - совсем не жалко мне и жизнь свою отдать!

И вот чтобы хоть как-то примазаться к этому истонченному блестящему умнице Коврову - осмелюсь и я развить свое соображение о природе высшего состояния в театре: в ЦДРИ, года 1,5 назад, на вечере Тамары Ханум, юбилярша слушала-слушала очередное приветствие... - и никто не заметил, как вдруг старуха Ханум, совершенно не слушая уже поздравителя - закружилась сосредоточенно, заколдовала, завелась в своем танце - изливая на публику всё тот же свет театральности. («Браво!!»), - взорвался в восторге всё мгновенно оценивший мой приятель-театрал).

Великая актриса - это тоже и Тамара Ханум. Была. Говорят, этой весной умерла старуха. Но да разве такое забыть когда!

Как иногда в старой кинохронике можно увидеть Ермолову: сумасшедшая уже, руками машет...

Все лучшие люди мира - от Будды и Толстого до Христа и Платонова - умирая, говорили одно и то же: «Смерти нет».

Не величественное древнее «помни о смерти», а что вообще её просто нет.

(Одна моя знакомая озорная любит похулиганить: «Мы есть - смерти нет, а смерть придет - нас уже и не будет»).

В узком же смысле, театральном - я хочу сказать, что все это так или иначе живет, должно жить - в Дорониной. (БЛАГОДАРНОЕ СВОЙСТВО ТАЛАНТА - НЕ ТЕРЯТЬ ПРИОБРЕТЁННОГО УЩЕДШИМИ).

От Викландт знаю, как на съёмках «Без вины виноватых» Тарасова рассказывала партнёрам о Станиславском: «Его отполировали, а он был живой, горячий, иногда на репетициях такое брякнет - уши отвисают!! Ведь он однажды, стоя у раскрытого окна пятого этажа, увидел внизу проходящего ослепительной красоты юношу - и тут же ему крикнул: «Молодой человек, хотите играть в Художественном театре?!», - так в 16 году пришёл в театр Ершов».

И Вера вот Васильева - неподдельно великая актриса (и дьявольски умна, кстати), хотя всю жизнь играет не те роли, и ханжливая, фальшивая в жизни. Но великая актриса - это только та, которая потрясает, а Васильева может потрясти (не потрясала до сих пор единственно потому только - что играла, говорю, не свои роли. Ну какая она Любовь Андреевна Раневская!? И какая она Графиня!? И какая Городничиха!? Но зато никакая она и не Феня-дурочка! - Не надо только было связываться с Плучеком - с этой свиноматкой). Вот нападёт на свои роли, на свойственную ей дорогу - с нею, как сейчас и с Дорониной, даже стоять рядом будет горячо!

Я Васильеву ценю предельно.

Но с Дорониной никто пусть не смеет себя даже сравнивать - это вершина театрального развития, это орхидея, которая цветёт раз в 1000 лет!

Она неотразима для народного сердца - потому что за всем, что она делает на сцене, у нее ИДЕТ ЛИЧНЫЙ БОЛЬШОЙ ПРОЦЕСС. Как и у пяти её предшественниц. Как и у Веры Поповой был. Больше ни у кого.

Это основа. Это как закон.

Стилиста дает только гений.

А я предпочитаю еще и Станиславского, т.к. он тоже не погружает меня в свои собственные истерики, а дает какую-то идею.

Яблочкина предупреждала о Рыжовой: «Вы с ней поосторожнее: все заметит, запомнит, высмеет потом». (И о Фаворском ученик вспоминает, что как интересно ему было наблюдать за Владимиром Андреевичем в электричке: глаза у того бегали туда-сюда, жадно всё высматривая и запоминая).

С этой Рыжовой вообще надо было держать ухо востро: она знала Толстого, достаивалась его похвал (не говоря уже о том, что знала запросто пять европейских языков - что, впрочем, было обязательным и естественным для служащей императорской сцены), она ходила со сценическими товарищами к Ключеву, знала и его, и будучи во всем искренней - бросалась ему на шею: «Ах, Николай Алексеевич, мы все не стоим Вас одного!!»...

Не то что Массалитинова, которая к Маяковскому приставала: «Напишите для меня «Баню»!..». (И сводите меня в баню).

Это надо твердо помнить, это недавно открывшийся факт - что Рыжова знала Ключева. (Это была эпоха Станиславского).

Кого сейчас знать Дорониной! Окуджаву, что ли?! (Но ведь сразу же скажут: «Что это у Вас, Татьяна Васильевна, за неприличные знакомства?!»).

Катастрофически нет интеллигентных людей. Лужина и Конюхова хотели отпраздновать свои юбилеи – так все сцены отказали: и Кино-актёра, и ЦДРИ – только одни повестки, из вендиспансера и вытрезвителей (поздравления и повестки!)...

Вот Астангов был – просто великий актёр (и интеллигент неисправимый), только засушил себя книжками, чтением, читал много - всё это так, и с голосом каким-то геморройно-раздражённым, но вот культура, самоутверждаемость, голос, внешность..., - все это ушло и никогда уже не будет, не повторится.

Я его видел уже незадолго до смерти - у них там шло тогда «Перед заходом чего-то» (где Целиковская играла ублюдку).

Ленинградцы всю жизнь обожали только Бергольц, Зарубину и Доронину, а не Ахматову, Фрейндлих и Товстоногова.

Телегина, Зарубина – играли просто и писали книги. «Не хочу персиков, хочу капусты квашеной...», - разве такое забудешь!

Малоприятным человеком был Царев, а актером несравнимым: как он читает лермонтовскую «Соседку» - так никому не дано и не снилось? А ведь что такое была и Тарасова в Художественном театре?? «Потуже затяните, сильнее. Вот так. Еще потуже. Полежу, отдохну...». Одевальщицы пылинки с нее сдували, в плечико её целовали, шлейф-то до самых кулис несли..., так что ей ничего и не нужно было играть, все было готово, ей оставалось только взяться кончиками пальчиков за края шляпки, переступить порожек, вздохнуть легко, улыбнуться и сказать: «Нил Стратоныч, это я!»... Службой в Художественном дорожили, ценили, за нее тремя руками, как в хлебную карточку, вцеплялись: театр оберегал от фронта, от голода, от холода, от гибели, от одиночества. Это ведь только сейчас так стало, что одевальщицы-лимитчицы влетают к Дорониной в

уборную: «Тань, привет!..». А она не любит, она терпеть не может, когда к ней обращаются иначе, как только «Татьяна Васильевна»! Да и как ты, тварь, можешь думать, что ты, лимита, будешь с нею наравне!? Никогда ты не будешь с Народной артисткой на одной ноге!! Но а потом и идут все те разговоры, что «с Дорониной невозможно работать». Да ежели ты, гадина, сделаешь что-то ДЛЯ ТЕАТРА - эта Доронина всенепреренно заметит и запомнит! А если к ней влетают в антракте, когда она (представляю!) сидит одна, нервно стучит машинально ложечкой в пустом холодном чае без сахара и курит одну за другой, а к ней влетают с «Тань», - вот она и взвывается под потолок и посылает в дальнем направлении...

Я даже думаю, что у Дорониной каждое сценическое платье - в пяти экземплярах, и после каждой сцены она переодевается, потому что его надо просто выжимать-выкручивать - так она волнуется, - а публика, дура, думает что видит Доронину в следующей сцене опять всё в том же одеянии.

Никто её не бережет, никто не заботится.

Одно время она все рвалась в Малый, «Макбет» там хотела сыграть, а Равенских обнадеживал. Эх, если б тогда ей удалось прорваться и туда! Вещь эту давно никто вообще не играл, а у пытавшихся в ней, в свое время, утвердиться Анджапаридзе и Гоголевой - так ничего и не получилось: у Верико - Макбет была пересироплена кавказским сиропом, а Гоголева в этой роли - все поучала и поучала Царева-Макбета как занудливая учительница арифметики, все ему втемяшивала что-то...

Гоголева - у неё утеснённый драматизм, а у Дорониной - распахнутый! В «Макбет» Гоголева, помню, стонет на сцене, закатив глаза, а тучи так и несутся, так и несутся, что за макушку задевают! (Как это их в Малом делали, из проектора наверное?!)..

А появьсь тогда Доронина в Малом, даже на минуточку - Нифонтова тут же бы съехала в Саратов пленять собою публику (она ведь была совсем даже неплохая актриса - для Саратова, но не Малый же театр!), а Быстрицкая - той осталось бы только на батуте прыгать...

С Дорониной - стоять-то рядом горячо, а ни то что играть!

Эти две непотопляемые премьерши из Малого - очень ведь скучные актрисы, с тремя звуками, им только глухонемых барынь играть, в кресле.

А Доронина на сцене - как амалийский источник, как «Колос» на ВДНХ, и струя выше чем у «Самсона»!! Она правильно считает: что жизнь без слова - ничто!

А ты, Чурсина, молчаливая - ну и черт с тобой, так и не пощупали душу твою!

Яблочкину в 104 года грабили, привязали к батарее, а она вырвалась и вся в шрамах, в верёвках, в канатах прибежала в театр играть Мурзавецкую. «Вы устали, может быть сегодня Гоголева сыграет?». -

«Лена ещё молодая, наиграется» (Лене было 89), харкнула на Гоголеву и бегом на сцену..., - вот как надо!!

Да и что может быть дороже собственной прожитой жизни!

В этой жизни - была Россия, была революция как «невозвратный путь» была Победа, был Сталин, была пронзительность, чистота и вера, был завтрашний день..., - было много хорошего!

Была мечта о счастливой жизни и беззаботном труде для самых простых людей.

«Что же делать, если обманула та мечта как всякая мечта!»...

Не нам Америка была указ, а мы были указ Америке. (И всему миру).

Фурцева сохранила культуру (и не потому что сама была партийкой: Михайлов был на одном уровне с Фурцевой, а ничего не сделал для культуры, только эту дуру Ларионову утопил в шампанском). Кобзон недавно похвалил Фурцеву, - т.е. уже стало неприличным замалчивать, да и сам Кобзон, уже получил миллиард долларов...

Фурцева померла, а уж потом пошли такие мочеиспускатели культуры, что их и не вспомнишь!..

Недавно какой-то придурок-анекдотчик из «Огонька» размазывал, как Ливанов на коллегии Министерства культуры что-то такое сказал Фурцевой, а та растерялась. Так вот – не Ливанову Фурцевой что-то говорить. Ливанов – говно и ничтожество, а Фурцева была министр-гений: как стала министром – из библиотек не вылезала, знала всё про театр, про балет, про живопись...

И одевалась так, что потом эта кикимора Тэтчер свой стиличэк «английский» - с неё перекатала...

Сейчас все любят поскулить - какие мрачные времена они пережили, особенно в искусстве, как с ними не считались, и т.д. Послушать какую-нибудь Фатееву или Ахеджакову - и выходит так, что всем этим занималась какая-то общественная организация на Луне. Да ведь же прежде всего вы все сами и расшатывали устои своею беспринципностью, лживостью, рвачеством, и уж не то чтобы форму там понижали (для этого просто патологически бездарны вообще), а именно - сознательно губили...

Раньше хихикали в кулачок, а теперь плачут в кулачок.

Смирновой стыдно перед Ельциным за своё партийное прошлое – вот она и рассказывает, что её насильно затащили в партию, а она упиралась. Это ей-то стыдно – бессменному 12-летнему парторгу Мосфильма перед Первым секретарём Урала! Да слышал бы это Пырьев, Иван - он бы ей раздвинул рёбра своим знаменитым, которым он всю мебель у Марченки перекрошил и в окно повышвыривал, а уж Смирновой

бы он за это предательство партии – меж рёбер бы вставил, раздвинул и вышел на другую сторону!..

Такие курносые бабы, как Смирнова, такие сваты-бабы-Бабарихи – они очень вранливые, хитрые и глупые.

Хотел бы я быть комаром из бабы-Бабарихи, полететь, сесть им на нос и воткнуть жало, - таким цианистым комаром...

И Лихачев - наемный, ежедневный и лживый с ними плакальщик по русской культуре (крупным плачем). Именно такие были приставлены к сохранению русской культуры среди огромного невежества партмерзавцев, но с их молчаливого согласия, почти указки: что надо взорвать, уничтожить в русской культуре - все и было уничтожено под предлогом вечно опускавшихся рук и недостатка сил в борьбе за сохранность у таких господ как Лихачев.

Эту же мысль можно развить (и разносторонне!) и о Сахарове. Есть что сказать об этом «создателе» водородной бомбы и тоже первом плакальщике действительно по гнусным диссидентам 60-х годов, которые ровным счетом ничего не добавляли к социальной борьбе, кроме защиты своих ленивых интересов и образа жизни трутней, таких как Бродский, Синявский, Рой Медведев, который сейчас вдруг расцвел бурной деятельностью из слов, запутанных слов, где в подоплке и в знаменателе всё та же тоска клопов по русской кровце...

Как низко мы все сейчас пали - можно судить хотя бы уже по тому, что самое волнующее русское слово «товарищ» - во всей стране произносили только два человека - два Георгия - Саркисянц и Сурков - два известных спортивных обозревателя. Но потом и они скурвились. А ведь еще совсем недавно: «Здравствуйте, товарищи», - не гримасничая и коротко обращались они к публике, и кроме них слово это невероятное - никто не считал для себя нужным употреблять. Даже Невзоров. А «товарищ» - это почти что «брат», а уж это слово - оно было самым дорогим для лучшего в мире человека. Первые люди мира готовы были разрыдаться от умиленного волнения - когда в текстах стариковских натыкались на «брата», или когда сами пытались донести миру, что упрямый старик был совершенно помешан на этом слове, соединяющим людей. Роллан, Гауптман, Флобер, Мопассан, до неприличия честный Хемингуэй, Драйзер, Голсуорси, Б.Шоу, Франс, Манна, Рокуэлл Кент... - они старика никогда не предавали. И более того - считали себя, по отношению к нему, безнадежно провинциальными, недостойными даже дверь ему открывать и галоши подавать. Только под столом сидеть.

Вот что за слово такое - «товарищ», вот что за слово такое - «брат»!

Русская баба безудержная - на ташкентском базаре начинает орать и материться, когда у нее случайно вдруг не оказывается двадцати копеек,

чтобы сходить «до ветру» (а с нее их требуют), но старые добрые толстые узбечки, все сразу (и давно все) понявшие - кричат ей: «Сестра, сестра, иди, иди, мы за тебя уже заплатили». Всегда на Руси была хоть одна привилегия для простого человека - бесплатно сходить туда, куда царь пешком ходил, а теперь народу сортиры платные, - за жизнь, за войну, за профсоюз...

Запад и Прибалтики советы нам дают. Разве кому помогали советы!?! Да Россия всегда поступала так, как никто не посоветует!! Она ничьи советы ни в грош не ставила - она только с Богом советуется!

Улучшение всегда средство своей зависимости от не от кого. И если этого не происходит - это называется застоем, а если происходит так называемое «улучшение порядка» - это значит, что тем кто его не принимает - руби голову, а если порядок вообще без демократических начал - то это уже не просто тоталитаризм, а это уже просто фашизм, т.е. порядок без демократии. Поэтому, все шаги цивилизации любой демократии - сводятся к одному: сделать людей свободными и увидеть такими же свободными всех остальных вокруг себя. Не надо порядка, а надо свободы. Порядок - это для одних, а беспорядок - для других. Потому что мнение одного человека, противоположное мнению другого человека - не убивает ни того, ни другого. При слове же «порядок» - один из них должен быть убитым. Вот от этого и надо плясать, вот за это и надо побороться.

Общество живет только для того, чтобы выработать законы более гуманные, чем были год тому назад.

А потом демократизация принесёт и колбасу, и овощи, и машины.

Я несколько отвлекся.

Да и плевать на них на всех, - художника интересует только пластика.

Театральность начинается с утверждения и развития пластичности, т.е. отношения к пространству, а не тогда, когда напяливают разноцветные тряпки, наклеивают носы и начинают орать дурным голосом.

Доронина, в «Скамейке» этой - в какой-то момент смотрит на героя дружески и добродушно смеется так, что круглится шея (любая другая актриса зафиксировала бы это для публики, задолбила, а неистощимо щедрая Доронина уже несётся дальше, публика еле успевает оценить и восхититься!).

Был такой художник французский - Утрилло, ненормальный, странный, всегда рисовал только одни бутылки, но - рисовал их так, что именно задумав повеситься ты именно передумаешь, если на глаза вдруг попадетя его эта живопись.

А все по причине пластичности.

Захочешь повеситься - вспомнишь случайно эту её добрую чулочницу с её доверчивым смехом тем добродушным, эту её круглящуюся шею при смехе - и передумаешь вешаться.

Пластика.

Голова кружится, как подумаешь: сколько же Доронина вообще переиграла, какой шлейф ролей за нею тянется!! История русского театра никогда не забудет оказанных ему тобою дружеских услуг, милая Татьяна Васильевна!

Да у неё как и у Комиссаржевской: не повторить никогда этого движения!

В новейшей истории русского театра это сравнимо только с тем, как улановская Золушка появлялась на ликующем королевском бале: как восхищенно и очарованно сияли на весь зал глаза замершей на пороге от восторга и восхищения Улановой - а публика сидела на своих местах как парализованная, в зале стояла крошечная тишина.

Или - с тем, как Обухова пела: «Что это сердце сильно так бьется» и, сама того не замечая, слегка теребила в руках кружевной платочек, от волнения, а публика задыхалась от слёз.

Вот в какое сомнище имен внедрила себя Доронина! Попробуй теперь кто с нею тягаться!

Или, еще - как вернувшаяся из заключения Русланова (та, после которой сама Обухова отказывалась петь!) - просто стояла на сцене Колонного зала, зажмурив глаза, руки по швам, и обливаясь слезами «с кулак», а публика молча третий час сосредоточенно колотила в ладоши (это мне Телегина сама рассказывала, и сама очень волновалась).

Эта публика и тебя никогда не предаст, Татьяна Васильевна!

Неужели я да не разберусь между Янковским с его ничего не обещающим лицом - и Дорониной с её большим, мужественным, красивым сердцем тигрицы!

А Грета Гарбо еще и прославилась на весь мир своим взглядом «как у сфинкса» (на что завистлива Марлен Дитрих уверяет до сих пор всех, что таков этот взгляд у Греты только потому был - что она «подсчитывала в это время белье»).

Но как это далеко от искусства, владеющего иным миром выразительности и характера! И как все это далеко и чуждо русской культуре, русскому театру - где Доронина играет так, как будто никогда не умрет!

Ни Грета, ни Марлей, и никто - до этого и не доперли.

И надо всем нам всю жизнь помнить оброненные Толстым слова о «заминке», и что если эта заминка даже грандиозные ум и сердце Достоевского подкосила, то что тогда говорить про всех-всех сегодняшних

- от самого-разсамого до каких-нибудь верховных депутатов или служителей «неподкупной прессы»!..

Все они с «заминкой» - от Зюганова и Родионова до Невзорова и Куняева.

Бунин, кажется мне, тоже с «заминкой».

Про «самого-разсамого» (т.е. Горбачева) и говорить нечего - у него уже давно правда ушла в кривду. (Люди эмаль на зубах стерли при имени его. Песок на зубах крошится при его имени).

А вот Доронина без «заминки».

Этого нельзя не признать за ней.

...Много чего у старика есть: например, о «различии» между бонапартистами и роялистами. (!). А в ханжеско-подло-преступную кампанию антиалкогольную - у него вспомнили только одно, что он тоже был против пьянства, но тщательно и тоже преступно скрыли его проповедь: что люди одурманивают себя только для того, «чтобы скрыть требования совести».

Толстой. Ключев. Платонов. И Доронина.., - как последний неотразимый довод бросаю я их имена (и никто в мире не осилит этот довод отвести. Никто!).

Эти трое - пожалели свою страну, тайно пожалели. (Блок тоже жалел). Я не знаю, жалеет ли она Россию, но Дорониной нет среди тех, кто её рвёт. (Это еще одно, что предстоит народу оценить в Дорониной).

Доронина, она – экран, который отражает наше восприятие её.

Есть разная память, в которой остаются, но вот в НЕЖНОЙ ПАМЯТИ русского народа за всю его историю – осталось только четыре человека: Толстой, Сталин, Комиссаржевская, Мордасова – за бесстрашное заступничество, за абсолютную преданность советским людям, за пронзительную чистоту, за голосистую звонкость. Видимо, скорее всего, по всем вероятностям – в НЕЖНОЙ ПАМЯТИ русских останется и Доронина - за яркость непогасимую.

Доронина красавица – это потому что её русский врубил!

У одного моего знакомого японца-профессора есть теория, что все красивые рождаются только от русских. Он так и говорит: «Русский врубил». Так что Доронину – её «русский врубил». И Лоллобриджиду, и Делона, и Бардо, и Ларионову, и Тейлор, и Пугачёву – всех их русский врубил, только никто этого не знает, кроме их матерей. Гурченко скажет: «Не может быть». Люся, я тебе говорю – только русский врубил! Ты посмотри! Только русский! И Пьеху, и Кардинале, и Грету Гарбо, и тебя тоже! Тебя тоже русский врубил, а никакой не Марка-баянист, вот спроси у матери – она знает кто ей врубил.

Все матери знают - кто им врубал!

Так что то, что Доронину врубил русский – я и не сомневаюсь ничуть. Прелесть такую прелестную! От кого такая могла произойти, кроме как только от русского!

Она «Васильевна» - значит она от Васьки, Василька, Василёчка, Василия, Василиска, Базилевса, а мне показалось, что она простушка! Мне бы, дураку, смекнуть: что если она по-королевски протягивает ручку венгерскому президенту (это только Ахматова вхолостую королевствовала, сынок так и говорил ей: «Хватит, мать, королевствовать»), а Доронина – так легко и естественно, роскошно убранная, с невероятным вкусом – милостиво протягивает ручку главе государства, а тот потом ещё 18 лет в своей Венгрии будет своим рассказывать, как его принимала русская царица театральная.

...Она знает правду, несмотря на всё, а я - трепло и горемыка...

Впрочем, жизнь - это мучения. Самая противная жизнь та, которая прошла без мук.

«Кровохарканьем Бог заболел - оттого и Россия пурпурна». Клюев.

Алиса Георгиевна раздумчиво говорила мне: «Малый театр возродится, это русский театр, Смоктуновский хорошо сыграет царя Федора, Царев - Клаузена; Художественный будет опускаться все ниже и ниже, хотя и через сто лет будут говорить: «образцовая сцена», «первый театр»; вахтанговский останется все таким же, это не театр, это театр для завмагов и восторженных девиц»...

И я очень люблю вспомнить, как она говорила лично мне, с хорошей усмешкой: «Доронина молодец: она им всем там устроит «шагом марш!»».

Никто уже давно не Чайка: ни Шмыга..., никто, больше и назвать некого (Неёлова, Яковлева, Муравьёва и пр. – Чайками и вообще никогда не были), а русская актриса должна, обязана быть Чайкой. Это разработано и заповедано Островским и Ермоловой, Станиславским и Комиссаржевской, Чеховым и Дорониной. Разработано, заповедано и утверждено ими. Если ещё недавно, но до самого своего конца, звали и кричали Тарасова, Фетисова, Марецкая и Бабанова – то сегодня кричит и зовёт за собою публику только одна Доронина. Они обманчиво казались и кажутся зажиревшими кошками обласканными. Нет, они – Чайки. Великий мировой символ русского театра.

Высшую и доступную уровню понимания людей истину – всегда, утверждал тот невероятный старик, может выразить только один человек. Христос. Будда. Конфуций. Лао-цзе. (И он сам, - говорю я).

И он вот имел право и силу сказать: «Не могу молчать» или «К народам, правительствам и государствам», а даже Чехов и Достоевский – не имели; Платонов имел право силу сказать: «Без меня народ не полный»,

а Шолохов и Леонов – не имели; Клюев и тоже имел право и силу сказать: «Родина, я умираю», а Есенин и никто другой – не имели. (Есенин мог только сказать: «Дайте Родину мою» - На!).

В этом – главное и пожалуй единственное отличие гениев от всех прочих.

И Доронина – может всё что ей ни заблагорассудится выкамаривать на сцене, а все другие – поостерегутся!

Вот так сидеть на полу, в темноте, раскачиваясь и хлюпая носом – может только Доронина, а всех других её театральных современниц – публика не поддержит, не сунет им цветочка, как Дорониной тихонько в этой сцене подпихивает...

Помню, Гиацинтова рассказывала, что когда Станиславский вводил её на роль Митиль в «Синюю птицу» - на одной из репетиций он неожиданно попросил из зала: «Софья Владимировна, перелетите с этой ветки на эту». – И я сказала: «Хорошо».

В этом - весь Станиславский.

«Без меня народ не полный». В этом - весь Платонов.

«И сердце в слезах расколосось дуплистой веткой у реки». В этом – весь Клюев.

«Истина, люблю много». В этом - весь Толстой

«Ни в какие времена, ни у одного народа – не было писателя выше Толстого. Не люблю его». В этом - весь Достоевский. (Не любил – потому что обожал. Он и самого своего главного и любимого героя – назвал его полным именем)...

Был у Дорониной такой обычный фильм «Мачеха», где была элементарная мизансцена: она входит в круг деревенских баб, у магазина продуктового, и что-то говорит, трепыхаясь. Очень всё просто, но – ни одна актриса в мире не сможет это проделать – вот этот вход в круг. Сфальшивит. А Доронина - обжигающе правдива.

И в этом её входе в круг – вся Доронина!

...Как постно играли все Мамаеву в малоинтересном станицыном спектакле, идущим и до сих пор в Художественном - и сколько безжалостного юмору и безжалостной неотразимости натащила именно в роль именно Клеопатры Львовны именно Доронина - и как засверкал тогда спектакль!! До сатиры-то и ей не удалось подняться (вошла в уже застарелый спектакль), но терпкий юмор бил у нее наотмашь - в чудной сцене с Крутицким-Зиминим у её Мамаевой засело в голове одно: кто сейчас муслюкает у Глумова, а ей тут этот придурок Крутицкий какие-то еще монологи Озерова декламирует!..

(Кстати, Зимин - это лучший Крутицкий: лучше всех - Ильинского, Прудкина, Плотникова и уж тем более Тенина - роль эту он играл!).

Конечно, на все мои ахи и восторги Доронина может потупиться и скромненько сказать - что ей было, мол, у кого учиться. Еще бы! Недавно вижу: Шатрова на экране, в телеспектакле бабочкинском - врезает Юдиной-Поликсене, прямо по Станиславскому, глаза-в-глаза: «Уж у меня такой характер. Меня и в ступе не истолочь. Очень я своим характером довольная». Во как надо!! что оставалось тут делать Поликсене!?! Юдина вся мокрая встала и молча вышла...

Или Рыжова, в «Волках и овцах»: Пашенная бала патологически жадная и, играя Мурзавецкую, чуть-чуть положила Рыжовой на тарелку – так та, под «где уж, нам уж, чего уж...» восемь рюмок опрокинула...

Мне рассказывал тот мой театральный приятель, как Татьяна Струкова играла Мигачеву в «Не было ни гроша...» в Детском театре московском: она сидела на заднем плане и в рваных митенках пересчитывала деньги, перед нею шло многолюдное действие, но все в зале смотрели только на нее и напряженно следили только за тем, что она делает и что при этом говорит... Этот мой приятель истошно орал: «Браво!!», милиция выводила его под руки, а он уже ей, милиции, орал: «Не мешайте наслаждаться искусством!!»...

Меня всего просто трясет от восхищения, когда я только вспоминаю обо всём этом им рассказанном мне! Вот какой у него глаз! Недаром он осветитель, т.е. «художник по свету», работал когда-то им в Музыкальном театре: направлял лиловый луч в п. Кармен.

(Правда, ни одной из их Кармен я не верил, что они на своей табачной фабрике могли перерезать бутылкой горло какой-то своей товарке...).

Я тоже помню эту Струкову: жуткая худая страшилища - и невероятно притягательная артистка! Я помню, как она, в антракте, стоя в первом ряду зрительного зала Дома актера (ныне сгоревшего) - прелестно юморилась, говоря Сперантовой: «Валька, я сейчас приду, береги мою сумочку, там у меня миллион».

А уж из мхатовских вообще около любого - Станицына, Блиникова, Зуевой, Андровской, Степановой, Грибова, Яншина, Белокурова... - можно было труппу создавать отдельную!

Они заражали друг друга талантливостью (то, чего не скажешь об ансамблях трупп наших театров) и были еще скорректированы пристальным оком больших режиссеров, теперь и этого опять не происходит. Театр - кризис, драматургия - кризис, режиссеры - махонькие, актеры - тужатся, талантливичают, а их почему-то жалко. Разве можно было пожалеть в 50-ые годы хотя бы одного актера МХАТа?! Потому что это были алмазы в алмазном венце!

Ефремов это знал и уткнул всё в «Оленя и шалашовку», - в театре, где витали музы в витрине, - это даже не революция и не контрреволюция, это эволюция наоборот, в обезьяну!..

Шмыга - чудная, талантливая без меры, может быть самая единственная великая опереточная звезда советского периода, но именно опять на её время даже не было в окружении даже алмазной крошки! Ушли весь тот знаменитый субреточный гротесковый ансамбль старой московской оперетты. Тонконогая рыжая уродина Регина Лазарева, без шеи, но с «пишным» волосом, «страшно элегантная», высоченная Лебедева, вся такая для Вены, на выезд-на выданье (но сидела дома, потому что там Ханна Хонти, там Легар и Кальман, которые оттуда и произошли), тоже кривоногая Власова - лучшая, «божьей милостью» музыкальная актриса каскадная, добрый и милый человек до сих пор...

Татьяна Бах и Дора Сокольская дрались в кровь, насмерть: «Я тебе в 14 году на бенефис букет подарила, ты помнишь на нём ленту муаровую? Так это я её на кладбище с венка сняла!». - «А ты помнишь, я тебя в 16 году лимонадом угощала? Так это была моя моча!». А назавтра встречаешь одну из них - ковыляющую, закутанную, в метель: «Дора Мироновна, вы куда?». - «Да вот Танечка Бах заболела, фаршик ей несущ». А когда одна умирала - другая на гробу валялась и весь его слезами обливала...

Все знали друг друга, зарплата в театре у всех была маленькая, а дело свое любили и обожали.

Да и в театр-то ведь как, говорят, принимали: «Так, что Вы, деточка, можете?». - «Я могу петь Царицу». - «Нет, у нас уже есть Марина, всего хорошего». - «А я еще могу петь Пипиту». - «Ой, как интересно, у нас нет Пипиты, мы Вас берём!»...

«Я всегда беру много учениц, а у Неждановой всегда было только две, она себя не утруждала», - заметила мне как-то в разговоре известная Дорлиак, на что потом один её коллега тоже заметил: «А ты бы сказал ей, что в отличии от нее Нежданова была честным музыкантом, и испортив двух - отказалась больше портить, а Нина Львовна - всю жизнь портит, до сих пор продолжает». (И я вспоминаю всегда с удовольствием, как Леокадия Масленникова рассказывала как-то мне, что после её дебюта в Большом Максакова пришла к ней за кулисы, похвалила, с грустью сказала, что та напомнила ей её молодость. «Так может быть, Мария Петровна, Вы согласились бы дать мне хоть несколько уроков?». - «Ах нет, деточка, я Вас только испорчу»...

Вот что невероятно!

Я и сам помню, как эта Максакова, в какой-то телевизионной передаче о ней самой, как-то раздумчиво и чуть-чуть угрожающе сказала,

что русскую песню имеет право петь только большой артист, - так трудна и сложна она...

Царственной актрисой и женщиной была Мария Петровна!

Санина же - вся прилизанная, потому что всегда была полулысая, в таких вся отлетающих на руку туалетах и в привезенном Бобровым из Америки бриллиантовом колье (усыпанные бриллиантовой мелочью шестигранные звезды, перевитые листиками и цветочками). Якобы «кто-то», но все равно стоял такой стойкий аромат жмеринской щели...

А Шмыга бежит, в очках и галошах - чтобы потом переодеться и блистательно сыграть какую-нибудь принцессу Грезу.

Вообще-то людей интересных и «вкусных», даже среди великих – мало. Ни с кем бы из них я не хотел: ни с Буниным, ни с Шалапиным, ни со Станиславским, ни с Есениным-алкоголиком..., не думаю, что уж очень они были вкусны. И ни с Маяковским тоже, и ни с Хлебниковым, хотя он и был из поэтов самый симпатичный: выпится в канаве, умоется в унитазе. В рваных кальсонах и с бубликом на конце. С Ахматовой – с той бы я ещё поговорил, для разнообразия, а с Цветаевой – нет, неинтересно (а петербургские её и вообще воспринимали как московскую хабалку)...

Но она так формулировала и констатировала мысль и слово – как ни снилось, пардон, Пушкину и Лермонтову! Она и была формовщиком, констататором слова, а Ахматова – пьяницей и блядью. Когда Цветаева влетела к ней – 20 лет не виделись, и - «она просто дама» (т.е. напрямую не говорила, что пьяница и блядь, а так вот – «дама»)...

У Ахматовой никаких трагедий не было, это была баба, которая всю жизнь смотрела в свою щель и писала стихи. Она была проститутка: сына убили – х. с ним, трёх мужей - тоже. Она только пила водку и думала о Берии. Она только о Берию споткнулась. Она была интересна, высшим образом речитативна – но это не Цветаева с её сполохами, сложностью, изломами. У неё и изломы-то шли от сложности, а Ахматова – примитивна, все побуждения её примитивны: попить, поспать и поваляться. Три строчки за месяц – вот её производительность.

Ахмадулина в МХАТе! Станиславский бы содрогнулся: кому дают сцену! – Гризетке! Привезли из вытрезвителя, вся какая-то парализованная, с тиком, и никакая не алкоголичка, а обычная наркоманка.

«Ахматова, Ахмадулина и Цветаева – серебряный век». Это как три композитора на «Б» (Бах, Бетховен и Лядова). Это мы всё проходили. А где тогда Барто? Почему нет Агнии Львовны? Она что, девочка? Столько хлопот! Два полных собрания сочинений в 8 томах!

Ахматова и Цветаева – у них бы силы воли не хватило взобраться на стол и нассать в осетрину, как Ахмадулина. В заливное нассала! Не надо

её вписывать в «серебряный век», её место около Казаковой и той, как её, с неприличной фамилией – Щекатихиной...

И кто сейчас выдаёт справку, какое ФСБ – что Ольга Чехова работала на НКВД и была женой Абакумова ещё до Окуневской?!? Это всё равно что утверждать – что Книппер всю войну работала на Канариса и была любовницей Паулюса и Роммеля! Кто теперь это опровергнет, если Мария Павловна Чехова всю войну получала из Германии продуктовые посылки: антрекоты, балыки, сёмгу, фисташки, трюфеля, анчоусы..., а Гитлер был покровитель чеховской дачи в Ялте! Каково теперь слышать про антрекоты ленинградцам-блокадникам?! «В 55 году Книппер получила телеграмму от Ольги Чеховой: Миша умер». За эту телеграмму Книппер-Чехову таскали, Пилявская 4 дня носила ей передачи на Лубянку, из тех же посылок, всего за одну телеграмму, - как всё было схвачено у Лаврика, и прослушивалось! А теперь Вульф плетёт об Ольге Чеховой – какая муть, сколько мути! «Она не была талантливой актрисой». А что, это ему судить? Он что - тарификационная комиссия? А вот Гитлер считал, что – талантливая! А кто для нас авторитетнее, кому мир обязан хлопотами (концлагерей – это всё очень хлопотно!)?? Гитлер или Вульф? «140 любовников-нацистов», а ни одного не показал, только Гитлера одного. Это что передача о Гитлере? Надо с Вульфом заняться, разобраться...

«Меня чуть ни убили за передачу о Дорониной!». – Правильно сделали: нечего подсовывать нам Мандельштама и Пастернака, которые оба – тень в тени от тени одного Клюева! Подпихнул Дорониной Пастернака и Мандельштама – чтобы сказать, что она... Вот тебя и отдубасили! Пиши лучше о Раневской и Быстрицкой...

Это эстрада - та у нас всегда была никакая, а вот у американцев - непревзойденная: по сцене, смотрю, движется даже не «он», не «она», а какое-то «оно» - да такое, что по сравнению с ним даже наш Леонтьев кажется быком-производителем!

Пиаф - была симпатичная блядюшка.

А Райкин в жизни всегда изображал из себя усталого Качалова.

Непростой, недобрый. (А я люблю - все-таки богему).

А тут - Одесса-мама, которая работала на Советский Союз своими хохмочками. На Райкине интеллект утончился и стал лучше всех московских конференсье (будто бы прямо-таки казино, а все-таки в основе - Одесса-мама).

Культура хохмочек не может быть великой культурой.

А они своими хохмочками, письками, похотью - решили подменить русскую культуру, глубинную русскую интеллигенцию, которая мыслит от Христа до присподней.

И декабристки срывали с себя брильянты и соболей, швыряли их и уезжали за мужьями в Сибирь - не для того же, чтобы эти брильянты подобрали разные Шмыги и Санины и увешали ими себя как ёлочными украшениями! (При Сталине не вытаскивали, было нельзя, а теперь все можно).

Кто такая Санина!? Лебедева была суперзвездой, а эта...

Санина Боброва клюшкой била, он их оставлял на стадионе.

Нет, правильно та моя приятельница утверждает: что баб надо еще до рождения уничтожать - чтобы они не портили систему ценностей в государстве!

(Чем их больше навязывают - тем их больше не хочется).

Да и вообще, х. и п. - это ничто, а интеллект - это все!

Его ничем нельзя подменить, одним только балетным удаётся загримировать его – техникой.

Уланова – лирично-драматично-техническая. И очень средняя. Семёнова – выше Улановой по технике, но глупее. А Дудинская была феноменом в этой строчке совершенно первосортных балерин, и её техника была поставлена выше всякой надобности для больших первосортных балерин – таких как Уланова, Семёнова, Лепешинская, Вечеслова!! Она была больше их – в своём умении, в своём технарстве, в своём техническом умении! (Кстати сказать – Лепешинская была ближе всех из перечисленных к ней, особенно в «половецких плясках» в «Князе Игоре!»). Но увидеть Дудинскую в Китри – которая по кругу могла сделать 8-12 шпагатов – это выше представления о возможности балерины, и даже для нужности их в этом месте!! Дудинская в техническом отношении возможностей для балерины – была выше всех и непревзойдена была никем, в расцвете своего творчества! Знаменитая драматичность и талантливость Улановой; великолепная техническая школа русского балета Семёновой; порывистость и страстность Лепешинской.., - всё составляло в каждой из них неповторимость. И если отдельно вырвать анализом каким-то непревзойдённость качеств каждой из них – то в общем-то все они составляют непревзойдённую гамму чисто личных неповторимых достоинств, почти равных, кто-то больше, кто-то меньше, но всё равно равных – потому что непревзойдены в разном! Но я хочу выделить Дудинскую именно – потому что эта НЕПРЕВЗОЙДЁННОСТЬ В НЕПРЕВЗОЙДЁННОМ невероятных физических, технических, почти гимнастических шедевров – балетных приёмов, пусть проигрывающих гениальной балетной лиричности Улановой, бесноватой театрализованности Лепешинской, рациональной технической пластичности (с так называемой «русской душой») Семёновой...

Конечно Уланова – это мир значимости, учительница, носительница, учительница этого носительства! А Лепешинская – с выпученными глазами, была немного партийным теоретиком, много говорила, теоретизировала, хоть и прожила с тараканами, но только всегда около плиты коммунальной. С выпученными глазами, глупая (надо – она Одетту и в ледяной воде будет танцевать! Запрыгнет в бассейн и Одетту танцевать будет. Лебедь. В ледяной воде).

А Плисецкая здесь не упоминается – почему?? (При всём равенстве величин). А потому, что это было ПОТОМ, совсем потом, и после того, когда стала уничтожаться русская школа балета – как перечёркиваются шедевры Третьяковки шедеврами абстракционистов из союза графиков! Модернизм Плисецкой и абстракционизм графиков – это именно началось потом, когда надо было добить великое русское искусство. Что одно и то же. Они это и начали – и своими «Аннами Карениными» на пуантах, и своими квадратами на белом фоне., - а это всё равно, что написать презерватив, сброшенный с х. и красиво смятый.

И что же надо сделать, чтобы возродить всё великолепие, мудрость, величие и скромность русской культуры?! Ведь ни для кого не секрет, что то, что сейчас подменило её – отличается какой-то особенной пошлинкой, повышенной сексуальностью, сальностью плохих анекдотиков теперешних культурных людей. Никогда русский человек не мог быть таким. Это, бесспорно, большой привнос в русскую культуру чьей-то чужой незрелой (да, наверное, никогда и не существовавшей) культуры, никак не приближающейся к эталону русской культуры.

Поэтому, после всех доронинских спектаклей – хочется говорить именно о Дорониной.

Где-то шумит, блистает на недосыгаемом звёздном небосклоне Элизабет Тейлор – очень нужная там всем. У нас на-днях была усыпана вниманием, правительственными и другими наградами – якобы гениальная Гурченко. Подавай ей Бог ещё больше! Но речь не о них. Всё это чужое, отчётливо чужое. Надуманное и чужое. Почему Доронину не назовёшь надуманной? А потому что она из самой глубины русскости русской культуры! И ей хочется жить и работать в этом направлении. Потому мы и говорим о ней – потому что и нам хочется, чтобы крепла, возвращалась и процветала одна из самых интересных культур мира – русская культура! Перечислять не стоит ни имён, ни направлений, и Доронина – не всё имя для

этой культуры. Но это наш вклад от отчаяния, от жажды, чтобы так было с нашей культурой! Нам её очень не хватает. Мы не та интеллигенция, которая сидит в Академиях и на презентациях обсуждает номинации. Нас

никто и не спрашивает – нравятся ли нам номинанты. Но мы точно видим и знаем, как им многого не хватает по нашим, более высоким меркам. А самое главное – этот вопрос подымается нами ещё и потому, что совершенно ясно отчётливо, как именно вот эта светлость русской культуры особенно кем-то отрицается и затемняется, а может быть просто уже и не видится в конечном счёте – какой она должна быть? Но мы точно знаем, что она не может быть сальной, анекдотичной, похабно-сексуальной, по-одесски смешливо неинтересной...

Плисецкая – она как только вытянется – и конец, тут же забудут и скажут: «Была такая, манду драла до 0 лет» Народ таких не любит.

А вот Чабукиани - гениальный артист, и если все они - и Сергеев, и Фадеечев, и Лапаури - переносчики балерин, то Чабукиани был с инициативой: перебить Плисецкую в прыгучести. Он и перебивал, танцевал лучше всех. Очень любил танцевать. И никогда не был глупым, хотя у них всех у балетных - всё ушло в спину и в ноги. (Уланова, - какой светоч ума! Чувашка. Но вот мир признал её балериной №1 - и все!).

А лет ведь уже сорок все варится это рагу под названием «Галина Уланова», и вся-то она Звездами увешана как знатная доярка, и какая-то мерзкая в жизни.., а вот все равно она в душе публички зовется Галиной Сергеевной, и все равно никогда уже после нее не будет ничего даже подобного этому слиянию с музыкой, этому святому восторгу: как она в Параше бежит на свидание - и газовая косынка ниспадает, струится на плечи!.. (А потом выскочила в этой роли вислозадая Райка - в чёрной шляпке. Тьфу!).

И ничего уже не случилось - этого святого преклонения миллионов!

Нет, эти две Звезды - они у Улановой недаром, она их заслужила, никогда уже ни у кого столько не будет и никогда уже так никого не наградят!

Или Козловский.., - я только не пойму: чего это он распелся так до сих пор, все «спуваает» до 90 лет, - ведь он знал такие вершины! Впрочем, слушал недавно, в Большом, на его грандиозном празднике юбилейном - всё это до слёз! Он куда как выше Лемешева! У того был все-таки какой-то «козёл» в голосе, а Козловский - это чудо-артист, чудо искусства! Как взвился голос, как при этом пошла рука.., - все это неподражаемо, неповторимо, несравнимо, непередаваемо, горько, грустно и трагично!

Часто думаю, что - каким странным человеком был Сафронов: очень талантливый и очень добрый, но - то запустит «Стряпуху» в тринадцати вариантах (остряки изощрались: «Стряпуха в сифилисе», «Стряпуха на аборте»), а то - создаст такое, что дай-то Бог всякому Шекспиру (это «Карьеру Бекетова», конечно же, - вещь, которую десятилетиями никто не решался поставить, потому что труссы и бездари!

Впрочем, один московский театр как-то решился - и низвёл, как он все низводит). Ну еще бы ни странный был этот Анатолий Владимирович: к недавнему столетию лучшего в мире поэта - неожиданно закатил в своем тогда «Огоньке» такую роскошную, смелую и пронзительную публикацию, на которую только бы сейчас решились теперешние! Но через месяц - позволил такую же роскошную, но уже не смелую и не пронзительную публикацию - к столетию другого поэта, вся притягательность которого только в том, что его грохнули во цвете лет и вся поэзия которого была только для гимназистов, желавших бежать в Америку. Он и сам туда ездил (Голицыны не ездили!), от Ахматовой сбежал, в тигров стрелять, весь такой Хемингуя...

А Ахматова - она тихо, тайно всегда была в хорошем настроении. (То ли я сдала, то ли сами взяли, но всех шесть мужей посадили. Я так привыкла, что всех моих мужей сажали, а Колю Гумилева сразу расстреляли, потому что он с Одоевцевой связался. Я не тянула: два года - и все, и только с Пуниным я пережила на лишние 10 лет). Тоже прелая, толстая. Около «Националя» не бегала, но по отделу проходила! Из блокадного Ленинграда, когда и детей уже не вывозили на Большую Землю - её Жданов и Сталин вывезли на вертолёт в Ташкент, - под тёплую п. Раневской, под её большую мокрую ватрушку, недоваренную, как всегда (там у Раневской можно было боты хранить. И зонтик). Ни за кем вертолёт не присылали. В Елабуге на улице Жданова (!) убили Цветаеву - и сразу вывезли из Ленинграда одну Ахматову, тут же. Две были не нужны. Это Ахматова убила Цветаеву. Грязная баба. А потом приехал Мур цветаевский - и тоже тут же умер. Они с Раневской его живо выперли - он им был не нужен. Не верю я этой Ахматовой. Люди пострадавшие - умеют всё, а она не могла чайник поставить. Раньше прислуга ставила, а потом прислуги не стало, так и сидела целый день не евши. Всем выдавали по 80 гр. хлеба, а ей - 20 плиток шоколада, вот она и сидела целый день в грязном халате на диване, доставала из кармана около п. плитку и ела. Очень бедствовала! Подтереться не могла: как начнёт вытирать - так развезет до шестого позвонка.

А поэзия её - все какие-то рецепты от любви: только и рассказывала - почему её любят да почему не любят, - кому это интересно?! «Я бежала, перил не касаясь...», - и упала в лебеду, а в лебеде обнаружила пьяного солдата Кузьму - и тут же забыла про Гумилева: пьяный-то солдат оказался интереснее. Коли Гумилева! «И сказал мне: не стой на ветру», - в п. надует.

Если искусство настоящее, на подъеме - это всегда труд, а она всю жизнь была тихой тунейдкой - потому и окружила себя Нейманом, Бродским, тоже тунейдцами.

Что значит «была с народом»? Она сама была народ - и одна из первых получала толстой палкой по жопе. «Величаявая». Так легко быть величайшей, хотя и морковкой держать хвост ни к чему: всегда хорошо пойти к людям, смешаться с толпой, а она сразу решила, что толпа - это не для неё. Величаявая, но металась с Полянки - на Ордынку - на Казанский вокзал - чтобы не скучать. Я не люблю, как она подняла хвост на Чехова, она и Чехов - как 90 к 20: Чехов пронзительный, труженик, гениальный, а она придумала свою гениальность, ей так хотелось, распускала слухи.

Нобелевскую премию ей добивался Исая Берлин, самой ей она не была нужна, как и Пастернаку. Да и сама Нобелевская премия - это их статус, они её кому хотят тому и дают, а она - больше хотела быть тайной в этом клезете.

Они совершенно чуждые стране и из одного пенала с Нисс-Гольдман. Ахматова сама считала себя красавицей - после портрета Альтмана, а Нисс была уродиной всю жизнь, но - та же псевдолюбовь к людям и то же занятие любимым, никому ничего не дающим творчеством. Их напрасно Жданов и Берия придумали шпионами: они изначально, от рождения, как только родились, через месяц - шпионы. «На нас клеветают», - да о них и правды-то не скажешь!

«Меня Абакумов объявил шпионкой», - всё не может забыть Плисецкая. А в 51 году всех, милочка, объявляли шпионками, не только тебя одну. Вот и всё.

А теперь еще и Фатеева публично признается, что устала от встреч с публикой. Ну, иди на пенсию! «Устала». Почему-то вон Бугримова - та не уставала (и не уходила, пока всех её тигров ни перетравили, а уж она совала им в пасть и голову, и ногу, и п.!). И Зыкина пела до тех пор, пока у нее п. ни лопнула! Нежданова с Головановым на фронты в грузовиках ездили, с разбитым роялем. Шульженко на Ленинградском фронте, когда там в неё бомбой стреляли - дала (со страху!) 500 концертов, - и ничего! Вообще, на фронт ездили только Шульженко, Нежданова, Русланова, Обухова... - все дуры, а эфиопка Барсова ни разу на фронт не поехала. Фатеева, конечно, красивая баба (она была красивее даже этой до ста лет цветущей Ротару). Все эти Орловы и Ладынины, с букольками - были уже не то, а Фатеева, с блестящими глазами, молоденькая, красоточка., только очень уж бездарная, её надо прямо было кнутом лупить, чтобы она могла что-то там изобразить! (Не помню уже в каком фильме – Переверзев играл Жигана, а Фатеева – Маньку-Вырви Глаз. Хорошо играла).

Но всё равно - не хотят для России работать.

А вот доронинская героиня где-то говорит, что если её выгонят из театра - она попросится туда билетёром, осветителем, уборщицей., - то есть лишь бы быть полезной театру.

Наполеон, сосланный на остров - тут же занялся строительством и ремонтом дорог, - во всем сказывался его деятельный характер. А у нас главный претендент в российские президенты наивно признавался, что в случае избрания - сразу уйдет в отставку. Ну, конечно, - чтобы только не работать для страны! Лучше будет сидеть дома и в носу своим перебитом ковырять.

И, например, Мэри Пикфорд до глубокой, говорят, старости горевала, что в своё время не перешла на характерные роли, т.е. что не испытала еще больших радостей в своем любимом деле. И вот я думаю, что когда через полвека Доронина станет старушкой и перед нею развернутся новые пропасти театра - то она, в обладании-то великого мастерства, «актерского гноя» и бездонных чар своей души - будет и захочет продолжать доставлять все новые и новые радости публике - этому своему лучшему другу преданному...

Я не представляю себе Доронину в праздности.

Это все равно что Лилу Брик - с серпом, Старовойтову - с прялкой, или Собчака - с закрытым ртом, 5 минут. (А умный Бушин должен тратить свое золотое перо на это говно из Коканда, мящее себя петербуржцем).

Неотразимость – как нравственный масштаб, а Бушин – он, м.б., и отразимый, но очень тонкий и очень нравственный, а Доронина – это такая перевоплощенка! Она велика и единственная в этом.

Даже примитивная и гнусная Лучко Клара, которая одно время устроила себе синектуру на телевидении (сидела такой кикелкой в шляпе) – выла и стонала от восторга и благоговения: «О, Доронина! Она невероятна и недосыгаема», представляя её в «Трёх тополях».

Роль Дорониной в «Трёх тополях» - бесспорно её Оскарская премия в ролях первого плана

В недавней газете смотрю: стоит под ручку с Розовым, в антракте своей последней премьеры, шуруется в голливудском оскале, вокруг снимка огромная превосходная статья Кожемяко об этой её премьере, Доронина вся в драгоценных мехах, ленивая, дурашливая, ослепительная, парадная. Ну кто, глядя на такую, догадается, что она в девках-чернавах у своего народа, что она дённо и ношно пашет на этот свой народ, чтоб он не ослабел, не растерялся, не сгинул, наконец.

Мне рассказывали знавшие гениев - что все они были люди общественные.

А я знал людей, которые знали Толстого, Клюева, Платонова, Льва Бруни, Шаляпина, Станиславского...

И я знаю Доронину - которая тоже не киснет и не парится «в собственной прелести», а смело выходит к людям, её тянет к ним.

А Хитяева - вся в норковой шубке, стреляет глазками. Разве бы голливудская актриса в «норке» стала бы себя так вести!?

«Маэстро исполнилось пятьдесят» - одно время заливались о Раймонде Паулсе. Да ни Шопена, ни Моцарта «маэстро» не называли! А тут сидит нечто хомякообразное и играет еще хуже Цфасмана, но - «маэстро»...

Папанов до конца жизни своей помнил бредущего в толпе и никем не замечаемого Качалова. А я - сам видел прославленного пианиста Павла Серебрякова, тоже скромно идущего в трехрублевом берете.

Чем больше художник - тем сильнее его стремление стусеваться.

Мудрая как змея и чистая как голубь, Обухова - так всю жизнь и проудивлялась, когда с нею здоровались на улицах совершенно незнакомые люди: «И откуда они меня знают??».

Моцарт восхищался уличным «скрыпачом», Русланова просила Лазаренку: «Кала, спой!», Пушкин сам предсказал свою и всех поэтов ненужность ПОСЛЕ Клюева (т.е., собственно, Пушкин хотел этим сказать, что если поэт не народен - то и говорить тогда не о чем). Гений всегда ведь щедр.

Обрыдаться можно!

(Клюев - нутром он был создан для фраков и смокингов, а ходил так, в зипуне).

Короткая приятельница Райкина, Бабанова не позволяла себе позвонить ему, чтобы попросить билет на его гастрольное представление, и терпеливо стояла сама в длиннющих очередях (или просила постоять свою компаньонку).

А Евтушенко - везде палец выставляет в перстне с бриллиантом размером в двухкопеечную копейку. Поэт с бриллиантом!

И Лепешинская тоже - рассказывает по Москве с огромным бриллиантом на пальце (в 18 раз крупнее, чем её мозги куриные). Иногда по телевидению ведёт передачи о балете - сидит такой прямо «барыней на вате»: «А сейчас нам Наточка Максимова и Володечка Васильев станцуют адажио из балета Петра Ильича Чайковского (мгновенный взгляд в шпаргалку и - обрадовано) «Лебединое озеро»!!!».

У Улановой – такая чёткость, честность, плавность, таких комплиментарных размеров.., а Лепешинская и Семёнова – выпучив глаза и выставив кулаки – бегали по сцене.

Недавно вижу: идут Этуш с Симоновым, Евгением, рассуждают, я тут же пристроился подслушать: о чем они? - Нет, не об искусстве говорят, не о театре, а о золоте, о бриллиантах...

У меня никогда не было никакого золота, кроме моего золотого сердца.

Есть чтобы жить, а не жить чтобы есть.

Доронина перелопатила всю русскую и мировую литературу, теперь читает уже просто из наслаждения, а Гурченко никогда ни одной книжки не прочитала. (Она - как в том анекдоте: «Чурка не читатель, чурка писатель», так вот и Гурченко – она писательница, а не читательница).

Странно только, что Доронина носится с Булгаковым и гордится знакомством с его вдовой. «Она что: дура или политиканша?», - спросил я как-то Коврова – и он, тоже нежно обожающий Доронину, тут же твёрдо ответил: «Политиканша».

Две сестрицы-певицы - Карина и Рузана - все такие в пух и прах разодетые, шикарные (в армянском понимании...), запариженные, набриллианченные, - не Ньюшки, - но все это, и все о чем поют, и как поют - это такая сука!!

Какой-то тип глазированный, эстонско-дегенеративный, с прибалтийско-углово-хвостатой окраины и с провинциальными ужимками, Отт Урмас, - теледопрашивает Плисецкую (и странно, что НЕ такими вопросами, и странно что она НЕ так на них отвечает): «А Вам бывает очень стыдно, когда Вы пукнете?». - «Нет, если потихоньку выпущу - то нет, а если на весь зал - то, конечно, очень стыдно».

Сидит, собака, около яшмового камина, за который там надо 60 лет работать, а тут она его задаром получила!

Но перещёлкнешь выключателем - а там Нина Берберова, со своим «контекстом» и с огромными зубами (я не знаю: то ли ей перепутали, то ли она доплатила, но ей вставили вместо 32 зубов - 64).

Ещё перещёлкнешь - и тут же какой-нибудь гений-экономист-профессор, по кличке «грек». (Профиль особенно греческий). Генный обломок. Если мужик меньше 165 см - это вечная гипертрофия ущемленности: на высоких мужиков с 7 класса бабы заглядываются, а эти карапеты утверждаются партийностью, подлостью, предательством, доносами, стукачеством.

А Чуковский еще пишет, что «Блоку не нравилось» чего-то там. Вот потому и умер с голоду, на селёдочных супах, - потому что продукты распределял все-таки Горький...

(Чуковский - он был, конечно, пробольшевицкий, иначе большевики его быстренько бы причукали!).

Или все тот же теледопросчик (который систематически пристаёт со своими ублюдочными вопросами - то к Плисецкой, то к Михалкову, то к Боровику): он и в «тройке», и с бабочкой, а носки грязные, наверное; а из носа и уха торчит козюлька, козявка... Культура, «Зяпад».

Раньше они все там пили кофе и - один пален оттопыривали, а теперь, после независимости, будут оттопыривать ТРИ пальца!

«Мы почти Европа».

«На нас стали обращать внимание». Да с вас глаз нельзя спускать!
(И курка).

Они беспокоят Советский Союз, не дают жизни советским людям.
Хозяин не стареет, только мебель стареет.

А русские не умеют завидовать. Не умеют завидовать - и все!

...Весь мир вот - до сих пор в догадках: почему «Божественная Грета» в 36 лет ушла тогда с экрана? Якобы, был «крупный неуспех». А все, на самом-то деле, было высоконравственно, просто и щемительно: она сказала, что - «Я не хочу, чтобы моя любимая публика видела меня постаревшей».

«Моя любимая публика».

Это с одной стороны.

А с другой: знаменитая Марина Семенова - та только по своей не менее знаменитой лени не ответила мне на приветливую статейку мою о ней самой. Она жуткая лентяйка. Потому только и не стала первой балериной мира, «Божественной Мариной».

НЕ ХОТЕЛОСЬ.

(Ей всегда хотелось только редьки тертой, с маслом, или пирогов с капустой. Представляю себе - как она танцевала Одиллию и дожёвывала картошку, непрожаренную, из-за щек, вся такая спокойная-спокойная...).

И вообще, она была гениальна только в Ленинграде, до Москвы, а тут начались балы, приемы, рауты, светская жизнь, - не до искусства стало.

Семёнову сделали «органы». Она им ещё тогда сказала сразу: «Уланова – чувашка, Плисецкая – якутка, а я – чистокровная русская, и никто другая, так что давайте...». – Они и сделали.

Мансуровой (чокнутая, вся в шарфах, под Айседору Дункан, которую рикша задушил) - той всю жизнь хотелось быть похожей на Алису Коонен. Как и Максаковой хочется быть похожей только на Доронино. (А ей до Дорониной - как Гроссману до Толстого!). Я сам видел, и не на премьере, но в битком набитом зале, на аншлажном спектакле в Ермоловском театре, где Доронина шикарно играла и на который валом валила «вся Москва» - как Максакова скромненько сидела на откидном месте, счастливая что удалось проникнуть и что хоть так сможет увидеть эту игру Дорониной. Но у Максаковой не о том, не о театре мысли: салоны, видеотеки..., - не в мать, та была изумительная артистка, изумительная! (Да и суметь с Давыдовой удержаться при Барсовой, которая их всех жопой распахивала!).

Мансурова вечно вся почесывалась, как будто вши по ней бегали. У гроба Румнева её забыть невозможно: шарф то на ухо накинёт, то под сиську заткнет: «Александр Николаевич, он еще вчера целовал мне в Коктебеле руку. А может быть ногу. Это было так учтиво. Боже, он теперь

в гробу!»). Тут в большой книжке о Мансуровой - довоенный снимок: она, Боголюбов и Марецкая, - так Мансурова к ней жопой: она главнее, больше. Марецкая в это время еще переходила из рук в руки, её сделало кино, а не театр, а Мансурова уже с 20-х годов была большой, настоящей актрисой, по тем временам, а Марецкая пока еще картошку сажала в своей Барвихе. Это потом Марецкая будет великой, а Мансурова останется игровой, цирковой, комедийной. Конечно, ни на какую Алису Мансурова ничуть совсем не хотела быть похожей (мало ли я что по глупости придумаю!), Алиса никогда не спускалась до комедии, она голосом должна была рыдать, с надрывом трагическим, а Мансурова - мимично-драматично-комичная артистка была. Визгливая, смешная, нелепая. (Марецкая - тоже, на том фото: на голове тюрбан из лисьих хвостов, только одна она могла такое наvertеть, и с осоловелым выражением лица из «Свадьбы» - «я не твоя и ты не мой!»). Мансурова с молодости долго была хорошей артисткой, это я помню её уже старухой с палкообразными ногами и по красоте едва-едва отличающейся от Бирман, а в хорошую её пору - при ней долго эта Борисова с хулиганским голосом плакала в театре по туалетам и вытирала слёзы трусами. Она не могла перенести появления Борисовой. Ей не угрожали никакие Целиковские, сёстры-уродки Пашковы, - не мешали, а с появлением Борисовой... Красивая, хабалистая - она была лучшей Турандот, чем Мансурова: Турандот должна быть немного злодейкой сказочной, посылать всех на смерть (и Калафа хотела, но тут кое-что засопротивлялось), а Мансурова - она привыкла быть беспрекословной премьершей, но с появлением Борисовой у нее выпала печень через то же самое. Борисова была такой сногшибательной красоты, такой соразмерности! А в Циле было много истеричности, задорности, и всё это было так специфически-национально, забавно, но национально, а Борисова была игровая, технарка, и очень была большой актрисой!

Но, конечно, никто из них не подымал публику, и сам не поднимался до страдания. А сейчас и вообще это может только замечательная киноактриса Людмила Зайцева - только она одна умеет так же томительно страдать как Доронина!

А посмотреть на «страдающего» Янковского: губы стали как у ящерицы мелкие, и рот на замке как сумка. Наряжается как провинциальный Евгений Онегин. И везде - никто.

Как не может быть нигде тот же Смоктуновский, а уж какой там был тру-ля-ля - и все неинтересно! Какого Иванова загубил! И в «Дяде Ване» он - тоже ни о чем. Даже внешность его противоречит русской классике, уже не говоря об его ужимках и прыжках.

Вот Страйзенд - лягушка как лягушка, талантливая, но... (даже с парашюта, с пяти тысяч метров, её можно будет разглядеть: вон, скажут, летит японка, - она как-то ноги по особенному раскорячит).

Чехов предупреждал Станиславского и Немировича, что если они таким будут делать Иванову - то он запретит им прикасаться вообще. «Какой же он?!», - спрашивали те в отчаянии. - «Не знаю какой, - отвечал Чехов. - Не знаю. Русский он».

Когда Доронина в «Вишневом саде» говорит о гибели сына Гриши - в её Раневской вдруг прорывается русская барыня... Дорониной и нужно по всему спектаклю играть только русскую барыню гордую, сильную, широкую щедроталантливую (то есть то, о чём лишь и писал Чехов). Только это играть - и все. Именно надо играть сердечноталантливость Раневской.

Подумаешь режиссура там какого-то нынешнего Данченко! («Дверь направо, окно налево»). Дорониной надо самой добраться до русскости Раневской - и неудачный спектакль пойдет «на бис с криком!» Такой Раневской не может быть ни в ефремовском МХАТе (где исполнительница как хомяк разговаривает), ни тем более в Малом, где вообще вместо старух замоскворецких давно устроили такой бердичевский питомник!..

Чехов ведь, как и Толстой, он был безжалостный, т.е. Дорониной всё надо самой подтянуть в спектакле к высшему смыслу безжалостному чеховскому, что-то вроде того что: ну что ж, будем в Париже побираться, даже подохнем с голоду, но сердце свое, но душу свою - на дачные участки не делим. Не делим-с. (И публика будет Доронину на руках до метро нести!). Она ведь русскую барыню играет. Я не знаю известную Зинаиду Шаховскую, да и не хочу её знать (по разным причинам), но вот она вспоминает и свидетельствует, что её приятельница княгиня Вики Оболенская (национальная героиня Франции, погибшая в Сопротивлении, немцы отрубили ей голову) - очень гордилась тем, что она русская. Очень гордилась и всячески всегда подчеркивала.

Шульженко была жуткой хохлей, «ведьмачкой», а Русланова - та и просто мордовкой, но они и на дыбе не отреклись бы от своей русскости!

(Вот потому стадионы и вставали при одном уже их только появлении).

Есть ни на один язык не переводимые - особенные русские слова невероятные: «восхищение», «восхищаюсь», «очарование», «ненаглядный»... Какой-либо Платонов возьмёт да и брякнет: «Я восхищаюсь!» - и все Хемингуэи сразу становятся ненужными. Поэт как сказанёт: «Очей очарованье», а это становится для тебя дороже самой жизни собственной...

ЗАЩИТИ, ПОКА ЖИВЁШЬ, ВСЁ РУССКОЕ – ЛОГИКОЙ,
МЫСЛЬЮ, СТРАДАНИЕМ!

И если невероятному Константину Дмитриевичу небесному Бальмонту даже и в «крыле перелетевшем птицы» всё вержилась его Россия - так нам и сам Бог белел узнать её вокруг себя!

Бунин заметил Твардовского, но не заметил Платонова (потому что жил вне России). Все они - Шаляпин, Бунин, Рахманинов, Бальмонт, Куприн, Цветаева - несчастные люди. Господь, конечно, примет их - за всё их мученичество, но жизнь прошла и никогда уже не повторится...

Вот и слушаешь Шаляпина (а слушать его должны с утра и все оперные певцы мира!) - и слеза заливает глаз, а все оттого, что Шаляпин ставит себе супер-мульт-экстра-«сверхзадачу»: во всех этих «мне снится соперник счастливый», «и больно и страстно сольются с устами уста», и особенно во «всё унесла ты с собой» - он поёт только о своей ненаглядной России. Вот и захлёбывается публика слезами - равно как обливался Толстой ими на сценку и древней легенде о короле Лире («испорченной Шекспиром»): когда Корделия говорит самому же Лиру, что её отец много принёс ей горя, но если б только завидела она его - то она бы на коленях поползла к нему и просила б прощения за то что он обидел ее...

Святой старик простодушный - счастливый вскрикивал: «Ну что может быть прелестнее этой сцены!».

Этот самый нужный людям человек - захлебнулся жизнью на безвестном полустанке (или, как сказал бы Клюев - «закатился в туман вечеровой», - поэт тоже знал заранее, что погибнет неизвестно где).

Такое возможно только в России.

Искореженная болезнью Андровская, стоя в кулисе на выходе, сказала молодой партнерше: «Ирочка, я счастлива что сейчас выхожу». (А на другой день Ольга Николаевна умерла).

Попросил как-то одного приятеля, совершенно незнакомого с Бабановой, позвонить ей при мне, ну просто так. Он позвонил, спросил: «Как жизнь?». - «Так себе», - ответила она.

Это тоже только в России.

Погляди окрест на свою Родину повнимательнее - и сердце оборвется: ведь все это только и есть Бальмонт!

Так что же это тогда за страна такая, где если Станиславского больше всего на свете волновала связь между буквами О и Е в строке «Как молодой повеса ждет свиданья с какой-нибудь развратницей лукавой», и где первый поэт в разорённой этой стране беззаветно верил, что «будут, будут стократы на Дону вишневые хаты», и нежно эту свою страну оберегал: «Только б месяц, рядясь в дымы, на реке бродил по налимы, да черемуху в белой шали вечера как девку ласкали!»...

«Месяц», «рядяся», «в дымы», «бродил», «черемуху», «в белой шали», «вечера», «как девку ласкали».., - да кто еще так в целом мире сказал!?!

Это русские слова из русского сердца.

Но любой росток из сердца России будет растоптан.

Чтобы мы не только не угрожали бомбами Европе и Америке, а чтобы отстали от мира навсегда.

Но пусть знают, что если мы ослабнем - то напоследок кинем им то, что у нас хорошо работает!

Пусть не забывают!

Вот ведь и Плисецкая помнит и всё плачет, что она поднимала ногу до уха, а её не сразу приняли, сказали что не хватает одного сантиметра (как они смели!). А сколько поджопников наполучали Русланова или четырежды Герой, спаситель России - никто об этом сейчас не вспоминает!! А кто вспоминает мать Матросова, кто знает как она жила все это время и на что, на какие шиши?!

«Эта страна», «в этой стране», «пахала на неё 48 лет», «мне Карден сшил 30 платьев»... Да закались ты с ними (грубо говоря по-французски, по-русски это звучит изящнее), возьми их с собою в могилу!!

...Блок - тот был почему-то совсем не против, чтобы его труп замерзший нищая старуха клюкою шевельнула. А за гробом Цветаевой как раз и шла только старуха-соседка, с зонтиком.

Так умирают в России её предгении. Гении умирают по-другому.

Дороница тоже умрет на ходу, на лету, не попросившись.

Впрочем, она не Сахаров, не Черненко и не Яковлев - она будет жить до 180 лет, а в конце жизни, скажет, поеду на Тибет и там еще продлюсь...

А могилы Ключева совсем нет на свете белом, могила Платонова такой скромности, что скромнее только у Толстого! Это только на Красной площади развели труположство. Да весь этот ваш скотомогильник кремлевский не стоит одной могилы любого императора русского, страдальца за народ!

У Ивана Грозного жену убили, глаза сыну выкололи - а он всё рубил и рубил им, этим, головы. Петр единственного сына казнил, Кастро любимого друга не пожалел - потому что они государственные политики, а Бакатин как опереточный министр - он существует только для дуэта с Людмилой Гурченко, чтобы все в Одессе сказали: «О, какой красивый парр!», и чтобы Фрэди Кеннеди иззавидовался, что она не с ним, а с Бакатиным дотанцовывает большой вальс своей жизни!

Он силится показать свое отношение к культуре, но это такая...

Назарбаев - да, но все это казахское, для России чуждое.

Сталин был зверюга, а какие Декады устраивались (литовские, грузинские, молдавские, хохляцкие, татарские!), он и сам на них сидел, вместе со всеми: это он хотел, чтобы мы, его народы - его дети - жались друг к другу.

Как весело-то было, сколько счастья и радости!..

Сталин был безнравственный, а народ при нём - нравственный, поэтому и выдерживал такие испытания и не разваливался.

А теперь - народ безнравственный.

Язов - какой он стратег!?! Ему только на завалинке сидеть, в деревне (я бы ему поставил такую четырёхэтажную избу-развалюху!), с гармонью, в полурваных сапогах или валенках, полмешка гнилой картошки рядом - и наяривать...

И Травкин.., - какой-то ДПР (!?), - ему «дэ-пэ-эр» бы надо сзади вставить (а спереди «бэ-тэ-эр», - чтобы они там встретились!). Ты строитель, вот и иди, на тринадцатый этаж, клади там кирпичи. (На самый верх, с его носом завороченным, чтоб все видели!).

Какой-то Кравчук, какой-то Каримов.., - провести их по подвалам Лубянки, между крыс - сразу подпишут, там же!

И Стреляный, - я его, мать-еги, ненавижу, придурка! Как он выступает - так у меня сразу рвота и понос. Малограмотные речи. (Горбачев его умнее в 18 раз). Да и почему он Стреляный, а почему не отстреляный, до сих пор!!?

На пресловутой пресс-конференции ГКЧПистской - какой-то журналист с неприличной внешностью, по фамилии Бовин (с такой внешностью надо было быть не журналистом, а эмблемой микояновского мясокомбината) - он еще и вопросы какие-то смел задавать. Пуге бы выскочить из-за стола да хватить его сапогом по рылу, - все равно же погибать!..

...Странный комплимент делают собакам, что у них «человечьи глаза». У собак - собачьи глаза, настоящие, а у людей - рыбы.

Вот и клюнули на пятнистого «СПАСИТЕЛЯ МИРА», а ведь который с первых своих выступлений к народу явил простоту, стремление к нравственным ценностям - все, что всегда характеризовало русскую интеллектуальную культуру. Наконец-то, казалось, с трибуны власти услышали мы все то, что отличает русскую культуру ото всех просто цивилизованных государств. Да и само понятие «русская интеллигенция» - ведь это русской духовной культуры понятие только. Социализм - как не только экономическая система, а как нравственная категория.

Нигде, никогда и никем не превзойденный поэт в своей недостижимой поэме сказочной - называет социализм «цветиком-розаном», «городом-розаном», «цветиком дитячьим», рыдает о нём, зная что если этот

социализм погибнет - то «поплачет» о нем только «темень да трезор», т.е. мы с вами, а Евтушенко и Черниченко с Бурлацким плакать не будут.

Гайдар - менингитный рахит умственный, ублюдок физический и моральный, хорёк: «Мы ещё подумаем, как нам поступить с этой страной». Да разве у русского человека может быть такой генетический ход мысли, такой порядок слов?? Они ещё будут думать!! Ах ты гнида, да где же кинжал в моём глазу, да где же стрела, отравленная ядом курару-харукару – чтобы выстрелить в тебя прямо на экране!!?

Посадить Новодворскую и Гайдара рядом - в дурдом попадёшь. «Сталин убил Кирова». А тебе что?!

«Хороший коммунист – мёртвый коммунист». – Это она от Гитлера слышала, а за одно уже это её надо на 5 лет посадить и выстрелить ей прямо в глаз, чтоб знала.

Ихая беда должна быть одна («если радость на всех одна - то и беда одна»), - как при групповом изнасиловании!).

Наказывать надо адекватно, и за дело. Позвонил мне тут недавно какой-то мудила в три часа ночи: «Дурак», - говорит. – «Сам, - говорю, - дурак», - пошёл, посылал и опять лёг, не расстреливать же его...

Сталину не дали построить социализм.

А на съездах насажали одним говорящих слесарей, а говорящий слесарь - это такой же нонсенс, как беззубый волк или зубастая овца, - так и говорящий слесарь. Еще и интервью разные у них берут, спрашивают прямо на улицах, а это всё равно что козла подтащить: проблеет...

Вот если бы этого маленького, щёлкающего, с мозгами гения - Травкина - противопоставить Горбачеву!..

Но я путаюсь - сам, Солженицын - сам путается, а вот у Бушина статьи о Солженицыне - установочные, за Бушиным стоит мощная группировка умных людей: вызвали - «вот вам материалы, напишите» (откуда иначе он возьмет такие сверхархивные данные, их никто не знает!). А потом: что мусолить без конца об этом Солженицыне - этом соевшем ничтожестве, все навязывать его, - кому он нужен!?

А для меня моя страна - никогда не будет чужой чуждой и ненавистой.

Это ведь только для псевдоученого Гумилева - всё русское «есть просто трёп». (Недаром Ахматова его вытащила из п. щипцами и никогда не мыла, не подмывала!). Ваша мама и вы - две птицы райские из разных гнёзд. Вы ни внешне, ни внутренне не совпадаете. Вы не в маму и не в папу, а соответствуете внешности майора с нар, для выявления паханов, и выявляли вы их всей глубиной вашей жопы!

Вот так-то его!

Пусть с ним Невзоров целуется, а Доронина вон с кого пусть узоры снимает: Марецкая, Тарасова и Пашенная - это одного круга разных школ актрисы, равных им не было никого! Театр Маяковского со всякими там Григорьевыми, Анисимовыми, Карповыми и армянами - всё это всегда было пустое место, а эти трое - претендовали на выход в высокий мир. Они не Тер-Осипян - которая вся какая-то перекошенная, как будто укусу выпила: губы тонкие, лиловые и перекрученные восьмёркой как велосипедное колесо! Чудо морское!! Хотя и у Пашенной была самая неартистическая внешность, ей именно играть Вассу Железнову, делопроизводительниц, бригадиров, у нее и Любовь Яровая была похожа не на милую учительницу Любу Яровую, а на зав. роно. Она даже могла сыграть бы со своим характером Джульетту - и была бы самой страшенькой Джульеттой, но и самой достоверной, как и та же Барсова, при всей своей лягушечности - была самой достоверной Виолеттой, травила голосом лучше всех (именно за Виолетту она и получила от Сталина свою виллу «Светлана» в Сочи). Нежданова такого не дождалась никогда, как правительство обласкало Барсову! Антонина Васильевна - та была из культурного круга, а эта - из бердянского: пришла такая описанная девочка на тонких ножках и всё сделала... Так что Пашенная - это русская актриса №1, потом (забыл сейчас её фамилию, во МХАТе была, знаменитая, красавица, толстая как бегемот, «микробы» говорила в «Плодах просвещения») - это русская актриса №2, Тарасова, несмотря ни на что (я её не во всем принимаю, с её туповатым лицом, но такой вальяжности ни у кого не было) - №3, Марецкая чудесная - №4, №3 еще Турчанинова, - и всё!

Турчанинова была очень большой актрисой, профессурой, которая их всех учила. С чистым, благородным, немного аффектированным, голосом русским. Рядом, в Колонном, на концерте, могли выступать очень яркие артисты, но выходила Турчанинова, в простом платье хорошем, с какой-то брошкой в камнях, начинала что-то рассказывать - и была сильнее всех, запоминалась как никто. Это не Рина Зелёная, которой только бы лишь быть событием №1 (рядом могли сидеть два Нобелевских лауреата, четыре Народных артистки, но событием №1 должна была быть Рина Зелёная). Турчаниновой уступала даже Марецкая, которая тоже приезжала в Колонный играть в концертах сцену из «Красавца-мужчины» с молодым Михайловым (где он играл псевдокрасавца, а она была такой кокоткой около него), или с пошлым Пляттом (трипперного какого-то сутенёра играл в «Госпоже министерше»). Турчанинова иногда побивала даже Пашенную, которая была невероятной актрисой: всю жизнь играла Кабаних, а хотелось играть Нерона с раздвинутыми ногами. Это уж она к старости стала кувалдистой, разварной, могла играть только Хозяйку гнезда или Вассу...

В Малом - там всегда были хорошие актеры: Рыжова, Гоголева, но Турчанинова и Пашенная были их на порядок выше.

А Марецкая - она была актрисой с 2-хмесячного возраста, ей надо было бы три театра иметь: в одном поиграть в 10 утра, в другом - после обеда, а вечером, в третьем - Феду, с загибом...

От жажды и жадности играть она перезасорила себя всякими там полковницами, уже становилось скучно и неинтересно, и все равно она - величайшая актриса! Она отказывалась от всех ролей, где нужно плакать и сюсюкать (это роли для Шапошниковой), а Марецкая - это два пальца в п. - и свистнуть, и скакать на коне, в бальном платье и сапогах с подковами (кирзовые сапоги из-под бального платья, два ордена Ленина на подоле и боа вокруг головы!).

Все это не так просто.

Чукчи развились, а театр – не развивается. 1960-70-80-ые годы – резко отличаются друг от друга. 70-ые – зрители духовное находили в театре, валом валили. У Эфроса Волков играл Отелло в очках, у Любимова – в «Обмене» – Вожак с душком а ля Брежнева. Фига в кармане. Зритель ходил за подтекстом. Фига в кармане.

Малый же театр - это прежде всего театр Островского, а там почему-то по 50-70 лет не идут «Последняя жертва», «Бесприданница», «Не от мира сего», а если идут, то с неинтересным провалом - «Без вины виноватые». Все это надо было бы ставить опять и опять, только это, и только на этом совершенствоваться. Недаром же в Комеди Франсез бесконечно возвращаются к Корнелю, Расину, Шекспиру...

Но реалистическая игра, повторяю, ни на что не нужна, если она не переходит в бабановский, ермоловский план. Это, говорю, очень сложный путь. Доронина же - сама пришла к образу, к театральности, т.е. к своей воле, и выше этого нет ничего вообще в искусстве.

А неуважение к реалистическому образу сейчас... - драматический Олег Борисов хваленый, Атлантов тоже, и Образцова с её дешевой оперной манерой величия, незаменимые братья Соломины, или какая-нибудь там Алентова... - все это, увы, есть Понижение Формы - самый непростительный грех для художника (Плисецкая - та, всё-таки, форму-то не понижала, в этом её не упрекнуть, и за это простятся ей все её новаторства двух-копеечные).

Вот и похвалил ее. «Малаховская общественность одобряет».

Вахтангов открыл, что театральность - это до конца решённая задача.

Мне это очень нравится.

Но я нежно обожаю Немировича со Станиславским - за всё-за всё, куда как большее этого вахтанговского: первого - за его, моё любимое:

«если задача верная - нет предела темпераменту», а второго - и за понятие «актерского гноя», и за вечно волнуемое - «педагоги, помните: не самые красивые девушки и не самые стройные юноши будут художниками»...

Немирович был противным армянским хохлом - и он же самый мне любимый в мире театра человек, мудрец непостижимый, а Станиславский - он был еще более его противным, с трущимися ляжками с потницей, но - нет у него ни одного слова, которому бы я ни верил!

Никогда с ними не спорю, но всегда только любовно и нежно к ним припадаю.

Они еще никого не обманули.

«Товстоногов - это Станиславский сегодня». Ишь ты! Он оставался в пределах наблюдения, а Станиславский как большой мастер - наблюдательность-наблюдательностью, но всё это во имя какой-то статурности...

Товстоногов - он, конечно, серьезный был режиссер, но на Толстом («Холстомер» - «История лошади») он показал, что есть предел его серьезности.

Это отдельный разговор. Как-нибудь потом.

Как-нибудь потом расскажу и покажу, на этой «Истории лошади» (!) - как расправляются с гениями не гении.

Очень хорошо уясняется, на всех этих примерах с помахиванием хвостом - что это не приближает к гению, а обнаруживает его бесцеремонность с гениями.

И как-то, случайно, в магазинной очереди - на восторги глупой Шмыги о «Марике» Розовском с его дурацкой «Истории лошади» - я огрел её, что не верю в существование какого-то еще другого искусства, кроме конгениального той атмосфере, в которой оно родилось. Умница Шмыга всё мгновенно поняла и оценила, только хохотнула коротко, но всю её просто качнуло от восхищения!

Все эти Гоги, Марики, псевдо-Васильевы и Романы-Периколаы - они еще смеют сравнивать себя с Мейерхольдом! Да этот Мейерхольд сгорел от искренности, а они.., - и говорить не хочется.

Я-то знаю про себя, что и права не имею заниматься искусством с моими данными, но и знаю также, что С ГЕНИЕМ ВСЕГДА СВЯЗАНО ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ДРУГОМ ГЕНИИ.

Это тоже закон. Внутри его возможны перемещения, но нарушать его - не дело художника.

С этими же «новаторами» - у меня связано представление только о дырке от бублика.

(Чего уж там!..).

Все, что они знают - моя кошка это хорошо знает.

Пашенная обожала романс «Вы меня любили, вы меня забыли», а Книппер-Чехова - «Глядя на луч пурпурного заката», а Барсова - «Я встретил вас» (причем, любила только этот романс - и до слёз). Все они духовно толковали мир видимый - вот потому и...

Что такое «духовно толковать», да еще тем более «мир видимый»? А это как раз когда и Дорониная - в этой, например, дурацкой «Зойкиной квартире», на вопрос своего хахалы об её прислуге: «Кто такая Манюшка?» - со всей силой своего обвального прострельного темперамента лавинного - бессознательно-легко и просторно отвечает: «Манюшка - друг!».

Тот волшебный старик неугомонный - так и полагал безжалостно, что «сознательность - самый страшный враг искусства». Станиславский именно на этот открытый Толстым закон всю жизнь и опирался, а для Дорониной - для нее самой это ЗАГАДКА И ЧАРЫ: как и почему у нее всё это так получается...

И Шаляпин тоже полагал, что: «Трудись - и таланту не надо». Это утверждал сам Шаляпин. С ума сойти!

Но Гурченко вот не меньше Дорониной трудится, а ничего так и не вышло. Душа, говорю, не работает.

А я как Бог свят убежден: что Доронину потрясли еще в детстве эти всего пять слов шаляпинских. И она их крепко запомнила.

Все надеются на вдохновение.

Дорониная на вдохновение никогда не надеется.

К работе надо только лишь добавлять маленький талант.

Маленький-маленький, как у Шаляпина и Дорониной.

БОЛЬШИХ ТАЛАНТОВ НЕ БЫВАЕТ.

«Больших не бывает».

(Сколько раз я вам, девочки, говорила, что больших не бывает. Есть толстые, есть длинные, но больших - больших не бывает!).

Из Монтана делают явление, а он никакое не явление, он сволота. Он так же похож на явление - как вилка на бутылку. «У него детей много» Есть такая теория, что у дураков их всегда много.

«Мишель Морган - самая французская актриса». Да наша Зоя Федорова была куда как интереснее: она такие бы выдала «большие маневры» - после Трындычихи изобразила бы даже еще и Грету Гарбо!

Не то что Нифонтова - везде суровая, как будто у нее битое стекло за пазухой (захочешь почесаться - так обрежешься о собственное стекло!).

Или Демидова Алла, которая не себя даже демонстрирует, а Сан-Дonato открыла прямую связь с Демидовыми и везде лезет прямо-таки на Гран-при!

Сан-Дonato-то-Сан-Дonato, а пошла-ка ты на ...

Она думает, что она королева. Нет, ты не королева, ты еще только принцесса!

А вот Кенигсон - удивительное дарование, недолюбленное, недоцелованное в искусстве! Такого богатства оттенков интонаций, как у Кенигсона, я не встречал ни у кого. Правда, перед смертью он перешёл на еврейское арго, но это было не его (он был немец).

В Извицкой было что-то дорогое, в Дорониной есть что-то дорогое, в Улановой... - и на это их «дорогое» купились люди, купилась эпоха, купился ХХ век. Толстой с неотразимой силой отрицал чудо физического прозрения Лазаря – открыв, что Лазарь увидел христову истину – и ничто больше на свете не могло его загнать обратно в слепоту. Миру через русское «дорогое» открылось нечто такое, что он ни за что не забудет, не отдаст, не променяет. А тут какие-то Плисецкая, Вишневская и Ростропович – претендуют на внимание мира!

Чудный был фильм «А если это любовь?» - с двумя молодыми героями и с Георгиевской, которая им там всё зарубила. До своей кончины нелепой она всё играла у Дорониной какую-то распутинскую затопленную, но по-моему её затопить было невозможно: Настя была такая, что и по дну Волги пройдёт и выйдёт в Каспийское море...

Нет, Касаткина все-таки прекрасная актриса (уж лучше, чем её пузатая старшая товарка - которая, представляю как, отталкивает её пузом, выходит на сцену и сразу запеваёт: «Погибли лютики»).

Хороша была и Шарко - такие у нее все как из пивного бара: с битьем посуды, с криком, с ляжками...

Ничего и Ольхина, которая по молодости удачно изображала тургеневских девушек, с косой и книжкой в руке.

Они не Фрейндлих, которая всё играла девочек, а потом вместо девочки вылезла огромная челюсть и заявила себя на большую актрису, на Монику Витти, тоже технарку. В «Служебном романе» она еще ничего, неплохо, но большая актриса себе такую роль и не возьмет ни за что, это роль для Гурченко.

Но да и какая там тогда была будто бы Гурченко со своей «Карнавальная ночь» - когда была Самойлова в «Летят журавли»!!

Я не знаю, не помню, кто это написал и поставил, всё меня там уже раздражает: и «Мишико» Калатозов, и беспринципный Розов, и похожий на индюка Меркурьев, и бездарный Шворин, и еще более бездарный Баталов, и плаксивая Богданова... - там была на разрыв сердца одна только Самойлова, со своими раскосыми как у эсмеральдиной козы глазами! Никакие Мазины и Лорены потом - не могли бы с ней сравниться, и не сравнивались (она была их больше и дальше на 140 тысяч световых лет!). Казалось бы: ну и что - дочка этого глупого ноздрястого Самойлова

(ноздрей смотрел на мир!), сама курносая и глупая, с лирообразной фигурой - а вот сердце публики и до сих пор кровью обливается!

А разве когда забыть там ту жирную бабу толстую, с ее: все я ела, вот только орешков золочёных не ела белочкиных, - и отталкивающую Самойлову локтями!..

Как-то некий новатор притащил её в институт философии, на Волхонке - на совместный вечер, и сразу поморщился: «Народу маловато», а я ему тут же заорал из зала, что если он Артур Зариковский - так думает, что все тут будут сейчас друг другу на плечи вставать, а что мы вот только что отторговали на Тишинке апельсинами - и сразу заглянули в институт философии...

Зариковского всего перекосило.

Он думал, что если затащит с собою Самойлову - все побегут срывая каблучки. Да и Самойлова хороша - тут же объявила, что ей 58 лет и что ей больше ничего уже не нужно в жизни...

Совершенно ненормальная, больная девочка, но спасибо что хоть сразу стала мило и интеллигентно стихи читать публике.

Я её жалею, люблю и по гроб жизни благодарен за ту давнюю роль...

И все-таки: куда им всем - от Гурченко до Самойловой - тягаться с той, которая ЛЮБИТ и у которой ВСЕ ОТ СЕБЯ, А НЕ ОТ ИСКУССТВА!

«Жалуете ли Вы, что ушли из театра Маяковского?». - «Конечно нет», - тут же, без паузы и бестрепетно, отвечает на это Доронина.

Театр этот - тяжелый, ленивый, помпезный. Но это Гундаревой всегда воздуху не хватает, а Дорониной - всегда хватало, даже в Дульсинее: поплачет-поплачет - и даст другому (кабальеров много!).

Нет, Гундареву вычеркиваю: она работает много и хорошо, и она еще очень молодая - она ориентируется.

...С настоящими мхатовскими актрисами вообще никто не может сравниться (а Саввина - это же ведь гибрид блохи с молью: так же прыгает, так же летает и такая же бесцветная! Не актриса, а какой-то инженер-технолог). А мхатовские - они еще все помнили нагайку Немировича и Станиславского!

Ладынина же - та всегда была как царевна-лягушка. С круглыми вороньими как у сороки глазами, давно сидит в отдалении, откатилась в силу своих кудряшек.

А как ни включишь телевизор - все Крымова «делится своим ремеслом». Неприлично слушать об её «ремесле»: все равно что путанку выпустить.

И прямо-таки как Нагибин ненавидит монарших Романовых - так и Крымова ненавидит Доронину!

Да эта Доронина голову публике прочищает (а заодно и тебе мозги твои засратые)!

Оно, конечно, нехорошо, что Доронина и Ефремов МХАТ разделили. (Так, конечно, могли рассориться только любовники, но те делят квартиру, а эти разделили театр).

Бабанова тоже побывала с Охлопковым, разок забрался, а во второй раз – наткнулся там у неё патефонные иголки её характера (характер – в п.)...

Любовник - надо, чтоб он был мыслящим и приличным.

А Доронина не дура, она очень хитрая.

Она думала, что она его укротит - как Бугримова злого тигра. Напрасно думала.

А мне все кажется, что Доронина из тех, с кем хорошо дружить. (Дружбе ведь нужны только память и хорошие отношения. Это любовникам ВСЁ надо).

И это все другие актеры все норовят бросить удавку публике (на шею, на руки и на ноги), и только у Дорониной - великолепный лассовый накид - и она подтягивает им любую публику как хочет, «как миленькую»...

И УЖЕ ЗА ОДНО ТО, КАК ОНА:

- каждый раз, вся расцветая, «с опережением» бросается в объятия, в «Скамейке» (хоть ты и подлец-негодяй, но тебе дам первому. Как же мужику ни дать!).

- или за то, как её жуличка Зайка (только у Дорониной, а не у Булгакова и ни у кого других) в финале становится равной «наглой» Грушеньке, не оставившей Митю Карамазова в страданиях и легко ушедшей за ним в каторгу. Это русское, это русская любовь, - т.е. никакой Флобер ничего даже отдалённо подобного никогда не мог придумать. Это Россия...

- или уже за одно то, как она в нелепой пьеске и громоздком спектакле про «актрису на роль жены Достоевского», вскрикнула - героическим полным гордым как у воробья - сердцем любящим: «Федор Михайлович, солнце моей жизни!». За один этот вскрик.

- или как она смотрит и как она счастливо смеется жениху-Шалевичу, когда едут на тройке венчаться, в «Трёх тополях», - это в самые тайники сердечные, это на всю жизнь.

- или когда она в этой радзинской бурде про какую-то хлебную бабу с цветком и окнами куда-то там - в финале с юродивой улыбкой позволяет себя закутывать в пунцовый бархатный салон вроде как в смирительную рубашку..., - а у меня сердчишко подёкивает: что в Дорониной бьется то, что билось и в Достоевском с его острой жалостью к князю Мышкину, к господину Голядкину...

Ах, если б это понимали!

(И уж само-собой разумеется: что никакая там тогда Вивьен Ли из «Трамвая Желания» Дорониной просто и в подмётки не годится!).

А скука уже в самом начале пьесы была заложена ещё самим Радзинским – в злобе на Доронину.

И всё-то он силится внушить публике, что Сталин был безобразный глупый карлик – как будто бы сам Радзинский высокий, красивый и умный.

- или когда все в той же дурацкой «Скамейке», но сидя прямо на земле - Доронина не расплескивая ведаёт о самом заветном женском. Это высшее проявление актерского мастерства современного. Публика это чувствует сама, она только никак не решается разразиться пошлыми овациями - так это ново, щемительно и горячо!

- или когда она там же говорит и плачет о своем непутёвом брате, что ведь это же «ее брат» - Доронина обращает своего лучшего друга публику к какой-то давно забытой и настоящей правде неподдельной людской...

ЗА ВСЕ ЗА ОДНО ЗА ЭТО УЖЕ - НУЖНО ПРИЧИСЛИТЬ её К ЛИКУ (т.е. Мария Гавриловна, Мария Николаевна, Вера Федоровна, Пелагея Антипьевна, Гликерия Николаевна, Татьяна Васильевна - через запятую!).

Села вот на пол и захлоптела носом. А публика в ступоре.

Она выше своих пяти предшественниц: она пошла дальше их.

Ей надо только перестать изображать из себя жалкую бабу, у которой внизу жаровня, или доменная печь, что ли...

Фрейдлих до Дорониной - ковылять и ковылять.

Доронина словами рыдает, а Фрейдлих техничка, как Моника Витти, но она не Витти, а всего лишь только Алиска Фрейдлих.

Вот это - очень просто.

Непросто другое.

Роскошно, мощно играла сама Доронина в телефильме «Бесприданница», а вот грим её Ларисы был досадный, подчёркнутый, театрально-грубый. Я всегда говорю, что у нас в кино никогда не было хороших художников. В западном кино никогда не было сюжета, не о чем было сказать, все одно и то же: упала, изнасиловали, встала, отряхнулась, закурила, пошла, но - как все это у них расписано и изукрашено, одето..., - глаз не оторвёшь!

Это одно. Но в «Красном и черном» у Жерара Филипа - духовное, а у Ерёмко - от этого, от пениса. А это другое. Впрочем, это всё в кино, а кино - это недоразумение.

В театре зритель сопереживает в сложности жизненных соотношений и впечатлений, а тут - все разъято: лицо, руки, так и эдак... В

театре, при всем при том, актер все-таки остается владыкой, а в кино он должен подчиняться щёлканью аппарата. Я принципиально против кино. Искусство у человечества началось с того, когда - слово, память, воображение - а тут техника плюс произвол фотографии. Лучшим доказательством того, что это не культура, не искусство - служит то, что хотя все и смотрят кино, но - повальное невежество. Кадры, надписи - всё это антикультура. Это количественная культура, а не живая. Сопереживания нет, а если есть - то страшная дешёвка. В театре - на ритмике, в кино на технике. Кино не должно повторять театра, но кино скатилось и фактически повторяет театр. Кино отвлекает, но совершенно мешает той работе, которую ты проделываешь вместе с Толстым через прозу...

Я не признаю кино вообще - оно не дает никакого приближения к истине.

Да и очень мне нужны сострадания какой-то Лушки Нагульновой в новом варианте!!

А лет уже 10-13 назад, иду по Неглинке, в перспективе на «Метрополе» огромная афиша - кого это, думаю, там на казнь ведут? Подхожу - господа: Тату, Доронину!

Да чтоб я пошел на это смотреть!? Ни за что!

Жуткие вообще были фильмы, примитивные, но как-то снимались по-человечески. А в новеньком «Дубровском» - такая жмеринская злоба на русское барство! Из Пушкина такого делают Пушкинзона! (У нас могут только изображать педерастию вместо барства). Да, Троекуров самодур, но не такой же как у Самойлова (у того - такой обаятельный русский барин, с подмосковной дачи, сосед Горбачёва!). Таким барство никогда не было. Оно было куда рациональнее, чем советский агротехнический комплекс с марсианками кривогубыми. Оно работало само и кормило Россию. Играет еще и какой-то «сын Ефремова». Наверное, от Фурцевой: только от неё такие уроды рождались. Дубровский должен быть красавцем (Маша как увидела - так сразу дала через дупло). Даже Ливанов всю свою красоту наскребал по сусекам, чтобы сняться в том фильме старом. Ромашину - тому-то всегда помогал играть его геморрой, это геморрой работает на игру и на жёлтый цвет его лица. Лавров изображает старика Дубровского, дворянина. Папа у Лаврова еще был русский, а мама - прямо Фаина Наумовна, пускала пузыри из синей (скажем так - подмышки). Вся Одесса видела, как Фаина Наумовна пускала мыльные пузыри из «подмышки» синей, с балкона, а потом вынырнул вместо пузырей Кирилл Лавров - этот великий актёр саратовский, уже тогда сразу Народный артист РСФСР...

Это и Глебову ведь только в кино, в «Тихом Доне», сделали на носу горбинку, а в жизни у него такой крючочек, что пальто можно вешать!

И Гурченко от кобылы хвост пришивала себе вместо ресниц.

А Ульянова этого, уродца карликового - я бы и к театру не подпустил! (Таких отстреливали еще в фойе).

Да и к театру сейчас отношение такое, как будто бы никогда не было Станиславского!

Я и его терпеть не могу: длинный, толстогубый, нелепый: то хохочет, то зарыдает, то наорет (и попробуй послушаться, - хозяин!).

Единственно чем, может быть, хороша его «система» - это тем, что она заставляет актера перестрадать. Но все пять великих русских актрис (Савина, Ермолова, Комиссаржевская, Стрепетова и Федотова) - они были ДО Станиславского, «систему» его не знали и прекрасно без неё обходились. А после Станиславского - Вера Попова, Пашенная.., - еле наскребёшь, да и то по другим театрам.

Но и зато американская критика еще в начале века стонала: ах, эти непостижимые русские, они даже предметы обыгрывают, у них даже предметы говорят! (это Маша-Книппер выходила на сцену со стаканом «Какой мороз!», а публика мгновенно соображала, что Маша уже влюбилась в Вершинина). Теперь же и Мирошниченко - тоже выхолит со стаканом.., а я так понимаю, что она его за углом с гаишниками опрокинула (у нее «Жигули») - и сразу на сцену.

Холодно всё это.

А ведь давно, казалось бы, прошла мода и на холодных и рассудочных прибалтийских актёров.

И все помнят, какая была Марецкая: сидит, плечами поводит, всем подмигивает, всему миру, обнадеживает, и хоть весь мир тресни - ей всё нипочём: она - Марецкая!

(Вот этого не было ни у кого).

Каждая молекула этого организма была пронизана игрой и артистизмом Сары Бернар! Я не знаю, какие были Дузе и Бернар; по-моему – колоды величественные, которые смотрели в небо и выли величаво, как Козырева. Козырева великая, но это не Марецкая, которая от юмора до трагедии. И все эти её партийные великолепные «Члены Правительства», «Сельские учительницы» она всё хорошо выполняла на заказ, но всегда оставалась разноцветной птичкой-колибри. Борисова и прочие – все на порядок ниже. Об этом нельзя писать, но можно ещё и подумать. Нельзя так говорить, как Марецкая, время идёт вперёд и всё должно быть лучше, но Марецкая – это ещё «над». А это великолепно: «Что вы можете сказать о Троцком?». – «Ой, не говорите, это такая гадость, такая гадость!», - заплакала и убежала.

Она была создана для игры. Ей так легки были все эти ужимки и прыжки – потому что она отлично знала, что она сделает через пять минут.

Как и в «Свадьбе» - уж какое там было соцветие актеров: и Гарин, и Абдулов, и Фёдорова, и этот симпатичный уродец Мартинсон, и Раневская с Грибовым., а все помнят только Марецкую с её этим: «Сделайте мне ласковость!».

Не актриса, а пожар в публичном доме в шесть часов утра во время наводнения!

Русский театр обязывает, должен обязывать - еще и к скрытой пылкости. «И бей в свой бубен гулкий, волнения тая, в пустынном переулке скорбит душа моя». Это самая кровоточивая тема русского искусства, всей русской литературы, всего русского театра, поднявшая их на ни для кого не достигаемую высоту: тема напрасно прожитой жизни, тема запятанного волнения. На излёте века и эры приоткрыты записные книжки Андрея Платонова, потрясённый читаю: «Жизнь есть упускаемая и упущенная возможность». (Толстой бы расплакался навзрыд). И в «Лесе» у автора после ремарки «плачет» следует еще более невероятная ремарка - «скучным голосом», - это Несчастливцев чтобы скрыть волнение. Сын Качалова в старости вспоминал, как отцу несколько раз привелось сыграть Епиходова, и что если Москвин в этой своей коронной роли смешно таращил глаза и комично отвечал осипшим голосом, то Качалов считал, что это у Епиходова от горя голос сел, и глаза он таращит - чтобы скрыть тоску...

Вот так.

Ещё недавно очень популярен был громоздкий фильм «Русское поле», его многие помнят, а Телегина мне сама рассказывала, что режиссёр этого фильма (ныне покойный) - и сценарий писал, живя у неё, и снимал, обещая ей крошечную роль бабки (которая там жалеет что купила лотерейные билеты: «И зачем я эти билеты покупала!?»), которую потом он отдал Федоровой. Валентина Петровна горевала: «Зайка хорошая артистка, она хорошо сыграла эту роль, а мне хотелось здесь сыграть - тому напрасно прожитой жизни!»...

(Вот какая была Телегина актриса!).

Примеры к этой потаенной теме русской - из Толстого, Клюева и Платонова - бесчисленны. Недаром же писатели всего мира в униженном положении перед русскими классиками (они и сами это хорошо понимали, что за русской прозой им не угнаться!), недаром же Доронина просто может сидеть на полу и хлюпнуть носом, а у публики - ком в горле...

И ведь это только Немоляева - актриса, а Рыжова - она была никакой не актрисой, а атомной бомбой разрывной! И Мурзаева была совершенно народной актрисой, изначальной, изнародной, из самого сердца народа! И Валентина Петровна такая же, Доронина помнит по «Трем тополям» (а где сама она и Ефремов - были просто титаны, к которым на 18 км никому нельзя было приближаться!). А невероятный Якушенко казанский!! (такой

его «Старик» никому не снился: ни Цареву, ни Самойлову, ни Константинову, ни Цейцу)...

Где тот незабвенный театр!? Из чародеев одна Дорониная осталась!

Здесь и волнение публики, и своё ритмическое созидание, а еще она и тонирует звук голоса (а это самое важное и главное в искусстве актерском) - и этим никто не владеет в сегодняшнем театре современном драматическом, кроме все той же Дорониной!

Актер ведь должен иметь только мягкую душу - чтобы легко принять любую форму.

(Сколько там у Дорониной, в чулочнице её - разных разностей: то она добродушно хохочет по-свойски, то, вся сияя, пританцовывает комично, то мудро и сдержанно, на одной только Дорониной свойственных касаниях, говорит герою какие-то неповторимые слова...).

Когда Вахтангов понял, что ему нечего делать рядом с Чеховым - он быстренько стал хорошим режиссером. А рядом с Чеховым всем нечего было делать. Не самый лучший, но - самый интересный был. Щуплый, дохловатый, на тоненьких ножках - и легендарный, единственный! Но ни Станиславский, ни Луначарский - никто! - не утрудили себя тем, чтобы он остался. А за границей, хоть и встречали его везде как наследного принца, всё равно он погиб. Без России. Бабанова так и говорила мне: «Чехова погубила заграница». И Алиса тоже: «Я всегда привыкла уважать Михаила Александровича. Это был большой актер и большой человек с большой буквы».

Когда умирала Алла Тарасова, она попросила похоронить её «рядом с мамой». Ах, как это понятно! Не на Новодевичьем, где у «художественников» свой участок, а «рядом с мамой», т.е. - идите вы все к чёрту! Я ей за это все простил: всю жизнь стеснявшаяся, скрывавшая своё купеческое происхождение, она в смертный час не захотела больше кривляться - отсюда это её и «похороните меня рядом с мамой». Многое ей за это простится.

Умер и Рихтер, а общество не подготовлено к смерти. За Чайковским шло пол-Ленинграда - и это в условиях царского правительства, когда было известно, что он живанул с великим князем. За Чеховым, за Толстым, за Савиной, за Комиссаржевской... - потому что было общество. А тут - при абсолютно мировой славе - ничего и никого. Пришла одна Ахмадулина с букетом, похожая на смерть, а ей вместо букета надо было бы косу в руки, наперевес.

Жалко, что Мессерер не столкнул её в могилу к Рихтеру, - были бы такие шикарные похороны!!!

Нет общества, всё мусор какой-то. Это должно организовывать министерство культуры (распорядители должны бежать и указывать – где кому стоять и что делать).

Рихтер и Русланова – голова к голове. Как всё задумано, какие метаморфозы! Они никогда не виделись, а тут встретились, - какие там хроники, какие Борджиа, всё меркнет!

Размасштабленность полная!

Я не понимаю: почему веками ссорятся евреи и русские? - и те и другие любят дураков. Один генетический ход и у русских и у евреев – любить дураков, а не умных. А я дураков – ненавижу. Зоологически. Так что у меня очень сильные подозрения, что я не русский и не еврей. Очень сильные подозрения!

«У речной пугливой герани в сердцевине кровоподтёк». Клюев.

...Что «в театре важно только то что рядом» - это должно у артиста жемчужной цепочкой проходить от рождения до смерти. Чехов-Чеховым, он взял да и смылся, но а кто остался-то?! Межинский, Турчанинова, Владиславский, Яковлев Николай Капитонович, Вера Попова, Полина Куманченко, Михаил Жаров, Романов, Елена Понсова, Дикий... - ими Доронина успела налюбоваться, или еще этот её однофамилец из Малого театра (которому надо было бы жениться на Вере Васильевой - и он бы до сих пор жил, а не на этой одесситке Роек). Какой был сброд-то гениальный, актеры-то какие были!! Почему это должно умереть на Коонен: ни до, ни после, ни вообще и никогда!?? Алиса как льдинка растаяла, ушла ничего не оставив - ни памяти, ни друзей. Но она правильно всё рассчитала: что с Еланской, Тарасовой, Книппер - ей не только не по пути, но и не в ту степь, что она одна, с одной ей видимым талантом, своим театром, своим режиссером - своим Джульбарсом - она великая, и что одна она вполне много «Алиса Коонен», а никакие Дузе тут ни при чем. Та была мечтательница и бродяга, а она - при своем театре, неумном но своём режиссере («глупый, но свой»), своем репертуаре, существенная, а все остальные - домработницы: когда заболею - тогда играйте... Абсолютно европейская дама - она не могла ошибиться в интеллекте и инстинкте. А вот Анджапаридзе - скорее даже великая турецкая актриса, т.е. узконациональная артистка, с кавказским аргю. До Расина далеко. Еврипид - может быть..., там завывай сколько хочешь, греческая трагедия ей подвластна потому что примитивна (они там кузнечиками питались) а Алиса - это Европа. И что хорошо: что театр её начинался как частный, дореволюционный, и никто не виноват, но его беда - что он дожил и уткнулся в тупиц и говнюков под названием Ворошилов и Жданов (они даже не идеологи, а просто тупицы отпетые!). Они все говорили от имени какой-то пошлой идеологии, которая оказалась садизмом, но ни одна

идеология не защищает садизм, если она порядочная. Не дай Бог дожить до таких упырей, а они упыри самые настоящие, упыри поганые! ... Впрочем, не всё ли было равно Алисе: играть проститутку Бовари, или проститутку Маньку Кандаурову!? Но она хотела быть и была вся трагическая, утончённая, нездешних мест, с пером - вот и не полюбила Ворошилову и Жданову. А Таиров был глупый, неумный, якобы новатор, а на самом деле - с мейерхольдовским разгильдяйством и ущербностью (потом еще и умер, голубь, - а надо было работать, и всё!). Как ни распространился Мейерхольд, но он открыл путь скорее для эмоций, чем для самой формы, один только горячо любимый мною Станиславский возвратил театру его особый, ему присущий, язык единства и целостности больших ритмов. Никогда нельзя внушить человеку те чувства, которые делают из него художника, но - когда же и откуда стало известно этой красотке Дорониной, ЧТО ЕСТЬ простой и краткий доступ к душе публики, и который у нее самой: он и в торжестве звучащего слова, и в вере в своё «я», которое существует и продолжает существовать в чистоте и простоте переживаний, и в свободе выбора Дорониной форм общения с публикой! (Современный актер не может не впитать от нее эту ветвь!). Откуда в Дорониной это стремление сохранить очень волнующую театральную концепцию, сыграть роль в плане совершившейся культуры (Станиславский там, Бабанова)? «Откуда?». Яснополянский неугомонный старик безжалостно ответил бы: «Оттуда - откуда все», т.е. милостью божьей, а вот я, под финал-то не только века, но и эры, еще и добавлю, что: Доронина принесла индивидуальность, изначальную личность, которую тянула среди уравнинного общества - и тогда сама собою завязалась новая завязь чувств и судьбы! И хватит нам всё время упираться на какой-то массовый ансамбль театра, т.е. многоталантливых актеров! - Это всегда эстрада. А театр - это личность, одна, и самая выдающаяся. И только те театры запомнились миру, где была одна Сара Бернар и французский театр, где была одна Вивьен Ли и «Глобус», одна Алиса Коонен и Камерный театр, одна Аспасия Папатаанассиу и греческая трагедия. В конечном счёте, как бы ни была массова сцена 30-40^{xx} годов во МХАТе - вырывалась огромным пламенем одна Тарасова в любом спектакле. Так что слово «один», «одна» - значит «конгениально», и только. Это приемлемо для сцены. Не бывает сцены из двадцати гениальных актеров. Не помнит мир этого. Мир не помнит сцены и с десятью гениальными актерами. Пусть в театре были Ливанов, Грибов, Станицын, Массальский, Гошева, Степанова, Ершов, но все знали, что была одна Тарасова - потому что она была гениальна одна. И в этом суть. И это надо понять, это надо признать, только с этим согласиться. И долой массовую талантливость, потому что талант - сугубо, как ни что -

индивидуален, до банальности индивидуален! И его одного хватит напоить сто тысяч сердец!

Уж больно любили у нас массовки - и не разглядели ни одного настоящего таланта в лицо, т.е. я хочу сказать предыдущим абзацем: пусть будет блестящая сцена с десятками талантливейших актеров, но всё должно быть построено на взрыве одного сердца, одной судьбы, одного гениального таланта. А всё остальное - пусть будет гениальной оправой этого супергениального бриллианта. Поэтому - виват бриллианту Дорониной! (неожиданно) Оправу ей, оправу, чертовке!

И вот ей два взгляда, две концепции разработки темы «Зойкиной квартиры»: если в 30-ые годы, когда НЭП был явлением отвратительным для социалистического послевоенного общества - Мансурова, как и положено моде духа времени, играла Зайку как ловкую пронырливую девицу, выживающей на дрожжах НЭПа, где не разрабатывала совершенно её высокоблагородное происхождение, её старые интеллектуальные дореволюционные связи, её тоску и ностальгию по прошлому. Она не сидела у Цецилии как Раневская в «Вишнёвом саде» с вышитым платочком около носа. А именно этот вышитый символический платочек - ностальгия по благородному прошлому и как необходимость выживания, но уже не цепкой нэпманши, а что-то от пошлой фразочки «хочешь жить - умей вертеться» - этот образ и разыгрывается в современном театре: и студийцами-вахтанговцами, и у Дорониной во МХАТе, - потому что это две разные концепции на дворянку начала 20-х годов. В 30-ом году хотелось так её видеть, в конце 90-х - эдак. Вот и всё. Потому что сейчас мы полюбили дворянство, тогда - мы его ненавидели. В то время воспитывалась только лютая ненависть к прошлому России, а сейчас мы оправдали и полюбили его. И даже с тоской оправдали - потому что надоело современное жмеринское дворянство. Цецилия, конечно, была первой московской большой чисто еврейской актрисой, а так как она была все-таки из очень культурной российской еврейской семьи - это вполне совпадало с носителями высокой русской культуры МХАТа и Малого театра, но она была не там и не там, а была в другом, она была в третьем месте - у всё-таки очень в скобках великого Евгения Вахтангова, который тускнел, бледнел и уменьшался в размере при одном только упоминании Михаила Чехова. Их внутренняя несовместимость была разительно видна невооружённым глазом всем современникам. Всё это, точь-в-точь, относится и к Мейерхольду: никогда бы Мейерхольду не пришла в голову мысль соратничать с Михаилом Чеховым - одним из величайших актёров того времени. Ловкий изобретатель «театрального Октября» мог стоять под троном у Комиссаржевской, у молодых полубалбесов Маяковского и Есенина, но никогда близко не мог прикоснуться анализом мозга к великой

русской культуре, которую нёс потомственный мещанин Михаил Чехов (даже не дворянин): глубоко психологичный - по-русски, глубоко утонченный - по-русски, пронзительно философичный - как только могут быть одни только утонченно-русские. Его родной дядька еще при жизни (и кем!!) был назван «Пушкиным в прозе», а в Пушкине, как потом и в Клюеве, стихи текли как воздух через форточку. Именно Клюев, который впитал в себя 1000-летнюю культуру постепенного развития высшей культуры - в Клюеве всё это было абсолютно генетически запрограммировано тысячелетием, чего совершенно никогда не могло быть, при одарённости высокой одарённостью (но половинчатости натуры от прикосновения к русской культуре без генетического жара в крови) у таких как Мейерхольд, Маяковский, Пастернак. Ахматова, если хотите. (Цветаеву ни за что в этот ряд не поставлю, это совсем другое, это какое-то 3, 4, 5..., но не они). Ахматова абсолютно с ними, пусть будет гениальна, но это абсолютно такое же как стакан семечек псевдорусских гениев...

Литература, слово - единственная опора, защита, надежда и утешение народа. В страшные дни войны, когда смертельная опасность нависла над Москвой, люди - в метро, в машине, в автобусе - спокойно читали, соприкасаясь с тем что выше их (и были это не какие-то образованные, а самые обыкновенные). В старой радиозаписи Бабанова пищит в «Тане», всё уже смешно и нелепо: «Герман», «Юрик», «вороненок»..., но - значит было же тогда что-то такое в обществе, на что-то всё опиралось, была семья, дети, работа, школа, обязанности, чего-то нельзя, но и чего-то «лзя», какие-то начала и устои - если этот Арбузов мог написать свою ублюдочную «Таню», а сейчас Розов с Шатровым ничего не могут! Да и надо киностудии закрыть, если вы ничего не умеете, во главе со сверхнародными Гурченками! И не стыдно никому играть после Пашенной Вассу Железнову! «Новая трактовка». После Пашенной и Горького - не может вообще быть никаких трактовок, а Пашенная была такая, что и Горькому не снилось!

(Что, все не так?! Да откуда вы знаете!? А может быть, через тысячу лет и скажут: «Женевьева была права!»).

Основной недостаток Горького - это резонерство. Резонер он.

Но не продавайте и не отдавайте никогда Горького - как никогда не ругайте глупого Шукшина, а у которого «До третьих петухов» - посильнее Булгакова с его неактуальным Воландом! (Цветаеву тоже не надо отдавать - она страдала по-русски). Я всегда, как проезжаю по Тверскому - выскакиваю и подбегаю к окнам музея Конёнкова полюбоваться на портреты Горького и Достоевского (равные микельбанжеловским): у Достоевского лоб как у волчонка упрямого лобастого, а Горький сомнамбулический, с антрацитовыми истеричными глазами... Вот, гений

скульптуры увлѣкся дерьмом, так бывает, но кто вам еще, кроме Горького, придумает такое: «Прохор, прими порошок, не позорь семью. Никогда тебя ни о чём не просила, первый раз в жизни прошу. Прими порошок». (Пашенная с Царевым так весь театр перетравили: вызывали в кабинет и - «прими порошок»). Это тебе не Сартр (я никогда не любил его: все эти «Добродетельные шлюхи» с Орловой, вся его драматургия - какая-то подлая, жмеринско-немецкая, там не было ядра, ни о чем). Марецкая только по глупости и по доброте позволяла ему быть в репертуаре своего театра. (Она ведь была очень добрым человеком, в её театре все как-то мирно уживались, хорошим актрисам - Орловой, Раневской, Соколовой, Шапошниковой - позволяла рядом с собою быть. МХАТ особенно проигрывал в этом отношении: играли 15 на сцене, но все там видели одну Тарасову. Это уж потом они так делали: выводили Тарасову и могли в это место ввести Мирошниченку. Но это же две разные вещи!). Театр - это всегда должно быть собрание личностей (чем взял старый МХАТ, почему им было легко друг с другом и почему они поднимали большие задачи и были на уровне времени!). Но и всегда я думал, глядя на Марецкую, что как наверное с нею интересно работать режиссерам: игровая, лёгкая, перекидная! Самое интересное у Завадского и были - это Мордвинов и Марецкая (всё остальное - могло быть, а могло и не быть). Да они одни ещё и удерживали Завадского от его цветочности, а то бы он совсем развесился клюквой! С Мордвинова пошла и Марецкая: появились и блеск, и улыбка, и панталоны, а до этого всё играла пятиминутных проституток в перекрученных чулках...

А все эти «Ю.А.», «В.П.» - это была такая дешевка! Но не будучи актрисой мхатовской школы - она дублировала в театре Раневскую как мхатовка (и без этого её жмеринского арга!). Всего она была достойна лучшего: от книги до доски памятной, но книга о ней - пример того, как воспоминания переходят в забвение (и зависть), и на доске её изобразили с какой-то дурацкой кичкой на затылке, а она была ведь все-таки красотка...

И была она добрее, чем казалась. Почему Саввина не рассказала в той книжке, как на юбилее старейшей актрисы Т. С. Оганезовой, когда та вместе с участниками спектакля вышла на юбилейные аплодисменты, Вера Петровна хлопала, хлопала (демонстративно прямо ей в лицо), весело ритмически притопывая, а потом вдруг, как-то оседая, опустилась на колени и стала целовать Оганезовой руки... «Верочка!!», - вспыхнула юбилярша. Это все видели. Почему никто сейчас не вспомнил?! Ведь это так редко бывает, и во всем этом для театральной души заключено так много человеческого смысла!

А на большом праздничном вечере Алисы Коонен, в 1970 году - уж кто только ни говорил, а Марецкая вышла такой прямо учительницей пения,

мялась, жмурилась, а сказала лучше всех, что-то в том смысле что: вот как будто и не знала я Алису Георгиевну, и в трамвае не здоровалась, но слышала что она великая актриса, а теперь рассмотрела - и точно, вижу - великая!

Прелесть!

А почему и Шапошникова не рассказала в том же зале, на вечере уже памяти Веры Петровны: как пришла к ней в уборную Марецкая на «Бунт женщин» которые они играли с ней в правильную очередь: «Людочка, дай мне сегодня сыграть. Ты только никому не говори: на мне живого места нет, я скоро умру, можно я сегодня поиграю?». - «Конечно, конечно. Вера Петровна, - сказала я ей (рассказывала же ведь где-то Шапошникову!). Посидела у нее до второго акта, потом ушла».

А публично Шапошниковой не приходит в голову это рассказать! Она так удачно играла эсэсовок, что продолжает их играть даже в трамвае!

Странная она какая-то: с одной стороны - вся такая правильная и шибко «партейная», а с другой - содержит два гарема конформисток, в фартучках...

Марецкая умирала мучительно.

Хоронили её в дождливый, снежный, противный, холодный октябрьский полдень, но толпы стояли и у театра, и очень плотно с той стороны дороги, у «Пекина». Все были здесь. Это пришла её публика, незримая связь с которой дала Марецкой силы на десять лет оттянуть смерть. Уже ушла похоронная машина, да и смотреть было не на что: Веру Петровну накануне кремировали, - но публика оцепенело стояла, продолжала стоять. И как это у нас бывает - какой-то милиционер, весь интерес которого был только в том, чтобы поскорее все разошлись, злобно схамил: «Ну что стоите, бараны, расходитесь!». И какой-то человек, лет около 44-46, простой и достойный - спокойно, глядя ему в глаза, ответил: «Почему же «бараны»? Мы с хорошей артисткой прощаемся»...

Ах, Вера Петровна, ты бы это оценила!

Когда прощались и с Бабановой - было очень много народу и очень много цветов. Пришли её сверстники (помню медленно и растерянно поднявшихся на сцену Русинову, Синельникову, Ремизову, мхатовцев, Царева).

Это были грандиозные похороны. Хорошо сказал и трогательно Гончаров, что пусть её дух всегда витает в стенах этого театра. (Это особенно волнующе: ведь чем была Бабанова для театра Революции-театра Маяковского - тем же не были для своих театров ни Добржанская, ни Гиацинтова, ни Марецкая, ни Мансурова, ни даже Тарасова с Пашенной!). Вынесли из театра её на руках, весь Собиновский переулок был запружен людьми, я прокричал с крыльца театра: «Прощай, Бабанова!» («Прощай,

Бабанова!», - собезьянничал, подражая, и мой однокурсник). И все. На кладбище от театра говорил Александр Лазарев - и сказал, что он «немножко волнуется». Это был 1983 год, ритуалы были особенно сильны, и больше никому не дали выступить. А как бы хотелось мне сказать, что в отличие от народного артиста - я очень волнуюсь, но мне есть что сказать о незабвенной усопшей - с нежностью, с любовью, признательно и с благодарностью. Бабанову провожало и очень много молодежи театральной, и мне хотелось бы им сказать, что лучшим и редким из них предстоит подхватить выпавшее сегодня знамя, что - милые театральные девочки, помните: Бабанова «как взошла на сцену королевой, так и сошла королевой»; и помните, милые театральные мальчики - что Бабанова, не написав ни одной строчки, была живым теоретиком театра: она знала театр от и до. И еще сказать одно: что только в этой проклятущей стране еще при жизни могут почитать за полубога, как за полубогов еще при жизни почитали Толстого, Шаляпина, Ермолову, Русланову, или ныне здравствующую Марину Семёнову! За полубогиню почитали и Бабанову...

А Раневская в том сборнике, вспоминая Марецкую, выдавила из себя шесть слов - «Я никогда не скучала с ней». Ну еще бы: она тебя всегда посылала куда подальше, - не соскучишься!

Бабанова тоже дожила до очень средней, посредственной книжки о себе. Эта мандаринша Туровская написала. Бабанова всё завещала ей, хотя и видела её только в бане, в 68 году последний раз, в пруду у себя на даче, с лягушками. (А Ульянов оббил бывшую бабановскую двухэтажную дачу-развалюху медовой дощечкой - и она потеряла всё своё обаяние абрамцевское. Парфаньяк - она там своими усами пилит деревья. Поцелует - и дерево падает, как от жучка-короеда).

За Марецкую особенно обидно. В предсмертные дни, в больничной палате, коротая жизнь, она записывала в магнитофон - на память, на разлуку - любимые стихи: Ахматову, Цветаеву. Значит, была она глубоким человеком. Ну, Ахматова - не Бог вещь какая глубина, а вот из Цветаевой она взяла ни что иное как «Пошли мне сад, на старость лет», - это потом и на прощании с нею звучало...

Вера Петровна, как жалко тебя, бедняжку!

Она так и не дожила до настоящей старости, она не умерла, она должна была умереть еще за десять лет до этого - она отмучилась...

(Раневская в её возрасте - цвела в это время!).

И Фаина, и её мхатовские дружки Станицын и Яншин - те умерли в возрасте попугаев, даже неприлично жить до таких лет. Станицыну - ему бы только Стивой быть и писать в штаны, а Яншин когда-то удачно сыграл Лариосика, у него получился Лариосик не такой гнусный и поганый как сам Яншин...

Сомневаюсь в качестве нравственной основы их убеждений в искусстве.

Во всех театрах такого добра хоть завались.

Этот, из БДТ, когдатощный муж Дорониной... - он теперь еще и в парламенте заседает. (Она тогда уехала из Ленинграда и оставила его трём жёнам - Товстоногову, Лаврову и Лебедеву).

Он был верный путь в никуда.

Недавно вижу: Мордюкова на каком-то концерте спела свою самодельную песню – и повалила за кулисы, а вослед ей на сцену выбежала от публики девчушка с цветами, Мордюкова обернулась, увидела ребёнка – и распахнуто улыбнулась ему навстречу неподдельно... Ну, думаю, ты теперь не лепи мне и публике фанеру, что ты с Лунгиным «одной крови»! Никакой ты с ним не «одной крови» - и тебя тоже только русский врубил, такую красоту и талантище (хоть и в прошлом), а то что ты дура – так это совсем по другой причине и это совсем другое дело...

Ну вот, и определилось моё хорошее отношение к актёру вообще, ко всем – от Чеханкова, Неёловой и Кобзона до Зайцевой, Улановой и Царёва. А так вообще – я актёров терпеть не могу, за людей их считаю, кроме моей Дорониной, да еще Мюллера-Броневого. Они вызывают отвращение, все эти актеры, а публика их ждать еще... (Они все говорят чужими словами придуманными, где-то читанными или игранными). Я бы хотел быть Полом Скофилдом, я бы хотел быть Гретой Гарбо, но только не актером. Личностью быть. Гарбо хороша тем, что никогда не была ни в одной труппе, а была Гретой Гарбо. Ни одна актриса, которая была в труппе - не была названа великой и гениальной, кроме Алисы Коонен, которая сама была труппой. Ни Тарасова, ни Пашенная не дождалась при жизни имени великой - потому что ни одна труппа не позволит. Уж какая была Тарасова: и лауреат семикратный, и орденов Ленина не меньше чем у Покрышкина (тот рисковал жизнью), депутат всех советов: и городского и Верховного, первая дама на всех правительственных сборах, после Улановой..., а кто при жизни назвал её великой!? И только время, сравнение, да и запоздалая как всегда справедливость - автоматически собирают по буквам слово «великая». То же самое можно сказать и о Пашенной, тем же измучена была до головной боли Марецкая. Только одна Алиса не входит в этот ряд - потому что была одна против всей труппы, как хозяйка гостиницы, а все остальные - консьержки. Потому что она была одна - и напрочь не терпела слова «труппа», под труппой она разумела рабочих сцены, гардеробщиц и шаги по сцене. Потому что она всегда знала, что у нее есть свой театр, свой режиссер, свои постановки, нужные ей и только ей, а не времени, не правительству, не зрителю. А всё остальное - антураж, потому что имя ей - АЛИСА КООНЕН. Театр и был куплен на деньги Марджанова и Таирова -

для неё. Так было до революции. Революция ничего не смешала в этом альянсе, все было изломано Ворошиловым и Ждановым. Но это о другом разговоре. Вот так. Алиса в этом отношении прожила самую счастливую жизнь.

А Бабанова всегда была ненужной, но хитрый Мейерхольд делал ей комплименты в духе: «Ну что ж, Бабанова есть Бабанова», а что это значило: хорошо это или плохо - понять теперь уже трудно. Не трудно только одно понять: что она ему не нужна была в театре. Вот все, казалось бы, есть в актрисе, а обойдётся легко без неё. Кстати, многие потом обходились легко без Бабановой - поговаривая, что ей нужен свой театр, но никто палец о палец не ударил, чтобы его ей выстроить. Что всё это значит?! А значит, что и очень много в ней чего есть, но что и абсолютно не надо. Обходились. Это беда Бабановой. Такой беды никогда не могло бы быть у Пашенной, у Тарасовой, даже у Добржанской, безусловно у Марецкой, даже совсем-совсем, через пять «даже» - у Любви Орловой, где она поблескивала в «Моссовете» больше, конечно, своими пеньюарами роскошными (тогда, наверное, Александров ей заказывал через Пекин, но у которого был и Диор. Это секреты всё нашей экономики, тоже исподволь влиявшей на сверхличности театрального небосклона Москвы)...

На днях схоронили Сухаревскую. На фоне всех этих тусклых и блёклых «народностей» - Гиацинтовой, Сазоновой, Касаткиной, Быстрицкой, Скопиной - она была очень игровой и разнообразной, чем-то напоминала и приближалась к Добржанской (в отличие от которой была очень добродушной. А такие усатые Кармен-сюитки - добродушными никогда не бывают). Жалко Лидию Павловну. Старики уходят, последние... Скоро будем говорить как о старушках - о Мирошниченко и Гурченко, а они еще гуляют белокурами бестиями.

А на театральном съезде «победителей», 20 октября - наверное пронесли Смоктуновского как Нерона, в ковровом кресле-носилках...

Сухаревской было всего 84 годика, она была молоденькой старушкой, для старушек это начало старости. Выглядела, правда, уже развалюхой (да и всегда была похожа на щётку для бутылей из-под керосина). Для актрисы очень важно сохранить фигуру, а и та же Викландт уже давно как из теста запеченный жаворонок, с изюминами вместо глаз. (И вот эти изюмины подернулись катарактой...). У Дорониной уже тоже ножки подгибаются. Хотя нет, она еще может не только Маслову сыграть, а и Джульетту запросто! И от Сазоновой - от нее иногда может пахнуть и дождём, и ветром, и травой, и воробьями, а от Волчек - всегда только ею самой!..

Осмелюсь подсказать Татьяне Васильевне: Толстой очень жалел, что только в конце жизни он «понял страшную силу контраста, которую

придает образу смелое накладывание теней». А вот та же Нежданова, например - это только от него и могла узнать, вот и стояла потом на сцене разбриллианченная, в горностах-соболях и в предсмертной болезни самой страшной - но счастливым голосом беззаботно распевала: «Тобою бы я, милый, любовалась», «сухою бы я корочкой питалась»..., а публика захлёбывалась в рыданиях, особенно простые люди (по Толстому, они - самые чуткие к высшему искусству). Мне рассказывали очевидцы, что она только запоет: «Зачем тебя я, милый, повстречала», а публика уже в слезы, в рев... Фантазмагория какая-то, только на русском театре это возможно: на сцене, в драгоценных мехах, в парче и восточных голубых сапфирах стояла райская певица царская и прищурившись пела, что «сухою бы она корочкой питалась», а публика билась в восхищении, а колхозницы и вообще обливались слезами...

Шаляпин тоже пришёл в итоге к светотени: так про себя и говорил спокойно, что он «как Рембрандт в пении». Это мало кто понимал тогда, да и сейчас это по силам понять только Дорониной. Еще 20 лет назад, в каком-то интервью, сама сказала что мечтает о роли леди Макбет потому, что знает как играть какой-то там момент в роли. Очень это мне запомнилось. А теперь я уверен, что она говорила тогда об этом же самом, что томило и раньше лучших из лучших в мире театра, в мире искусства. Сейчас она уже играет эту роль, я не спешу увидеть только потому что не люблю ни Шекспира, ни Беляковича, да и дело не в роли, а в важнейшем положении искусства, доступном её силам доронинским...

Сорвала же ведь она перед обомлевшей от восхищения Пыжовой шикарную шляпку парижскую - и предстала вдруг простоволосой русской крестьянкой! Да она и сама русская-распрорусская: я её мать-старуху видел, вместе с нею, в каком-то театре - так та чуть ли ни в фуфайке была и в платке чуть ли не с тремя узлами на спине завязанными... Когда-то мне думалось о Дорониной: вот вся её жизнь отдана театру, а ничего не получается. И вдруг - переезд в Москву, всеобщее внимание, стремительное наращивание, непредсказуемость (с утра еще нужно было определять: в каком театре она сегодня играет?)... Откуда силы в то время, когда другие сникают? Что чувствует очень любимая её мать, когда сейчас её дочку публика только стоя приветствует?? Это ведь для матери отмщение за все неизбежные свои обиды по жизни. Это счастье.

Я люблю счастливых людей.

Анджапаридзе всегда говорила, что любит красивых, я люблю - счастливых.

Сейчас и в 30 лет все уже разваливаются на куски, а она - и до сих пор с миндалевидными глазами. Как это, и что это!?? Конечно, никто из них

не перетрудились, мы больше на работе нервов тратим, в три раза. (А уж эта Доронина - она и вообще - прожила как ложка в меду!..).

Но это грандиозное ощущение: что ты нужна публике! Им очень дорожила, например, Зоя Фёдорова, и только оно удерживало её на Родине (а уж какая была алкашка тайная, и знала что в Америке бы вволю опивалась всякими разными там виски и бренди!). А вот не захотела навсегда уехать: «Как я оставлю мою публику!». Потому что тоже русская была, хоть и без царя в голове.

ВСЕ, ЧТО ТЫ ЛЮБИШЬ - НАДО УКРЕПЛЯТЬ, САМО СОБОЙ СТОЯТЬ НЕ БУДЕТ.

Я абсолютно (подчеркиваю: абсолютно!) уверен, что Доронина в глубине души очень гордится тем, что она - советская актриса, она-то знает что это такое - потому что умна как бес. Ни разу в жизни ни в одной роли не выходила она на сцену обернутая тремя знаменами, а вот актриса - советская. Меня это очень волнует. От этого ведь никуда не деться: что главное в жизни - это не «стенки», не палантины, а идейность. Безыдейного - его во что угодно можно втравить и как угодно повернуть, а попробуйте вы Дорониной сказать что-то такое, чего она не знает про жизнь!! Она знает всё. Она живет для себя - потому и людям что-то остаётся, и люди постепенно догадались и все оценили: что она, лучшая русская актриса - всегда жила в своей стране, среди своего народа, никогда своею Родиной не помахивала...

(Публика дура, да еще какая, но не до бесконечности!).

Вот так.

«Туда» - это надо иметь зов и влечение.

У Дорониной этого нет. (И у меня тоже).

Американцы - одновременно - какая-то недоразвитая страна, но как все живут!..

Впрочем, жизнь там яркая, но скучная. Деревянная культура.

А здесь - Пикуль горел, Невзоров к единственной правде народ обращает, Доронина на сцене беснуется как соловей в черемухе... - потому что их мысли распирают, а Евтушенку, Афанасьева, Куркову, Пугачёву - распирает другое место. (Это очень большая разница: когда распирает п., а когда - распирает душа!).

А у меня только две эмоции: злость и благодарность. (Когда мне что-то дают или дарят - я тут же отдаю или отдариваю, - с какой стати мне должны просто так!?!).

А Куркова давно в депутатах погибла, под депутатами. Креветка. Квакалка.

Была ты Одиллией, будешь Одеттой.

Ничего, все что Бог ни делает - все к лучшему: вот и обнажилось - кто предатель, а кто нет. Толстой - не предатель, Клюев - не предатель, Платонов - не предатель, Доронина - не предатель. А Солженицын - предатель, Шаталин, Яковлев - предатели, Шеварднадзе - предатель. Артём же Тарасов - тот и вообще уголовник. Пулю бы в лоб - и нечего с ним было рассусоливать. И тому ценку - тоже, который в день по миллиону зарабатывает. Нельзя за день миллион заработать. Даже если продать совесть, партию и уют - все равно нельзя. Просто «свои» передали этот миллион «своему» - чтобы у нас мозги совсем набекрень свихнулись...

Никакой тут нет премудрости.

Но думают, что мы не разберёмся.

Разберемся. Мы по три года в пятом классе сидели, - разберёмся!

Разобрались же мы с Кашпировским - что у него очень недоброе лицо! (А он еще усыплял публику, усыплял даже самых красивых мужиков. Как жаль, что нет Лильки Гриценко, Гриценко на него выпустить, она бы его за это быстро «усыпила» - из пистолета!).

Усыпили бы лучше Кашпировский с Чумаком этих, которые еще недавно на мавзолее стояли - как, говорю, карандаши из одного пенала, 34-ый размер обуви, карликовые самцы (меня бы застрелили из-за одного только моего роста!), - иначе они опять вернут скоро те времена, когда если ты не заслуженный артист Мягков, а просто честный человек - так тебе и не доказать, что ты прав!

Вот это и есть капкан, в который они могут просеять кого хочешь: и взятку, и честность.

Лично я не верю ни в какое воскресение страны. А вот Клюев - верил.

«Дедушка, - спрашиваю, - воскреснет народ-то, замок-то губы не будет у него жалить? Запретное, крестное слово скажется?».

«Старичок из Онега-города, помню, все шепотком втишок, размотал клубок свой слезный, что в горле, со времен Рюрика, у русского человека стоит. «Воскреснет, - говорит, - ягодка!»...»

Даже Гоголь таких слов о Руси найти не смог - какие Клюев легко нашёл: «Русь распятая, Русь огненная, Русь самоцветная, Русь - пропадай голова, соколиная, уловная, валдайская!»...

...И все равно я не верю. Не выкарабкаться России на этот раз. Предателей и прохвостов много, с удовольствием предают. Погубят они надзвездную подсолнечную страну нашу. Это божье наказание русским за безмозглость.

«То Бог за шитьем оглянулся назад - и в душу народа вонзилась игла». Это все Клюев.

Предателем не станет тот, кто с народом может «душевно побеседовать».

Выпусти Доронину на простецкую публику - она с ней вмиг столкнется («договорится», по Платонову).

Маковицкий записал в дневнике: что они с Толстым сели той ночью в вагон 3-го класса и легли спать, а когда он проснулся - Толстой уже сидел, в распахнутом тулупе, окружённый набившимися к ним крестьянами, солдатами - и шел яростный разговор: о земле, о воле...

Так бы и Клюев мог.

Так бы и Платонов.

Так бы и Доронина не растерялась.

Потому что - не предатели. Потому что - без «заминки».

А окажись наедине с этой публикой солдатско-рабоче-крестьянской какой-нибудь Шеварднадзе - начнет рассказывать ей, что он «недавно работает», что у него «два сына»...

Сухозадоченные мысли. Предатель.

А еще и рвался в ООН - это чтобы Горбачёвым повелевать, и нас помешивать.

(Он уже пытался их там очаровать - взбитым коком и белыми рубашками, и вернулся тогда «мордой об стол», их этим не очаруешь. Им нужны мысли. А он думал, что просидит шесть лет - и мир его признает. Не признает.

«Лауреат премии Канта – Шеварднадзе». – А я буду лауреатом премии Репина: я совершенно не умею рисовать.

Почти год ждал, что его призовут в ООН. Не позвали. И сразу - подкатился в прежние министры (денежки-то нужны!! Какие расходы в Калифорнии! «Всё для дачурки»-«все для вилочки!»). Тут же забыл про все свои движения демократических реформ!

Еще шесть лет теперь будет нам сказки рассказывать.

Пикуль тоже рассказчик - он столько просыпал мелкой информации, что читаешь и все думаешь: и откуда это все он знает!? Он был самым, что и кто бы там ни был, значительным явлением в литературе! Его должны были бы похоронить в Риге с Яном Райнисом. Видели памятник Райнису? Вот его надо поставить на могилу Пикуля, а Райнису - какой-нибудь крестик католический...

И через Доронину давно бы осина проросла - ни будь она такой оптимистичной! Оптимистичнее её могут быть только циркачи, больше никто.

«На Вас находит истерика. Вы потом жалеете?». - «Очень. Но не могу не хамить: я ведь ученица великих режиссеров - Товстоногова и Гончарова, хотя потом и очень страдаю, очень мучаюсь, все вываливается

отовсюду, прямо на пол». - Это тусклый Мережка допрашивает её на «Кинопанораме», а веселая Доронина обрезает ему по самые помидоры...

Смешная уже немного: с этим мягким голосом, с белым чупруном на отлете, нет уже стюардессной удалы...

Много они ей крови испортили. Доронина им тоже поддавала (она и смолodu была скандальная. Я её очень люблю!). Это они сейчас ей дифирамбы поют потому - что она еще и все московские театры обижала. Да и она в той «Кинопанораме» всех их причислила к «великим» - чтобы не добывали (жрут ведь и посейчас).

Георгиевская любила вспомнить, как Пыжова все удивлялась: «И почему это у Бабановой после спектакля еще какая-то другая жизнь продолжается, особая?! Я же ведь тоже талантливая артистка...».

Она правильно тогда сделала, что ушла от Станиславского: ей в Художественном театре нечего было делать: она не могла быть ни одной из трёх сестёр, ни Раневской, ей только там Фирса играть, в юбке. (Это Чехов был разнообразный кривляка: и Чацкий, и Хлестаков – в одну минуту!). А Пыжова – корявая, унылая. Она и Огудалову потом не так сыграла, плохо, но они тогда там все были придавлены Станиславским: и Протазанов, и все актёры его – он требовал от них «по системе» играть, но у Островского Огудалова вынуждена торговать дочерью, чтобы не сдохнуть с голоду, а она у Пыжовой была такая, что и сама не прочь вылететь за Паратова замуж...

Эта Пыжова играла всегда почему-то купчих, а ей бы надо было играть тамбурмажора, с барабаном - трах-бах-тарарах!!

Равнодушный она была человек.

А от зоркоокой Дорониной ничего не ускользает: она сразу оценила милоту, легкость, театральность и преданность театру - своего старшего товарища по Маяковке, скромной актрисы хорошей - Татьяны Константиновны Бабаниной. Для Гончарова та - «охлопковское охвостье», а для Дорониной она - «красавица с яблошным лицом», - так ласково и надписала на память.

Не столько Гончаров противный, сколько баба его, которая там всеми повелевает: уж какая была Вера Орлова птичка: и зубастая, и партийная - а выкатилась неизвестно куда, и неизвестно сейчас где...

А Капа Пугачёва спокойно говорит: «Таня Доронина - она ведь очень хороший человек, вы только ей это не передавайте. Меня всегда к ней посылали, когда нужно было что-то для театра сделать. Она всегда откликлась, никогда не отказывала».

«Еще бы, - в другой раз смеется Викландт, - красивая, войдет и выйдет с подписанной бумагой!». И вздыхает бескорыстно: «Красавица!».

Эта «Капа» Пугачёва сама - талантливая, смешная и очень славная. Вся такая простая-простая, как мыло поутру.

А Викландтша - это и просто великая актриса. Я так её про себя и называю - «маленькая великая актриса». Это невероятная актриса!

Она мне сама рассказывала, что у нее есть собственные записи репетиций Равенским «Дней нашей жизни» (где, я сам много раз видел, она просто потрясающе играла матушку-пройдоху!), и где в одной сцене он ей сказал, что её героиня здесь должна быть Раневской (из «Вишневого сада», конечно же), т.е. чтобы все её жалели... Ольга Артуровна рассказывает об этом, многозначительно взглядывает на тебя (т.е. «доходит ли?») и сама волнуется - за себя, за Чехова, за Равенского...

(Но и рассказывает еще: что недавно выпущена роскошная монография о Равенском, где авторша называет его «Есениным», а что он, на самом-то деле - был мучителем и сволочью: назначал репетицию на 9 часов утра, а сам приходил в 12 часов - чтобы актеры сидели и ждали, дожидались - это его согрвало).

Действительно, противно.

А в какой-то майский праздник я позвонил Бирман, а ей захотелось вспомнить Немировича: «От него уже все отвернулись, а я пришла на премьеру «Трёх сестёр», он подошел ко мне в фойе: «Дорогая, вы пришли...». Горько, трагично и трогательно заволновалась Сима и через множество лет: «Вот какой он был: и в карты играл, и вино, и насчёт «женщин» был, и прочее - и был святой! Всё», - и бросила трубку.

Начинается сравнение - и начинается боль.

Плисецкая трогательно однажды обмолвилась где-то в интервью, что когда «Хованщиной» дирижировал Голованов - он что-то такое делал в музыке, что ее, стоявшую на выходе в половецкой пляске - всегда подташнивало от волнения, а когда дирижировал любой другой - этого чуда в музыке не происходило.

Русланова пела - за нее жизнь хотелось отдать, а все эти теперешние поют так, что им челюсть вырвать хочется! (Поют, а у самих перед глазами жареные котлеты, а у Руслановой был - Шекспир. Вот и вся разница небольшая).

Зайка - это та плесень, которая выросла на дрожжах НЭПа, а эти - играют трагедию подпольной белошвейки, которая хотела выжить и поэтому пошла в спекулянтки, но очень страдала душевно. А все было не так: была изворотливая хитрая проститутка-нэпманша, и к ней приехал не измученный штабс-капитан из белой армии, не переодетый белый офицер без штанов, а такой ебаришка Яша Фишман...

Искать все эти надо шкварки.

Но все в искусстве хотят «пожить» или отделаться

благотворительностью, а надо как Доронина - жизнь на театр отдать.

Шалапин и Комиссаржевская - те и на том свете счастливы сейчас от такого вот клюевского: «И если за поддельно умирающего в Борисе Годунове Шалапина ученые люди платят тысячи, то вполне понятны и те пресловутые копейки, которые с радостной слезой отдает народ за «Огненное восхищение», за неопишное зрелище перенесения мощей, где тысячи артистов, где последняя корявая бабенка чувствует себя Комиссаржевской, рыдая и целуя землю в своей истинной артистической одержимости».

Если Доронина проникнется и пронзится всей этой фантазмагорией русской - не будет ей равных в поднебесье сцены на Земле, Луне и Марсе!

Она уже на этом пути.

Вот сидит: благополучная, спокойная, лоснящаяся, цветущая, роскошная, а говорит вдумчиво, и ритмически неотразимым жестом медленно поправляет дорогой браслет на руке... (Станиславский знал актрис, которые шляпку поправляли, а публика глаз не могла оторвать. Вот и это оттуда и про то).

Благополучная-то благополучная, а в сущности она - бесприютная странница по дорогам своей мечты.

Мордашка окладистая, аристократического нет каркасика истонченного - что говорит о плебейском происхождении её, царицы русской сцены.

Мне плевать на внешность! Уродливый Астангов, всю жизнь худая как палка, от рождения до смерти, Мансурова, - но какой это театр, какие голоса!! – Недавно лежу, слушаю «Цыгане», 1951 год, Земфира конечно Мансурова, а Алеко – Астангов, от автора – Симонов Рубен... (Наутро переслушал – Земфира, оказывается, какая-то Измайлова, - но всё равно тоже потрясающе!)

А о чём СЕЙЧАС говорить?!

О ком – кроме Дорониной!?

Не о Гурченко же!

Гурченко – она немного выше путанки и манекенщицы, а в Дорониной никогда не было и нет ничего ни от путанки, ни от манекенщицы. Она блядь. Крупная, здоровая, русская блядь-философ!

Все жуткие бляди потом становятся жуткими ханжами (я это и по себе знаю!)

Я такое понаписал и понапечатал уже о Дорониной, что она должна была бы замуж за меня выйти, или хотя бы тридцатку прислать, на колготки меховые, к зиме, тёпленькие. И в большой статье о грандиозном её

спектакле тёркинском – я так воспел её актёров, что они должны были все за это со мной переспать! Я им по глупости и оттиск каждому послал, с тёплым посвящением дружеским. Ни один болван даже не ответил.

Я уверен, что это Доронина им всем шепнула и пальчиком мигнула, что, мол, вы от этого Одинцова подальше. Думал - умру в славе, а тут – никакой славы и никаких колготок, не говоря уже о замужестве! Да чтоб я ещё хоть одну строчку о ком из них написал! – Да ни за что на свете.

Я обидчивый. О Дорониной-то я буду писать и писать, я ей всё прощаю, она великая, а я великим всё прощаю. Я и Руслановой всё прощаю: Лида, обворую весь хоть даже Эрмитаж – всё равно ты великая!

И действительно, наверное, «неисповедимы пути Господни»: много лет, почти всю свою молодость, долгую и счастливую, прожил я в известной многим мансарде мастерской замечательной скульпторши на знаменитой Верхней Масловке, и все эти года я ежедневно невольно лицезрел в мастерской на самой большой и главной полке (под которой, кстати, запросто стояла лежанка хозяйки), среди других скульптур – скульптурный портрет молодой красивой девушки, очень хороший. «Она умерла молодой, родители приходили потом и заказали портрет», - говорил автор. И только недавно я случайно увидел его на Новодевичьем, в мраморе. Оказывается – это надгробие рано умершей дочери Бориса Ильича Вершилова (покоящегося рядом) – иступлённо обожаемого Дорониной её знаменитого педагога-мхатовца, который, я думаю, как только увидел её ещё тогда, давно, юную – мгновенно понял, что именно она распрощавит русский театр на весь мир, а его имя навсегда останется в истории русского театра рядом с её. Он обожал Доронину. А она... - мне недавно рассказывал один мой знакомый, ухаживающий за могилой Марецкой, которая недалеко от вершиловской, а я хожу на могилу своей матери, рядом: «До тебя тут только что была Доронина: прибежала, обцеловала могилу Марецкой и убежала», а я теперь понимаю, что она «обцеловала» Марецкую как свою предшественницу, а прибегала – обцеловать могилу Вершилова, о котором она без слёз не может ни говорить, ни писать (в её трагических больших воспоминаниях о своей жизни, потрясающих, печатаются последовательно в «Нашем современнике» - ею о Вершилове ТАК сказано, что обнажается вся ослепительная основа её натуры).

Короче – Вершилов сразу понял, что она станет ЯВЛЕНИЕМ в истории и культуре русского театра. (И – какой величины какой брильянт он всадил в нестерпимого блеска корону театра русского!)..

Алиса Георгиевна мне рассказывала, что как-то получила от уральских комсомольцев письмо: пишут, что они ежегодно устраивают большие свои собрания и заочно приглашают себе в председатели какого-

нибудь известного знаменитого человека, и что на этот раз они просят её быть их председателем.

«И спрашивают, - улыбается Алиса Георгиевна, - «что такое счастье?». - Ну, я ответила им, что счастье - это борьба за свою мечту», Задумалась и потом усмехнулась грустно: «Да, кто знает - что такое счастье...».

Вся жизнь Дорониной есть борьба за свою мечту.

Счастливым она человек, счастливая актриса. Я ей смертельно завидую. Все ей завидуют.

Я кого люблю - зову запросто: Лида, Надя, Тоня, Маня. Маня Каллас. Разве может быть человек недобрый - с таким добрым лицом как у нее, с такой доброй улыбкой?! (Доронинская чулочница в «Скамейке» тоже хорошая баба, вся такая добрая-добрая: сиську вынет и в щи положит!). А сколько зла нейтрализовала Бабанова своим искусством!? Жила дома в окружении врагов, только я вот теперь думаю: кто знает, а может быть она себя совершенствовала на их фоне!?

Всё тот же мой основной театральный приятель знает чем меня можно заманить: «Приезжай, «Касту диву» поставлю, или «На муромской дорожке». (т.е. Маню, Лиду).

Или Надю - Обухову, её арию Полины: «Я вспомнила».

Или Тоню - Нежданову, как она на разрыв сердца поёт чудную польскую песенку шопеновскую «Если б я птичкой на небе летела».

Или Валеру - Барсову, её Людмилу: «Ах мой милый Руслан»...

Драматических - их слушать в записи не станешь, неинтересно. Их надо вспоминать, с закрытыми глазами. Сразу слеза набегает - когда вспоминаю, как Доронина сидит в темноте на земле и хлоптит носом. А в записи так - слушать неинтересно: Тарасова хлобьщит себя кулаком в лоб и вопит: «Винт свинтился! Туда, на самую середину - и я накажу его!» (и свою п.!). Нет, это слушать и переслушивать бесконечно не станешь. Здесь другое, здесь чудо завязи формы, как она появляется: это надо видеть, как Доронина вся встряхивается, в Мамаевой, в финальной сцене, под занавес: «А я ничего!», а публика аж вся приподымается и заходится, уже даже не смеясь, не хохоча, а разомлевая, без слов...

Подползали же, говорят, поезда «лизать поэзии мозолистые руки», т.е. благодарные ей за то что она заметила их. Так и публика готова «лизать» руки Дорониной - за то, что она позволила ей прикоснуться к душе своей хорошей.

Всё это не хухры-мухры.

За это поэт и актриса жизнью расплачиваются собственной.

«В дни, - говорит, - ваших свадеб, торжеств, похорон...».

А я наблюдал, как выходят к публике великие артисты:

- когда, в 68-71 г. г., служил на Балтийском флоте - после больших гастролей любезно согласилась дать концерт морякам балтийской базы сама Тамара Нижникова. Кругленькая, уютная, молодая, нарядная, а трагически пела волшебной красоты белорусскую песню народную - трагическую «Зозуленьку» («Кукушечка» - кокетливо-ласково пояснила она публике), и с невероятным юмором прелестным - арию Разины, а на поклоны выходила - сияя ямочками, приветливая, ликующая, счастливая...

- на каком-то концерте балетной молодежи кто-то стал выталкивать из кулис и Семенову на поклоны, она яростно сопротивлялась, её все-таки вытолкнули, а публика зарукоплескала - и в тот же миг, как только Семенова увидела публику - она ослабела, заприседала, закивала, засияла навстречу катящимся из зала овациям...

Редко вижу Доронину на сцене - редко бываю в театре, но всякий раз про себя отмечаю невольно, что она неизменно сияющая, дружелюбная и ликующая выходит кланяться публике.

Москвин с остановившимися глазами Епиходова шел так до самой своей уборной, а Качалов говорил, что выходит из образа тут же, как только повернется к публике спиной.

Качалов и был выше Москвина. (А Бабанова Москвина вообще терпеть не могла, это я от нее самой слышал).

Кого бы ни играла случаем Доронина - на публику благодарить выходит обворожительная молодая женщина и актриса из актрис - ничего общего со своим персонажем сценическим уже не имеющая, - и от этого контраста у публики еще больше сжимается сердце...

Все другие, все - так или иначе кривляются на поклонах, и только великие артисты знают тайну и меру связи с публикой.

Ведь что, собственно, происходит: у артиста сердце обрывается, что публика, того вместо (если в жару), чтобы окрошку есть и в погребке сидеть, его пришла смотреть - гадину недостойную её внимания (все великие артисты считают себя такими гадинами недостойными внимания публики), а у той - все цепенеет внутри («всякое, мол, может случиться»), что может быть она в последний раз видит своего любимца, свою любимицу ненаглядную...

Ах, да за это жизнь можно отдать! Это таинственный процесс.

Была Екатерина Великая, была Божественная Грета, Божественная Анна, пусть будет Ненаглядная Татьяна!

Видел на днях сон: Ефремов злобно так спрашивает Доронину: «Ну и что ты, Танька, хочешь?», а Доронина ему отвечает мягко так и сердито: «Чего я хочу, чего хочу! Я хочу того, чего хочет моя публика».

Вот-с.

(Сама великая труженица, Доронина и набрала вокруг себя тружеников больших - Кошукову, Хромову, Кудрявцеву, Клементьева, Стриженову, Кочкожарова...).

Я очень люблю людей, которые работают.

Но самое интересное, что в привидившемся мне сне Ефремов и Доронина - оба только театром озабочены, а какие-то две (скажем так лобковые блошки, милые крошки) из «Комсомольской правды» (8.11.90г.) пристали однажды к Дорониной: «Как Вы относитесь к сексу на сцене?», на что она им тут же вписала: «Это не имеет к сцене никакого отношения».

Бритва еще та!

Но так во всем театре мировом мог ответить еще только один человек (известно уж как его звали).

«А Вы бываете в церкви?», - все не унимаются те две «блошки». - «Забегая», - независимо отвечает на это она.

Она в землю-то глядит - и то на три метра видит, а уж их-то - насквозь!

Ее религиозное сознание, не ищущее вылиться в догматическое..., - а они о подобном и не слыхивали вообще никогда! (Кстати, Резановым Хорошиловой их кличут...)

...И все-то она торопится: уже подобралась и сыграла Гурмыжскую - сладкую мечту русских актрис великих!

Но напрасно она вышла на «Лес»: весь спектакль требует большого накопления хороших актеров, а МХАТ сегодня - это такая торричелиевая пустота!! (Пусть сворачивает «Лес»).

Да и потом: как-то, на сборном концерте, Зуева взъелась на Бирман, что та задерживает актеров собою. «Это не я задерживаю, это ПУБЛИКА меня задерживает!», - заорала на нее простодушная Сима. Так и Доронина пусть отвечает, когда будут спрашивать: почему прекращены спектакли «Леса», что - «публика желает, чтобы я продолжала играть только молодух». На такой аргументарий еще никому в мире не удалось изобрести равноценного ответа.

Я очень это люблю, мне рассказывал один знакомый: что когда Тарасова вводила Доронину на роль Маши в «Трёх сёстрах» - Доронина заявила на первую же репетицию в «мини» и в модных тогда перламутровых сапогах с голенищами чуть ли ни до подмышек. Тарасова ей сделала замечание - так Доронина ни только не взвилась, а скромненько выслушала, промолчала и на следующую репетицию пришла в 50-копеечных чулках «в резинку» и в обычном костюмчике каком-то - и ничего не произошло, грандиозно репетировала, грандиозно потом играла эту роль все 20 лет.

Недавно прекратила - решила что хватит. (Не спросясь зрителей).

Если, Татьяна Васильевна, Вы хотите чтобы театральную публику московскую уже с утра охватывало приятное волнение - продолжайте выходить в этой роли и далее (ПОМНИТЕ про неотразимый аргументарий – «публика желает» - и врежьте его всем кто будет вкаты!).

Пыхает солома, пыхает огонь!

Да кому куда тягаться и со мной - полугением!!

Пыхает солома! Хорошо пыхает.

Публика восхищается Дорониной, затаив дыхание.

И пусть не в претензии будет и публика, и сама Татьяна Васильевна - что в этой статейке моей о ней я раз 150 упоминаю имена Тарасовой, Пашенной, Марецкой, Алисы Георгиевны, Бабановой, Гарбо, Верико.., - это мне хочется через них, с разных сторон - налюбоваться ею, высветить в ней для публики то заветное и драгоценное, что и есть, собственно говоря, понятие «Доронина» - чтобы она потом рядом с ними, продолжая их, возрастая и вырастая - оставалась во времени, в эпохе, в народе, в истории, в мечте, в легенде и в веках...

И про наряды много развожу - тряпки для актрисы большое значение имеют. Как-то, после сольного концерта в Большом зале, я протиснулся в битком набитую уборную к Заре Долухановой - и такой прямо змеюгой нашептал ей на ушко: «В этом роскошном белом туалете вы как невеста прямо». - Она вся вспыхнула, зарделась: «Ах, спасибо!». И тоже шепнула: «А то мне все тут говорят, какой у меня дивный голос, а я это и сама знаю»...

Конечно, артисту призванному - надо думать только все о той же пластике! Только о ней.

И надо бороться с той разрыхленностью, которая родилась на основе подражания, с тем дурным вкусом, который, как это бывает с мнимыми учениками и последователями гениев, будет царить, пока не появится новый гений... А все эти Товстоноговы и Ефремовы - они лишены в искусстве каких-то пониманий. Того самого, что делает жизнь Станиславского достойной, величественной и простой. (Может быть, счастье слияния с природой - инстинкт божий, помноженный на вечность и воплощенный - это и есть гений!?). Кубизм, например - они не претендовали на пластику, они искали другие соотношения, а теперь - всё взято чисто механически. Кубизм семьдесят лет назад решал динамическую конструкцию. Сейчас же это внешнее влияние Мейерхольда - несерьезно и безответственно, под ним нет никакой ни философской мысли, ни образа. Ради чего же это отсутствие и логики и вкуса?! Существование же этих «новаторов» - совсем уж смесь французского с нижегородским...

Что такое известность, популярность, слава?! Ткни в любую замшелую бабку деревенскую: «Знаешь Русланову, Толстого?». - «Конечно,

знаю: она царица наша, королева, а он - заступник наш перед отцом нашим небесным».

А вот кто такие Пугачёва Алла, Солженицын или Саглеев – миллионы не знают и ничуть от этого не понизились. Знать не хотят и не знают - несмотря на «радиву» и «тилявизир».

Как ни крути - к Толстому все сводится и подтягивается!

Э, да и что там: не будь его в нашей жизни - люди давно друг-другу ножом бы пыряли! Всех подряд. А теперь вот пыряют - через одного. ПрогрЭсс!

Посему, прежде всех институтов экономики надо было бы давно учредить институт физиономистики - чтоб всех прохвостов разглядеть заранее.

Страна пережила такие события, погибли люди, хоронят их - а в это время президентская обслуга что-то там рассказывает и заливается смехом, помощничек его хохочет, Черняев (курносый такой, такие носы только у сплетников бываю. Нос сплетника). Все-все они чуждые стране люди. Не нужны они. Они беда.

Я же говорю, что как карандаши из одного пенала.

А Гурченку даже и спародировать нельзя. А что же это тогда за актриса, если её нельзя спародировать!?! Но скорее можно спародировать даже этот кол осиновый поющий, с её «вышла мадьярка на берег Дуная», чем Гурченку - унитазный тембр голоса никакому пародированию не поддается, его нельзя спародировать. Но Пьеха - та хоть по-настоящему добрый человек: я сам наблюдал, давно еще, как после концерта в столичном театре Эстрады, когда к огромной поджидающей толпе вышла сначала Пугачёва, рывкнула на неё, села и уехала, а вышла Пьеха - и вся застонала умиленно: «Ах вы, мои любимые, мои ненаглядные!», тут же вытащила огромную пачку своих открыток, штук 400, цветных, всем-всем подписала... Господи, думаю, какая же ты славная, какой ты умный, милый человек!

Мирошниченку все натаскивают на роль Маргариты Готье! Такую кобылью морду назвать Гретой Гарбо... - я чуть ни поперхнулся чайной ложечкой! Мирошниченко – и в театре, и в кино – ведро, «лошадиная фамилия»: то ли Овсова, то ли Ведрова, то ли Кобылина! Я её люблю: держится элегантно, томно, но сделать из неё Тарасову!., - она своею внешностью разрушает все традиции МХАТа! Помню, в каком-то спектакле про часы с боем, она играла в паре с Абдуловым (не с тем хроменьким, а с сыном его бездарным) – так там из одной его морды можно было сделать пять: Грибова, Андровской и Яншина с хорошенькой физиономией...

Одно время надеялись, что она, как московский министр культуры, может Доронину согнать с места. Нет..., она ничего не может! Она может у Дорониной только волос около п. перекусить. Доронина – это такой зонтик, накрыла собой все театры московские – и Мирошниченку накроет!

Доронина – фартовая девочка, и нога под ней!

Ах, да и эта Мирошниченко - она тоже славная! Игровая, смотровая, красивая - такие тоже нужны театру. Да и актриса она хорошая, кое-что играла очень и очень даже хорошо! Никогда не забуду и её милое, но багровое от слез лицо - на похоронах Тарасовой. При жизни над старухой иронизировала, а вот... Помню тоже и Доронину расстроенную на прощании с Царевым, с повлажневшими глазами при выносе. «Что это она?», - спросил я приятеля. - «Так, своё нахлынуло», - мудро и задумчиво ответил он...

Он же, знавший Доронину по совместной работе у Гончарова (и тоже не любивший ее), рассказывал мне все-таки с восхищением, что как-то, на гастролях, утром заболела единственная исполнительница роли Липочки в «Свои люди - сочтемся». Пришлось дирекции поклониться Дорониной. Та, не обращая внимания на враждебность партнеров (её в театре терпеть не могли!) - весь день репетировала яростно, потом возилась с платьями (ей и здесь пакостили), а вечером молча прошла и сыграла с бешеным успехом у публики, под роскошные рукоплескания. В Москве потом к этой роли ни разу не вернулась, да Гундарева и больше к этой роли подходила, т.е. лучше Дорониной её играла...

Но Доронина-то какова!

А вот её Сонька в заигранных охлопковских «Аристократах» была - «на бис с криком»! (Помню как, давно уже, сидели мы с милой Клавдией Васильевной Пугачёвой рядом на последнем юбилейном вечере Гиацинтовой. Празднество было скучное: Захаров протокольно всё оформил, Фадеева злым голосом объявляла поздравителей..., - нам стало неинтересно и мы тихо зажурчали на свои театральные темы, Пугачёва рассказывала что ничего в своем театре не играет, кроме Дамы-Нюрки в «Аристократах», и что недавно на роль Соньки ввелась Доронина. «Как она??». - «Потрясающе, грандиозно, лучше всех!!», - тут же щедро признала искренняя Пугачёва непосредственная.

Я у всех всегда Дорониной интересуюсь.

Мы совершенно незнакомы, вне театра я видел её только на юбилейном вечере Бабановой, в филиале МХАТа, когда она неостроумно приветствовала юбиляршу от театра Маяковского, и еще раз всего - на вечере столетия ГИТИСа, в самом МХАТе, на Тверском - когда она с невероятным остроумием, под шумные восхищённые овации, тоже приветствовала, что-то говорила такое юбилейное... Вот и все. (Если не

считать одного еще случайного нашего разговора частного, на улице, давно уже, лет десять назад, я был еще студентом - и её крайней нелюбезности в этом разговоре).

Критиков ведь надо на поводу держать, реверансы перед ними выписывать Немирович – тот, например, оглоушивал их тем, что самолично являлся, пешком забирался к ним этаж этаж на восьмой и любезно приглашал в штат сотрудников Художественного театра...

А Доронина хотела от меня, ни к чему не причастного и ни на что не претендующего вообще, фырком отделаться.

Я вот ей сейчас фыркну!

Я ей фыркну!

(В театре - это пострашнее чем у домны стоять: то ли обожжёт, то ли нет, а в театре - всегда!).

Вот сейчас я ей и устрою «бенефис»!

Грета Гарбо - она никогда не была красивая, такая лопоушка, но её внешность все равно ТАКАЯ запоминающаяся, что сверхкрасота Мэрилин Монро от значительности внешности Греты Гарбо кажется просто хорошенькой мордашкой, и не больше.

Вот и постарайся потом понять: что такое красота!

Красота - это красивая физическая культура лица, украшенная спокойствием, мимикой и каким-то сверхподсветом, внутренним подсветом изнутри, дьявольской осмысленности и ума.

Из всех актрис - это только Грета Гарбо.

Может быть, такой внутренний подсвет был в Бетт Дэвис, чуть-чуть в Кэтрин Хепберн - но у них, при всех возможностях журнальной красоты, никогда её просто напрочь не было.

Вот тоже необъяснимое про «чуть-чуть» на тему внутреннего света - есть в смуглых глазах Чурсиной.

Доронина же, обладающая сверхсильной парикмахерской красотой - дьявольски театрально одарена, и хватит! А все подсветки - не больше, чем у любой бабы в бане, когда они подсматривают в скважину парилки для мужиков (и что-то планируют. Они всегда что-то планируют). У нее немножко такая холодная, но какая-то оторванная, неземная от России красота. Я бы не сказал, что она создана для обложек журналов Запада. Нет, у нее другая красота. «Человеческая». И её так и хочется встретить на Крещатике у витрины, где написано «пирукарня».

Ну, все - мне теперь конец: она тогда пойдёт на розыск, у неё два десятка полковников под каблуком, она им мигнет...

Но и зачем она, дура, 14 июня 1991 года, в «600 секундах» призналась Невзорову, что она «в растерянности»?! Это ведь тоже что и Пиккуль признался как-то где-то, что у него 5 классов образования, - все

твари обрадовались и возликовали, удовольствию их не было предела!! В какой «растерянности» может быть краса и гордость русской сцены современной, да и более того - гордость русского народа!!?

Ей хотелось быть патетической, но сейчас, когда рыдает вся страна - разрыдаться Дорониной не диво! Агонизирующая страна, с её первым Президентом (с которым тут же подружился Горбачев, а значит и Буш с Клинтонем).

Ей нужно поставить, говорю, что-нибудь трагичное, античное. Ей нужно поставить «Трамвай Желание», такую страсть, - я думаю, что она могла бы поставить не хуже Гончарова. Ей нужно обязательно обратиться к античной Греции или к переводным драматическим пьескам на историческую тему. Все знают, что Ульянова сделала не современная драматургия, а переводная: его Литаний, его Ричард, а если б не было двух этих пьес - что можно было бы вспомнить в театре об Ульянове?! Какие роли в театре? Генерала корнейчуковского времен Отечественной войны?? - Чуть! Если в кино - то там он только председатель колхоза, да и то там самым потрясающим было то, что режиссер Салтыков впряг в плуг двух баб - и это потрясло мир: это был колхоз 48 года!..

Все это потрясло, но уже не меня и не теперь.

Дорониной - ей нужно потрясение, показать себя, ей вместе со своим театром надо вернуться к переводным спектаклям хорошим. Потому что если «глаголом жечь сердца людей» у них не получается - то пусть хоть трагически заверещат и грохнутся об пол в какой-нибудь трагедии, не жалея костей!

А Ульянов, Ефремов - это такая функция от Станиславского, Мейерхольда и Вахтангова!! Они становились не по велению сердца великими актерами, а из расчета что нужно получить как можно больше денег. Это дети своего чистоганного времени. А для этого надо быть не большим актером в душе, а иметь большое место в театре. Их театральное имя делало не система Станиславского, а система партийного выживания, хватания больших должностей, система Владимира Ильича Ленина.

Все это далеко от того, что я жду от искусства.

А Доронина... Был Товстоногов, на минуточку - он её открыл, Ефремов её только закрывал. Гончаров её никак не выявил, она должна была везде продираться сама, а актриса, которая работает локтями, продираясь сама - уже пол-человека и четверть от большой актрисы...

Ну вот, разделался - «обжѐг» её за ту давнюю нелюбезность! (Сейчас буду зализывать).

Это она нелюбезная, а я нет: я вот - никакой занозы душевной не показывая - с удовольствием отправляю завтра в печать эту тёплую статейку о ней.

Очень тёплую. Такую тёплую, что на месте Дорониной я бы автору язык выдрал его поганый, или линчевал бы его публично!

(Я бы ему показал, как хвостиком вилять!).

Да, но и если чего-то не смог я выразить и донести - отношу это к моим институтским руководителям А.Н.Анастасьеву и Ю.С.Рыбакову: не научили.

Обвиняю их.

Но...

(«Да, но есть маленькое НО...»), - говаривал один ростовский гинеколог).

Но... -

Моя тетка, всю остальную жизнь не забывавшая своего умершего юного старшего сына - умирая потом сама, попросила младшего: «Положи меня к Юрику под бочок». Как хотел бы я тоже потом забрать с собою из этой жизни «под бочок» - всего лишь и только, что: Анна сама, первой, оглянувшись на Вронского на станции Обираловка, и как любимый платоновский герой загляделся на свою будущую жену Афродиту, и как потом хотел в обиде пройти мимо нее, но «сердце пошло наперекор всему, уводя человека к его счастью», и клюевскую музу, приходящую к нему на огонек «пораспарить в горле ком дневных потерь и огорчений», и как счастливо и щедро смотрела Доронина на жениха в «Трех тополях»... Хоть Господь и ведет человека к лучшей доле и высшей свободе, но а вдруг в будущей жизни будет холодно, а я тогда - «вспомню только вот это» - расплачусь - и согреюсь...

И согреюсь.

Ведь и «Анна Каренина» в Художественном театре - это была Тарасова в чистоте её жанра: удивительно артистически сделанный нерв!! Актриса праздника, праздничная! Еланская праздника не создавала, Андровская - субреточная, хорошая на эти роли, а в Тарасовой - был праздник большого искусства, а ля Бернар Сара!

(Что оставалось делать Бабановой..., - играла в погорелом театре всю жизнь!).

Но только вот Толстой говорил в «Анне Карениной» - о трагедии женственности, а Тарасова играла, в силу сталинизма, играла революционерку Анну - она гордилась, что она первая разорвала семейные путы, а Хмелёв играл совершенно затхлого мастодонта скучного, который для того только и создан, чтобы ему все изменяли, потому что невозможно было не изменить Хмелеву-Каренину. МХАТ сегодня - напроць, наотмашь - не тот, другой театр, нельзя ругать ни Доронину, ни Ефремова, - он другой. Это невозстановимо – как отрезанная рука. Вот театр Советской Армии - как был так и остался занудным, а в МХАТе не осталось ни сил, ни

традиций старого МХАТа. Гальванизация МХАТа безуспешна! Всё остальное может называться театром, МХАТ не был театром, он был синтезом всего самого лучшего, что только в мечтах можно было назвать театром!! Воскресить, гальванизировать МХАТ уже никогда не удастся. Его надо теперь называть как хочешь. Тарасова была Дузе советской, а Пашенная - Сарой Бернар. Пашенная была могучая баба. А Алиса Коонен не Алиса Коонен как таковая, а прежде всего актриса, у которой был её театр, её роли, её труппа, её туалеты, только ее, никакая не бутафория номерная в театре, и она сама только на фоне всего этого, и весь смысл в этом. Тарасова - это Дузе, актриса №1 на московском небосклоне. Пашенная - другой театр, абсолютная актриса №1 (без «прим», без «а», просто №1, - и Сара Бернар!). Все остальное - может быть абсолютно прекрасным, как неповторима и прекрасна Бабанова на своем месте - абсолютно без своего театра, без своего режиссера, и почти без своих пьес. Должна была пройти жизнь, её жизнь - чтобы она дожила до лучшего своего спектакля «Все кончено». И опять-таки на чужой сцене. Своей сцены у нее не могло быть и никогда не было. Потому что в ней было что-то мельтешнистое, мелкое в её великом умении великой актрисы. Она выпала в мейерхольдовском театре своим «пи-пи-пи», своим большим умением делать, но не умением быть в мейерхольдовском театре. Она вообще могла тогда закатиться навечно в его этом театре. И о ней бы никто не вспомнил, меньше чем об опереточной Вермель, но слава Богу еще раз: она дожила до олбиевского «Все кончено»! И тут вырос весь большой путь - от блестящей Тани арбузовской, через жалкую Джульетту, совершенно бездарную «12 разгневанных мужчин» - до потрясающего наполнения голосом, чувством, умением, высокой игры и огромным талантом большой актрисы, где очень высоченная, умелая и ловкая Степанова - проиграла перед Бабановой, хотя всегда чуть-чуть как-то обыгрывала Тарасову в «Марии Стюарт». Обыгрывала, но не обыграла! Никому не удалось в этой жизни переиграть Тарасову! (Бабанова засунула Степанову в глубокую п.!) И ещё: о Николае Хмельёве в совершенно сверхсногшибательном созвездии МХАТа - звезды Хмельёва, мерцающего то поярче, то почернее, - для того, чтобы его творчество было подвергнуто самому тщательному анализу, и для того, чтобы через всех Остужевых, всех Качаловых - сказать о последнем, совершенно несравненном, а может быть даже непревзойденном до сих пор, потому что не проанализированном - невероятной силы даровании этого актера! Он стоял и еще долго будет стоять останцом из совершенно неотполированного гранита, не тронутым ни человеческой рукой, ни человеческим сердцем, ни человеческим умом - анализом его деятельности. Но то, что это было НЕЧТО - угадывается теперь только интуитивно...

А в Дорониной нужно славить (и только в ней одной!) не просто прекрасную актрису, а совершенно прекрасный образец вымершей уже у нас русской бой-бабы! Русской бабы затоптанной, заплаканной, затасканной и затраханной. А все подсветки тогда пусть останутся кому-то, Мордюковой или Волчек, а в Дорониной есть какой-то свет большого русского огня, что-то от женщин Делакура на баррикадах (она так же может сиську выбросить наружу - и не ахнет!). Она могла быть вообще моделью для Делакура на русских баррикадах, но не приведи нас Бог дожить и до баррикад, и до Дорониной на баррикадах! Такая дама только продавит. Такую и танк не столкнет - как троллейбуса на площади «Свободной России»! О ней говорят не только как о большой актрисе современной, но и о большом человеке в русском духе. Слава Богу, что таких еще можно найти (ломая голову целый вечер), чтобы сказать: великая баба! Может быть, одна Доронина и есть. Если вы еще знаете кого - то назовите. Только не вспоминайте Фурцеву и Пашу Ангелину.

И в этой иронии нашей есть совсем не святотатство, а так - гипертрофированно-преувеличенная любовь к крупному культурному деятелю, большой актрисе, которая становится весьма собирательным образом вокруг себя - основных, самых лучших, национальных начал. А почему бы и не так?! Знаем, что не одна она может быть собирателем, но мы считаем, что от Сергея Радонежского до Дорониной наших дней - не такая уж большая разница. Если хорошо подумать. Надо так подумать! Надо понарошку всё это преувеличить - и сделать, помочь сделать - чтобы так оно всё и было. Вот всё тогда и сойдётся. Виват, Доронина!

Да, пора-пора, давно пора, много мы сказали о Дорониной, и сейчас из нас так и прёт о ней говорить только хорошее, но уж если задаваться такой целью и поднять её на общегосударственную задачу - то вот прямо каждую секунду чувствуем, что - пора, пришла пора: 12 сентября сделать общенациональным днём, праздником и назвать его праздником в честь Дорониной - ДОРОНИНЩИНОЙ! Ну прямо как в святцах всех святых, самых почитаемых, вроде как Ильи-пророка - ВСЕРОССИЙСКИЙ ПРАЗДНИК ИМЕНИ ДОРОНИНОЙ!

Доронина, конечно, личность. Доронина, конечно, мешает. Она человек, она человек может быть даже больше, чем актриса. Поэтому она - и большая актриса!

Она только одеваться не умеет. А кто из русских актрис умел!? Им было не до этого. Пашенная всю жизнь - две титьки по краям и один бугор посередине: туда клала кошелек, ключи, документы, партбилет, облигации, - но мы не знаем какая была Рашель, а Пашенная была величайшей. И Марецкая - я же говорю: бусы, цепи, клоунское жабо, девять премий Сталинских, пять орденов Ленина и бриллиантовая брошь, из карманчика

пена кружевная прёт, на одном плече лиса, на другом попугай, половина юбки парчовая, треть плюшевая и треть крепдешиновая, сбоку пуговицы атласные и на жопе бант из розового тюльмарина булавкой рубиновой приколот., - нелепая до чертиков, но все смотрели только на то что называлось Марецкой, все откровенно хохотали и она хохотала над собой. Это примета гениев. И Доронина тоже смешная и смешливая: как-то, рассматривая какой-то цветной календарь подарочный - я похолодел: Доронина сидела в развесистом белоснежном берете («пуховеньком, модном»). А Тарасова-миллионерша - в трехрублевых босоножках могла пройтись («крепкие, хорррошие!»). Все они плевать хотели как одеты - они личности! Это только Плисецкая в абсолютно фимозных туалетах (но балерина хорошая). Или сумасшедшая Пугачёва. Не говорю уже все про ту же кинодиву, что и поёт и пляшет и чечетку бьет как Марика Рокк, вся запариженная и закристиандиоренная, а смотреть и слушать неинтересно. Ни Клавдия Ивановна, ни Любовь Петровна, ни Алла Константиновна - сундуками от Картера (тогда правда, Рузвельта) не получали, ни о чем таком и не помышляли, а шили себе у какой-нибудь Берты Марковны в Столешниковом переулке (лупцевали её иногда «бретелька тянет!»), но пели, выплясывали и играли так, что и до сих пор их вспоминают! Любили ВСЕМ радовать публику: и духом, и разнообразными тряпками. Это только древнюю мхатовскую приму двадцать лет вижу в одном и том же - всё копит, хотя ей давно уже пора выбирать: где будет повыше и посуше (не хочу с Шульженко, не хочу с Левитаном - с его государственным голосом, и с Чирковым тоже, а вот тут где-нибудь, около Огнивцева, с Утёсовым...). Но она хоть умна, а её ровесница из Малого - по уму так и осталась гимназисткой, с бантом, на конфирмацию, а одеваться не умела никогда по причине просто безвкусыя. А уж этот трущобный бухарский халат: я думал, что это Барон из «Дна», а это Леонтьев в неопикуемых нарядах...

Вот брякнул (и ведь не сгоряча, - любовно, раздумчиво), что Доронина чего-то там «не умеет», а она читала недавно Цветаеву, смотрю: чёрное строгое бархатное платье, большой кулон с хорошими драгоценностями, нет вычурности и парчовости Плисецкой... Но я хотел сказать, что у нее нет таких портных, ей никто не помогает, она одинока, а потом - её тогда партийный билет, наверное, замучил. Кто она: пока еще только Народная СССР, за границу не выпускали, портнихи свои, доморощенные...

Доронину надо принимать такую как есть, без единой заусеницы, а то тут же вылезет Мирошниченко и тоже чего-нибудь скажет.

И разница в возрасте всего в 1,5 года, и спали с одними и теми же, а всё разное...

В конце концов, мы не знаем какие были и Комиссаржевская с Сарой Бернар: может быть - скучные и кособокие, она же - не скучная и не кособокая, а дивно красивая! Очень красивая женщина. С вытянутой шеей (как будто три дня на верёвке висела!).

Ей так много дано - от головы до пят!! И то что она являет - это не постный БДТ, не верноподданическая Таганка, не МХАТ им.Гельмана, хотя и оперативно названный почему-то «им. Чехова», и не театр им. Ленсовета, где Фрейндлих там отработывала шаг - ходила походкой манекенщицы с большими коленками...

И «им. Горького» Доронина оставила всё-таки своему театру: здание - это среда, оно может и сгореть, а содержание осталось у неё.

ДОРОНИНА - ЦВЕТОК НА РАЗРУХЕ ВСЕГО ТЕАТРА РУССКОГО!

На свете есть талант, ум, красота, а есть и - непохожесть - ни на кого, и несхожесть - ни с кем: никому же ведь не придет в голову ни с кем сравнивать Грету Гарбо! Так и Доронину - во всем современном театре.

Меня всегда привлекала в ней её затаенная глубокая любовь к искусству, и что искусство отвечает именно ей взаимностью.

Хочется назвать её просто **ПОСЛЕДНЕЙ ИНСТАНЦИЕЙ СЧАСТЬЯ РОССИЙСКОГО ТЕАТРА.**

Дай ей Бог здоровья - чтоб она могла еще послужить нашей Родине и народу советскому своим искусством!

...Да, Доронина очень выразительна, очень запоминающаяся и просто- по-женски прекрасна, если ни сказать что она еще и ЭТАЛОН - самый яркий! - АКТРИСЫ на подмостках Москвы и России! Сегодня похвалить Доронину, скажем прямо, не грех: потому что являя собою сплав стольких достоинств как человека, как женщины и как актрисы плюс режиссура и администрирование - делают из нее не просто Народную артистку Советского Союза, а и блестящего деятеля всего советского театра русского, нашего очень талантливого современника.

Виват, Доронина!

Татьяна Александрова

29 мая 2020

Как Татьяна Доронина обручилась с Лоуренсом Оливье

"Приехав в Ленинград, Лоуренс Оливье пошел в театр к нам, в БДТ. После окончания спектакля он прошел за кулисы, чтобы поблагодарить актеров.

Он вошел ко мне в гримерную, заполнив ее своей огромностью, обаянием и приветливой улыбкой. Он протянул мне маленький синий футляр. Я открыла. Кольцо, сияющее каким-то голубоватым светом. Он

взял мою руку и надел это кольцо мне на палец. Не выпуская руки, сжимая ее в своих теплых ладонях и глядя в глаза, он говорил что-то, я ничего не понимала, но это было неважно, важны интонации и то тепло, которое излучал он собою.

Переводчица, улыбаясь, перевела кратко: "Это как обручение. Сэр Лоуренс Оливье обручился с вами. Это актерское обручение". Я поцеловала кольцо, потом поцеловала прекрасное лицо. Он наклонился и поцеловал мои руки.

Кольцо я не снимала. Этот знак "актерского обручения" я носила, как носят орден самой высокой степени и достоинства."

Татьяна Доронина "Дневник актрисы"

Евгений Одинцов

Именно о Дорониной

Брошюра отпечатана на средства автора
при участии ТОО «НПФ ЮБЭКС»

Лицензия ЛР № 063118 от 12. XI.1993 г.
Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Объём 6,5 усл. печ. л.
Тираж 500 экз. Заказ 1636
Цена договорная.

Качество печати соответствует качеству представленных
издательству оригиналов.

Отпечатано с оригинал-макета в Загорской типографии
141300, г. Сергиев Посад, пр. Красной Армии, д. 212б.